

ОЛЬГА ВЕЧНАЯ
F20. БАЛАНСИРОВАТЬ
НА ГРАНИ

· Д. ГАР В РАБОТУ ВВЕЛ ПЕРВЫЙ КОМПЬЮТЕРНЫЙ ПОТЕНЦИАЛ
· ПЕРВЫЕ - ОБЩАЯ КОМ. - ПОПЫТКИ НЕ СДАЛИ. ДВАДЦАТЬ ЛЕТ СПУСТИЛИСЬ И ПЕРВОМ
· ПЕРВЫЕ ПОСЛЕДНИЙ ПОПЫТКА Д. ГАРОВА

Ольга Вечная — F20. Балансировать на грани

Все события, герои, названия газет, фирм и больниц вымышлены. Любое совпадение с реальностью случайно.

I часть

— А где я могу найти кого-нибудь нормального?

— Нигде, — ответил Кот, — нормальных не бывает. Ведь все такие разные и непохожие. И это, по-моему, нормально

Л. Кэрролл

Отрывок 1. Балансирующая на грани

— Алла Константиновна, так что будем делать с последней версией СЭДа?

Я смотрю на черную, слегка побелевшую от тысяч касаний пальцев клавиатуру. Наблюдаю, как алая капля крови стекает с буквы «И» вниз, растекаясь под трапециями кнопок. Сердце учащенно колотится, каждый удар болью отдается в висках и затылке.

— Алла Константиновна, вы понимаете, что еще одна подобная оплошность, и мне придется применить к вашей фирме штрафные санкции? — неумолимый голос бьет своей бескомпромиссностью по левому уху посредством телефонной трубки.

— Я понимаю, — говорю очень вежливо, насколько возможно уважительно, — такого больше не повторится.

На букву «Т» приземляется очередная капля, следом еще одна.

— Тогда в понедельник мы ждем от вас новую версию СЭДа с уже исправленными ошибками?

Салфетки, которыми я зажимаю нос, уже не сдерживают поток, быстро убираю их в сторону, беру новые, находящиеся в открытой пачке всегда под рукой. Собеседница говорит с улыбкой на губах, это чувствуется. Она любит издеваться надо мной, по полной программе пользуя правило: клиент всегда прав. Мой голос звучит несколько гнусаво:

— Да, конечно, Вера Анатольевна. И я еще раз повторяю...

Прерываюсь, так как вижу очередное красное пятно на клавиатуре.

Попытки откинуть голову и прекратить водопад приводят к тому, что здоровенная капля катится от запястья к локтю, на полпути впитываясь в белоснежный три четверти рукав некогда любимой блузки.

— Я еще раз повторяю, — беру новую салфетку и прижимаю к носу, — больше такого не повторится.

— С вами приятно работать, Алла Константиновна. Хороших выходных.

— И вам хороших.

Трубку кладут прежде, чем я успеваю договорить. Тут же хватаю несколько салфеток, вытираю нос и клавиатуру, на которой уже образовалась лужица. Ножичком для бумаги отдираю заляпанные кнопки, чтобы тщательнее провести уборку.

Давление, стрессы, бешеная гонка по карьерной лестнице держат в вечном напряжении. А ведь уже не остановиться. В сфере IT-технологий минута промедления отбрасывает на сотни шагов назад. Если ты (не дай Боже!) ушла в декрет, через три года можешь считать, что у тебя нет образования.

В мире слишком много изобретателей. Катастрофически быстро развивается и

совершенствуется программное обеспечение. Мы не имеем права отставать. Я не имею права уступить. Не смею даже заболеть гриппом.

В следующем году мне исполнится тридцать два. Позади двенадцать лет работы в отделах аналитики, тестирования, развития, последние полтора — в должности руководителя направления разработки системы электронного документооборота, сокращенно СЭД. Когда меня брали на эту должность, говорили, что через месяц я освоюсь. Месяц миновал, и свято верящие в мои способности друзья убеждали, что через полгода станет легче. Через полгода безмерно гордящиеся родители твердили, что они счастливы иметь такую дочь, как я.

Родным и знакомым всегда казалось и продолжает казаться, что мне все дается крайне легко: золотая медаль в школе, диплом с отличием в Университете, успехи в спорте. Наконец, должность руководителя большого отдела.

Три раза в неделю у меня стабильно идет кровь из носа.

Ответственность. Иногда мне чудится, что на шее постоянно сидит двадцати килограммовый ребенок. Ужасно тяжело, но я не могу снять эту ношу. И никогда не смогу.

К сожалению, у меня больше нет возможности вернуться в отдел аналитики или тестирования. Карьерная лестница, подобно эскалатору в торговом центре, движется исключительно вверх. Любая остановка либо перечеркивает все достижения, либо меняет направление движения на противоположное. В последнем случае придется всю жизнь бежать против течения, чтобы не свалиться в самое начало. Попытка сделать шаг назад в сфере IT подобна краху, грандиозному фиаско в жизни. Не справилась. Не оправдала надежд.

Чувствую себя бойцом советской армии, слепо следующему приказу: «Ни шагу назад».

Тщательно вытираю клавиатуру и нос, прежде чем ответить на звонок сотового.

— Катя? Привет, дорогая, — говорю, одновременно набирая в скайпе сообщение главному разработчику: «Придется поработать в выходные».

— Аля, я тебя не отвлекаю? Звоню напомнить про свой День Рождения в следующую пятницу. Ты же придешь ко мне домой?

— Приду, — говорю. Сама пишу: «Я тоже выйду, не ты один. Нам кровь из носу... — стираю, — нам обязательно нужно исправить ошибки и отправить новую версию в понедельник».

— Вот и славненько. Аль, а в твоей компании сейчас нет открытых вакансий?

Друзья и родные всегда говорят «в твоей компании», несмотря на начальников в количестве трех человек перед которыми регулярно приходится отчитываться.

— Эмм, кажется, есть одна: помощник системного администратора. Эдик уходит в отпуск по уходу за ребенком, — говорю не без зависти в голосе.

— Эдик?!

— Ну да, его жена полгода посидела, теперь его очередь. А что такое? Тебя уволили из ресторана?

— Нет, что ты! Сплюнь. Ко мне братик приехал. Вот работу ему подыскиваю.

— У тебя есть брат?

— Да, младший. Так что, поможешь? Вся надежда на тебя.

— А кто он по образованию? — Читаю сообщение: «Я женюсь, поэтому не могу выйти». Вспоминаю об этом слишком поздно. Вот черт. — Катя, слушай, пусть он отправит мне резюме на ящик, я передам в отдел кадров. Очень занята, честное слово.

— Хорошо, дорогая, до связи! И не забудь про пятницу.

Прощаюсь с Катей и пишу: «Может, хоть на пару часов выйдешь?»

Он отвечает: «На пару часов — выйду».

Откидываюсь на стуле, запрокидываю голову и мечтаю о руках мускулистого Мено, чьими стараниями я полгода назад в Таиланде приходила в себя после сдачи крупного проекта. Его руки... нет, не так. Его восхитительные руки за десять сеансов возвратили мне спокойный сон, вытащили из тяжелейших мыслей о собственной безнадежности и бездарности. Вернули одеревеневшим после тяжелейших первых шести месяцев на новой должности мышцам желание двигаться. Мено, кстати, и посоветовал мне заняться йогой, чтобы держать себя в тонусе.

Утро понедельника ничем не отличается от утра субботы или воскресенья, если ты работаешь в «Электронный документооборот точка ру». День недели имеет значение только для клиентов, для нас же стены офиса давно стали роднее и привычнее домашних.

Планерка идет вяло. Разработчики, утомленные жаркими выходными, исподлобья тарачатся на бодро вещающего директора, который регулярно несколько раз в месяц устраивает разносы во всех направлениях, начиная с нашего. Я стою в углу, разглядывая вчерашний маникюр и размышляя над тем, что случится раньше: меня уволят, или фирма получит первый штраф? Хотя, очередность этих событий не так уж важна. Что по-настоящему важно, так это их неизбежность.

Затянувшаяся на час речь Сергея, наконец, обрывается телефонным звонком его жены, во время разговора с которой он всегда выходит из переговорной, а мы через другую дверь успешно разбегаемся по кабинетам. Я, которая должна подавать пример подчиненным, настолько сильно устала за выходные, что стартую первой. Впрочем, пример все-таки подаю, правда, не тот, которой следует. Стук моих каблучков эхом отдается в пустом коридоре. Шаги быстрые, широкие, несмотря на сковывающую движения узкую юбку карандаш.

— Аля, я, конечно, все понимаю, ты устала, на тебе держится целая компания, но...

— Что случилось? — стараясь не сбавлять темп, поворачиваю голову к еле поспевающей за мной Нине, нашему секретарю.

— Совсем с катушек съехала? Ты вообще читала резюме, которое мне отправила?

— Эмм, какое резюме? — Вероятно, Сергей захочет продолжить разговор уже в моем кабинете, тогда нужно успеть подготовиться хотя бы морально. Надеюсь, сегодняшняя версия Вере Анатольевне понравится, иначе, если мне позвонят при Сергее, я окажусь в крайне неприятной ситуации. Может, на время его визита выключить телефон?

— Олега Баля! На должность сисадмина.

— Баля? — Понимаю, что Нина все еще идет рядом. Обдумываю ее вопрос. Девичья фамилия подруги помогает, наконец, понять, чего от меня хотят.

— Аля, ну ты даешь! — продолжает возмущаться Нина. — Ты вчера мне на почту отправила резюме с пометкой, что кандидат лично от тебя.

— Да-да, точно. Вспомнила. У меня сейчас, вероятно, разговор с Сергеем, а потом с «Свежими продуктами», все мысли там.

— Полагаю, Дмитрий сможет подождать полминуты.

— Вера Анатольевна, — поправляю, вздыхая.

— Аля, ты хотя бы читала это резюме?

— Разумеется, — лгу, не задумываясь.

— Он врач! У него медицинское образование. Даже курсов нет в нашей области!

— Да? Может, он самоучка.

— Он три месяца назад вышел из психушки!

— Что? — замираю, поворачиваясь к Нине. Полноватая, но очень симпатичная девушка ниже меня на полторы головы, и когда мы обе, как сегодня, приходим в офис на каблуках, то приходится наклоняться, чтобы смотреть ей в глаза. Пару раз моргаю, пытаюсь понять по лицу собеседницы, говорит она правду, или же пытается привлечь мое рассеянное внимание. — Он — что?

— Не знаю, где ты его откопала, но держись от Баля подальше. Я навела кое-какие справки. Этот парень сам учился на психиатра, но потом у него поехала крыша, — покрутила у виска. — И он, — понизила голос, — укокошил свою женушку. После чего его кое-как отмазали от тюрьмы, отправив лечиться в «Курчатовку», пока ее не закрыли, затем переводили туда-сюда, и совсем недавно отпустили на свободу.

— Думаешь, он может быть опасен?

— Пф, даже не сомневаюсь! Сейчас у него якобы период ремиссии, он находится под наблюдением, но... у него было две попытки суицида! В общем, я настоятельно не рекомендую рассматривать эту кандидатуру в качестве сотрудника нашей успешной компании.

— Да, конечно... признаюсь, я даже не смотрела резюме. Спасибо, что пробила информацию, — оторопело говорю, потом замираю, увидев в конце коридора Дмитрия. Что он здесь делает? Сердце сжимается. Чувствую, как розовеют щеки — обычная реакция на внезапный визит этого мужчины в наш офис. Неужели версия настолько ужасна, что директор «Свежих продуктов» решил лично сообщить о штрафе? — Отправь Балю вежливый отказ, напиши, место уже занято. Не мне тебя учить. А сейчас иди, у меня встреча. И... Нина принеси нам кофе.

Ну, Катя, ну дает! Мало того, что у нее, оказывается, есть младший братик, так он еще сумасшедший убийца! Вопрос только один: она специально умолчала об этих милых деталях, или просто забыла?

— Алечка, душа моя!

С Дмитрием у нас всегда были странные отношения. Странные — в самом худшем понимании этого слова. Правда, именно благодаря ним наша фирма выиграла конкурс и теперь пишет СЭД для сети супермаркетов «Свежие продукты».

Даже не сомневаюсь, что по-джентельменски открывая дверь и пропуская вперед, Дмитрий многозначительно смотрит на мою пятую точку. В подтверждение догадки он, недолго думая, легко шлепает по ней и самодовольно улыбается.

— Ты же знаешь, — говорит, прикрывая за собой дверь, — как на меня действуют эти обтягивающие юбки.

— А ты должен уже понять, что у нас исключительно деловые отношения, когда мы в этом офисе.

Тридцать восемь — это, допустим, не юбилей, но также отличный повод собрать друзей и знакомых вместе, выпить хорошего вина, послушать отличную музыку и вдоволь пообщаться. Оглядываюсь, переступив порог Катиного дома, и подмечаю — абсолютно всех друзей и знакомых.

— Слушай, дорогая, да ты имеешь успех! — восклицаю я, обнимая подругу, после произнесения подготовленных заранее слов поздравления и вручения подарка в виде конверта с некоторой суммой. — Скольких же ты позвала?

— И не говори, — отмахивается Катя, делая вид, что не польщена комплиментом. — На мою первую свадьбу пришло меньше народа. — Заливисто смеется. Ей очень идет смелое бирюзовое платье с красивым овальным вырезом, оголяющим плечи, и высокая сложная прическа. Жаль, я не успела забежать в салон, как была — с работы — помчалась в гости, сменила только туфли да топ в машине. — Большая удача собраться вместе. Так редко это удается сейчас, когда у всех семьи, работа. Конечно, пришлось в спешке дозаказывать еду. Сама понимаешь, я не рассчитывала на такую толпу. Надо было, может, ресторан выкупить. Проходи, раздевайся, садись за стол.

Михаил, муж Кати, оказывается столь любезным, что помогает снять пальто, убирает его в шкаф.

— А Димы сегодня не будет? — спрашивает он, поддерживая разговор.

— Возможно, он заберет меня позже, но заходить не будет точно.

— Вы не очень ладите в последнее время?

— Боюсь, что мы совсем перестали ладить.

Дом Трифоновых без труда вместил полсотни гостей, не считая детей. В обширной столовой, выполненной в бежевых тонах с темно-серой плиткой на полу, прямо напротив настоящего камина, тепло от которого чувствуется даже при входе в помещение, поставили огромный стол, заставленный всевозможными блюдами и напитками. Играет медленная музыка, многие пары уже танцуют, прижимаются друг к другу, пользуясь специально приглушенным освещением. Очень хорошо, я пришла вовремя. Обычно я специально опаздываю на вечеринки, друзья давно перестали удивляться этому, да и обижаться тоже. Терпеть не могу период, когда гости подтягиваются, произносят длинные тосты, неловко молчат. Зачастую, как и сегодня, предпочитаю приходить чуть позднее середины веселья.

Присаживаюсь за стол.

Нанятая официантка тут же позаботилась о столовом приборе, рассказала о холодных закусках и горячих блюдах, посоветовала пару деликатесов и вино.

— Привет, дорогая! — слышу позади себя и тут же чувствую, как мне закрывают глаза.

С Машей, как и Катей, мы познакомились на прошлой работе. Три года просидели в банке плечом к плечу, или скорее, столом к столу, пока Катя не ушла в ресторан, а я — в «ЭД точка ру», но с тех пор продолжаем дружить и часто видимся.

— Привет! Смотрю, домашние посиделки в стиле «посплетничаем девочками» превратились в вечеринку года? — посмеиваюсь я, отпивая из бокала вино, отмечая его элитный терпкий вкус. Во сколько же им встал праздник с такими-то напитками? Страшно подумать.

— Да ты что, не знаешь? Вернулся Олег Баль, брат Катьки! Вот, смотри! — кивает на противоположную сторону стола.

Старательно шурюсь, вглядываясь в лица гостей, сидящих в указанном направлении и весело смеющихся. Всех этих людей я знаю давно, это одноклассники Кати. Они присутствуют на каждом ее Дне Рождения, правда, мы никогда особо не общаемся. Разные интересы.

— Да нет же. Ты не туда смотришь, — указывает пальцем на мужчину в молочно-белом свитере. Незнакомец полулежит в большом, на вид очень уютном кресле у камина, вальяжно

раскинув ноги. Как раз в это момент он, словно почувствовав к себе внимание, поворачивает голову, слегка улыбается, фокусируя взгляд на направленном точно на него указательном пальце девушки, снова отворачивается к огню. Мимолетно отмечаю, в руках он держит глубокую вазочку, кажется, с сухофруктами, но не ест.

— Мащ, с ума сошла? Пальцем показываешь! Мы же не на рынке, — приходится грубо одернуть подругу.

— Ну, извини, — говорит значительно тише, продолжая поглядывать на мужчину. — Он прикончил свою жену, после чего...

— После чего лечился в психбольнице, я уже в курсе, — киваю подруге, рассматривая молодого человека. Около тридцати лет на вид. Конечно, сложно судить, когда он сидит в кресле, но на первый взгляд — ростом выше среднего. Светлые, с пепельным оттенком прямые волосы острижены на уровне подбородка и спадают на лицо, закрывая практически весь профиль. Судя по кончику носа — он у мужчины прямой, выдающийся вперед на уровне подбородка, поросшего светлой щетиной. Одет брат Кати, у которой гардеробная занимает полспальни, в простые светло-голубые джинсы, свободный непримечательный свитер и черные кеды.

— Брат Кати блондин? — решаю поддержать разговор, замечая, что подруга начинает обижаться на мое молчание.

— Тоже удивилась, — радуется моему вопросу та. — Он такой странный! Ну, еще бы, после психушки. Весь вечер молчит, глаз не сводит с камина, словно видит там что-то особенное, — закатывает глаза. — И очень много ест, — испуганно округляет их следом, — особенно орехи. Катя только успевает ему тарелки таскать.

— Он давно вернулся?

— Пару месяцев назад. Говорят, у него целая куча справок. Врачи утверждают, что он не опасен, но лично я не понимаю по какой причине, ведь он уже однажды убил! Кроме того, ему запрещено водить автомобиль. Не представляю, как Катя не боится спать с ним в одном доме. У нее же дети.

Праздник в самом разгаре, не без сожаления поглядываю на часы, понимая, что в этот раз ошиблась и приехала слишком рано, да и веселиться не особо получается. Мыслями на работе. Иногда кажется, что мне пора перестать себя обманывать, уже смириться и перевезти кровать в офис. В этом случае получится сэкономить время на дорогу дом-работадом, которое удастся посвятить бизнесу начальника. Тяжело вздыхаю, понимая, что он будет только рад. За окном стемнело, взрослые танцуют, общаются, разбившись в небольшие группки по интересам. Хотя, насколько можно судить, интерес сегодня у всех один и тот же. Мне здесь одной нет никакого дела до того, каким способом лечится брат Кати? Если все его так боятся, зачем приехали?

Кто-то играет в бильярд, кто-то прогуливается в саду возле дома, дыша свежим сентябрьским воздухом. Дети хозяйки и гостей заняты веселыми и иногда чересчур шумными играми с парой нанятых клоунов, которые лично меня поначалу сильно напугали своей боевой раскраской, неестественно высоким голосом и заливистым громким хохотом.

Прошло два часа. За это время пришлось узнать, что «все врачи-психиатры с отклонениями, поэтому ничего в болезни Олега странного нет», «он задушил/зарезал/пытал/изнасиловал/утопил/привязывал к батарее/бил свою бывшую жену». Что «над ним издевались в психлечебнице», где он, кажется, тоже кого-то убил. Чья-то соседка помнила Олега маленьким, а он всегда был очень подозрительным и нехорошим

мальчиком, мучил кошек, собачек, стрелял из рогатки в птичек. В общем, личность самая устрашающая, с какой стороны не посмотреть.

С ним пытались общаться, знакомиться, заговаривать. Девушки, которых, по всей видимости, притягивают «необычные мальчики», приглашали Олега танцевать, угощали вином или виски, но он лишь равнодушно качал головой, изредка произнося несколько слов. Каждые полчаса он выходил на балкон покурить. В этом случае мужчина стоял отдельно от всех, облокотившись на перила, медленно выпускал густой дым изо рта.

Наслушавшись всевозможных сплетен, я могу думать только о том, что не хочу вдруг оказаться на месте Олега. Стало жаль этого несчастного мужчину, вокруг которого вьется целый ворох небылиц и жутких историй. Наше общество не любит, когда кто-то выделяется. Или же, наоборот, слишком сильно любит? По сути дела, никто из этих людей с Олегом близко не знаком, до психбольницы он несколько лет жил в Киеве, а до этого, как я поняла, особо не общался с друзьями Кати. Я тоже его вижу впервые, но, тем не менее, и мне хватило слухов, чтобы отказать в работе, даже не проводя собеседования. Стало стыдно, ведь я оказалась ничем не лучше всех этих людей, тыкающих в него пальцами.

Наблюдая за тем, как Олег в очередной раз идет покурить, я решаю составить ему компанию. Уверенно подхожу и встаю рядом, не имея понятия, как начать разговор. Мужчина мельком посмотрел на меня и вновь перевел взгляд вниз, на играющих в саду детей, которые прыгают в мешках. Точнее, падают в мешках, смеясь и крича. Маленькая девочка громко плачет.

Курит Олег медленно, аккуратно стряхивая пепел после каждой затяжки в стеклянную пепельницу, которую держит в руке.

— Привет, — наконец, здороваюсь я, пытаюсь перекричать ребенка, — меня зовут Аля.

Он вновь смотрит на меня. Хмыкает. Тушит сигарету в пепельнице, которую осторожно поставил на пол у своих ног. Лезет в задний карман джинсов, откуда достает черный потертый портмоне, раскрывает. Расстегивает молнию внутреннего кармана, вынимает сложенный вчетверо и запечатанный в файл лист бумаги. Аккуратно разворачивает и протягивает мне. Все это молча.

Беру из его рук документ, с минуту изучаю заключение врача о диагнозе: «F 20. Шизофрения». Громко сглатываю, так как ни разу в жизни не видела подобных документов и, Бог свидетель, видеть не хотела. Возвращаю ему бумагу. Он кивает, также аккуратно, можно даже сказать трепетно складывает справку вчетверо и убирает в портмоне, который прячет в задний карман джинсов. Достает из другого кармана пачку сигарет, наклоняется за пепельницей.

Видимо, он решил, что наше знакомство закончилось. Я еще раз нервно сглотнула, пожившись.

— Можно попросить у тебя сигарету? — робко произношу, рассматривая собеседника. Как и обычно, я оказалась права — Олег довольно высок, не ниже метра восьмидесяти. Он широкоплеч и вообще неплохо сложен, хотя несколько килограмм набрать не мешало бы, чтобы одежда смотрелась менее мешковато. Мои семисантиметровые шпильки не спасают, приходится смотреть на мужчину снизу вверх. Его длинные пальцы со слишком коротко, до красноты подстриженными ногтями замирают, открывая пачку. Олег в недоумении смотрит на меня, словно не веря, что я все еще стою рядом.

— Ты же не куришь, — совершенно искренне удивляется он.

— Почему? — не меньше его удивляюсь такому ответу. — Курю.

— В любом случае, я в этом не участвую. — Затягивается и выдает на одном дыхании: — Бесплодие, рак, бронхит, эмфизема, ишемическая болезнь сердца, невриты, инсульт и прочее, прочее. Хочешь себе все это? Ради Бога! Но без моего участия.

Столь необычный отказ на пару мгновений лишает дара речи.

— На самом деле я не курю, — решаю признаться, оторопело хлопая ресницами, не в силах сдержать потребность оправдаться.

— Знаю, — кивает мужчина, вновь затягиваясь.

Через минуту поворачивает голову ко мне. Его прямые, немного спутанные волосы падают на лицо, наверное, сильно мешая, например, есть. Хочется убрать их за уши, хотя длины, скорее всего, не хватило бы, и они вскоре вновь оказались бы на глазах и губах.

— Что-то еще? Хочешь сфотографировать справку? — спрашивает он ровным голосом. Большие, широко-раскрытые серо-голубые глаза смотрят в ожидании ответа. Быстрым привычным жестом, словно прочитав мои мысли, Олег убирает волосы с лица, позволяя убедиться, что он очень симпатичный. Правильные, приятные черты лица не создают впечатления женской, мягкой красоты, которая сейчас в моде. Ресницы, незаметные издали, вблизи кажутся огромными, светлая, такая же, как волосы, щетина покрывает скулы и подбородок, огибая четко очерченные одинаковые по ширине бледные губы. Он пару раз моргнул, пока я его изучала.

— Я просто хотела извиниться. Недавно вы получили отказ в работе от нашей компании.

Олег непонимающе прищуривается.

— «Электронный документооборот точка ру», — напоминаю я.

— А, ясно. За последние недели я получил столько отказов, что всех и не упомяну. А почему ты перешла на «вы»?

— Привычка. Всегда, когда начинаю говорить о работе, перехожу на «вы». Надеюсь, ты не обиделся.

— Мне все равно. Хотя, на «ты» привычнее. Почему ты решила извиниться?

Кажется, получилось его заинтересовать, потому что Олег развернулся ко мне, опираясь локтем на перилла, и теперь рассматривает с нескрываемым любопытством от кончиков пальцев на ногах, виднеющихся в капельке выреза туфель, до самой макушки и обратно. Крайне неуютно от столь открыто продемонстрированной заинтересованности.

— Просто вижу, что сегодня ты звезда вечера. Мне стало не по себе, что невольно стала участницей этого цирка.

Он натянуто улыбается, стряхивая пепел в пепельницу.

— Наш мир представляет собой госпиталь святой Марии Вифлеемской, проще говоря, Бедлам. С единственной разницей, что там устраивали шоу по большим праздникам, в моем же случае — каждый день сплошное шоу. С другой стороны, — рассуждает он, — с другой стороны я считаю, что в тринадцатом веке смотреть на умалишенных было куда интереснее. По крайней мере, их заковывали в цепи, и они сидели в клетках.

По лицу непонятно, шутит он или нет. Олег снова отворачивается, затягиваясь, и выдыхает дым в другую сторону от той, где стою я. Поворачивается.

— Я не думаю, что ты умалишенный.

— Тебе еще раз справку показать? — ухмыляется.

— Зачем ты так? Я хотела поговорить по-хорошему.

Серые глаза впиваются в мои. Кажется, они стали еще больше. Затем Олег резко

прищуривается:

— М-м-м. У парочки сегодняшних гостей — и да, я имею в виду и мужчин, и женщин — я заметил некоторые сексуальные расстройства и склонность к мазохизму. Допустим, почему я на их взгляд подхожу на роль садиста, понять можно, но зачем это надо тебе — пока постигнуть не получается.

— Спасибо, я предпочитаю скучный, нудный, но традиционный секс. — Помолчала некоторое время. — Я так поняла, что ты уже всем тут умудрился поставить диагнозы?

Кажется, его позабавила эта фраза.

— Моя слава идет впереди меня. Это льстит. Самое сложное в профессии врача — это научиться не ставить диагнозы себе и своим близким. Эта дурацкая привычка не изживается даже тогда, когда ты перестаешь быть врачом.

— Тебя лишили лицензии?

Кивает.

— Меня много чего лишили, но возможности оказывать людям какую бы ни было медицинскую помощь — в первую очередь. — О чем-то думает, хмурясь. — Если тебе так нужно, чтобы я извинил тебя и твою компанию — можешь считать, что уже сделано.

Тушит сигарету и шагает в сторону своего кресла. На полпути понимает, что кресло заняли, кроме того, вазочка со сладостями опустела, молча, разворачивается и выходит из комнаты. Одновременно с этим, с другой стороны в гостиную забегают толпа деток во главе с переодетыми тетками, сжимающими в руках кучу шариков с криво нарисованными рожицами.

— Говорят, он стал импотентом после лекарств, которые принимает, чтобы не слышать голоса, — крутит у виска Маша, внезапно оказавшаяся рядом. Перевожу на девушку пораженный взгляд, укоризненно качая головой.

— Ну а что? Так Женька сказала, она хотела с ним переспать.

— Зачем?

— Да что ты Женьку не знаешь, она же тащится от придурков. Не понимаю, почему он ей отказал, можно подумать, кто-нибудь еще в здравом уме захочет дать ему. А что было написано на бумаге, которую он тебе показывал?

Отмахнувшись от подруги, я направляюсь к столу, чтобы промочить горло. Мне не по себе. Действительно, все эти люди вокруг не сводят плотоядных глаз с Олега. Никаких сомнений, цель их визита — посмотреть на «психа» в надежде, что он выкинет что-нибудь эдакое. Его пытаются провоцировать, но в открытую приставать боятся. Он интересен, как дикий зверь, по каким-то причинам снятый с цепи.

Когда Олег выходил из комнаты, глаза присутствующих сверлили ему спину. Абсолютно всех присутствующих, увы, даже мои. Некоторые гости прервали разговор, но как только мужчина скрылся из виду, голоса стали в два раза громче, народ торопился взахлеб обсудить «странное» поведение брата хозяйки вечеринки, делился наблюдениями и додуманными подробностями.

Отрывок 2. Балансирующий на грани

Сегодня я как никогда горжусь собой. За шесть часов «выставки», всего лишь второй раз прячусь в ванной комнате.

Поворачиваю ручку крана и умываю лицо холодной водой, намочив при этом кончики упавших на лицо волос, которые тут же прилипли к щекам. Тру глаза. Определенно, если бы меня заковали в цепи, зрелище бы понравилось гостям намного больше. Ну, хотя бы одели в

смирительную рубашку. Жаль, что они уже запрещены. Хм, многие врачи в нашей стране согласились бы с этой мыслью, свое согласие они периодически подкрепляли незаконными действиями.

Засекаю время на часах. Меня должны хватиться минут через десять, не раньше. Целых десять минут тишины и одиночества. Счастье.

Опустив крышку унитаза и сев сверху, я принимаюсь разминать плечи. Мой «доктор» — а я всегда выделяю это слово голосом и интонацией так, словно сам факт обращения таким образом к ЭТОМУ человеку можно считать шуткой. Если бы я был младше, то сгибал бы указательные и безымянные пальцы при упоминании имени своего врача. Так вот, мой «доктор» считает, что я нуждаюсь в адаптации к обществу. Что мне нужно чаще говорить с людьми, найти работу, завести девушку.

Телефон пискнул, сигнализируя о времени приема таблеток. Я достаю из портмоне прозрачную упаковку зелененьких крошечных капсул, вытаскиваю оттуда две штуки и держу над унитазом. Произноса «упс», растопыриваю пальцы. Булькает. Хорошенько смываю.

Вырвавшийся изо рта смешок получается нервным. Кто бы мог подумать, но я никогда не был столь популярным, в том числе и у противоположного пола, до того, как стал «психом». Ирония судьбы, мне никогда не было до этого так мало дела, как теперь, когда я стал «психом».

Резко стало тихо, я даже вздрогнул от неожиданности. Кто-то выключил музыку. Затем, послышались крики, топот, грохот и снова крики. Женский визг. Вскрываю с края ванны, на который облокотился, я спешу в коридор, прислушиваясь к звукам истерики. Возле бассейна полукругом рассредоточилась куча народа, каждый кричит что-то нечленораздельное с общим смыслом: кто-нибудь, сделайте же что-нибудь!

Протиснувшись вперед, я вижу бледную, как простыня, девочку лет восьми, неподвижно лежащую на земле. Над ребенком сидит мужчина и пытается делать массаж сердца, а точнее неистово давит на грудь, отчего детские хрупкие ребра должны вот-вот треснуть.

— Легкие очищали? — кричу я. Никто не отвечает. Спрашиваю еще раз и еще. Люди либо в панике ничего не соображают, либо специально игнорируют меня. Вероятнее всего второе. В толпе вижу ту самую девушку, которая так неуклюже пыталась извиниться за все наше общество. Быстро подхожу к ней.

— Легкие очищали? — выпаливаю на одном дыхании. Видя, что она не понимает, добавляю: — На живот ребенка переворачивали?

— Нет, кажется, нет, сразу...

В следующую секунду я уже рядом с девочкой.

— Я врач, — уверенным, не терпящим возражения голосом сообщаю свой статус, отстраняя недоспасателя. И тот, хоть и прекрасно знает «врача», слушается командного голоса. — Все замолчите! — кричу, проверяя пульс. В такие моменты, я перестаю себя контролировать. Включаются рефлексy, выработанные за годы учебы, а точнее: спасти жизнь, чего бы это ни стоило. Переворачиваю ребенка на живот, открываю рот и пытаюсь вызвать рвоту. Несколько надавливаний на грудную клетку, и еще раз. Вытекает только вода. Чёрт! Никаких изменений. Возвращаюсь к массажу сердца и искусственному дыханию.

Так тихо. Кажется, люди перестали дышать, а, может, это я ничего не замечаю, преследуя единственную цель. Девочка не шевелится, пульса нет. Стараюсь работать так быстро, как только умею. К счастью, руки помнят, что и как нужно делать. Если бы я не знал анатомию, сказал бы, что команды мозга не требуются. Автоматом одно за другим

продельваю действия необходимой первой помощи утонувшему. Делаю то, чему когда-то собирался посвятить свою жизнь — помогаю.

— Бесполезно, — кто-то обреченно вздыхает минут через десять.

— Где ее мать?!

— Утонула девочка.

Но еле различимый, медленный пульс появился, и я не собираюсь отступать. Еще через десять минут девочка закашливается, ее начинает тошнить, и это прекрасный результат. Кажется, я впервые за последние полчаса выдохнул.

— Кто-нибудь вызвал скорую? — тут же спрашиваю, понимая, что прошло слишком много времени, карета должна давно прибыть.

— Я вызвала сразу же, — отзывается та самая девушка, на мой взгляд, самая адекватная из всей толпы.

— Тогда где она? — рывкаю. — Дайте одеяло или куртку, что-нибудь! Ребенка нужно согреть.

— Евочка! — раздается истошный вопль женщины, бегущей через двор к чуть было не случившейся трагедии. Следом доносятся звуки сирены.

Я кутал ребенка в одеяло, растирая посиневшую кожу, как почувствовал, что меня грубо дернули за кофту и попытались отпихнуть:

— Что ты делаешь с моим ребенком, шизофреник! Отойди от нее немедленно! Сумасшедший! — кричит женщина, наверняка, мать этой девочки.

Еще раз взглянув на ребенка, убедившись, что она дышит, что я сделал все, что мог, примирительно поднимаю ладони над головой, показывая, что руки на виду, и я уже ничего не делаю. Начинаю отходить. Мамаша кидается обнимать дочь, крича в мою сторону оскорбления, в значения которых вникать не хочется.

Подбегают врачи, поднимая шум вокруг разрыдавшейся девочки. Ребенок бы не плакал, если бы мамаша своим ужасом не перепугала ее до потери пульса.

— Кто подпустил к моему ребенку психа? — визжит женщина. Кто-то ее поддерживает, ко мне обращаются несколько взглядов, не предвещающих ничего хорошего.

— Все, я уйду! — всплеснув руками, я разворачиваюсь и быстро иду к дому, слыша вслед: «Вы слышали, он представился врачом?!»

Да, наверное, не следовало этого делать. Просто, в экстремальной ситуации остальные чувства отключаются. Мозги у тебя отключаются, придурок. Слабый пульс появился практически сразу. Девочка бы пришла в себя даже при помощи того мужчины, возможно, я спас ее от пары сломанных ребер.

Надо же было вылезти вперед! Хотел же просидеть это вечер тихо, не привлекая внимания! Получить зеленую галочку в журнале «доктора».

— Молодой человек, Баль, так, кажется? — догоняет меня на полпути к входной двери один из врачей скорой помощи.

— Кажется, так.

— Вы спасли жизнь этой девочке, мы бы хотели поблагодарить вас и...

— А можно об этом забыть, будто меня там не было? Понимаете, — начинаю объяснять, видя изумленные глаза молодого врача, — по некоторым причинам, я не должен был играть в супермена, и если об этом узнают... в общем, давайте вычеркнем мою фамилию, хорошо?

— А что мне написать в отчете?

— Напишите, что вы ее откачали. И передайте мамаше, чтобы лучше смотрела за ребенком.

Схватив куртку, я быстро ухожу на улицу. Прогулка кажется жизненно необходимой процедурой до возвращения в комнату.

Гребанные клоуны, гребанная мамаша! Девочка действительно чуть не утонула. Меня трясет от негодования, а, может, от страха за ребенка.

Быстрым шагом добираюсь до парка и гуляю там около получаса, стараясь ни о чем не думать, успокаиваясь. Получалось плохо. Если ты часто видишь смерть, начинаешь относиться к ней проще, как к чему-то неизбежному, неотвратимому. Нет, привыкнуть невозможно. Скорее, ты принимаешь ее, смиряешься. Но стоит на несколько лет отойти в сторону, абстрагироваться, перестать с ней бороться, то при следующем столкновении тебя снова начинает трясти от ужаса.

Откачал бы этот мужчина ребенка? А что было бы, если бы никто не увидел, как девочка тонет?

Выживет ли она? Шансов много, но возможно всякое. И отек легких, и остановка сердца. Надеюсь, мамаша сознательно отнесется к лечению. Ни единого к чертовой матери сомнения, если родители откажутся от госпитализации, если врачи не заметят опасности, и девочка умрет через несколько дней — в ее смерти буду виноват только я.

Мимо пробегает спортсмен, быстро обгоняя и устремляясь вперед, легко касаясь кроссовками асфальта. Взглянув на свои кеды, я тяжело вздыхаю — одежда явно не для бега, но что поделаешь? Бегу следом.

Хочется вернуться, попросить докторов, чтобы тщательно обследовали девочку, хочется попросить ее мать настоять на госпитализации. Никто не будет слушать отстраненного врача, а я давно сжег свой диплом, чтобы не занимал места на полках.

Бегал я долго, вернулся домой вспотевший, усталый, запыхавшийся.

— Ну, слава Богу! Мы тебя уже потеряли! — машет руками Катя. Ее муж, Михаил кидается ее успокаивать, шепча что-то вроде: я же говорил, что он в порядке. Девушка, представившаяся Алей, тоже здесь, почему-то не уехала со всеми гостями. Она скрестила руки на груди и смотрит на меня... «как-то странно» — это самое неподходящее выражение из всех, что только можно подобрать, но иного у меня не получается. Наверное, выгляжу я ужасно, не говоря уже про запах пота, струйки которого до сих пор катятся между лопаток. Хочется в душ, переодеться в более подходящую одежду и побегать еще. Хочется оказаться в своей комнате.

— Олег, тебе не следовало вмешиваться сегодня, — наконец, говорит сестра. И без нее знаю, что не следовало. На мгновение перед глазами — стены психбольницы, даже приходится качнуть головой, чтобы прогнать иллюзию.

— Единственное, что мне следовало, — восклицаю яростнее, чем следовало бы, реагируя на разочарованный взгляд сестры, — утопить в бассейне ее мамашу, которая доверила ребенка двум сумасшедшим теткам, разукрашенным в стиле Джокера!

Эффект восхитительный. Именно в такие моменты начинаешь понимать, что никто из твоих близких, хм, друзей, не верит в твою невиновность.

«А ведь он может», — настолько ясно читается на лицах присутствующих, что я усмехаюсь.

— Подожди, что ты такое говоришь, Катя, — возражает Аля. — Он же спас ребенка, пока мы все испуганно таращили глаза! А мамаша этой девочки, действительно, непонятно

чем занималась с Павлом в беседе в саду.

Называется, помощь пришла, откуда не ждали. Но разговор этот пора заканчивать, я поворачиваюсь в сторону входной двери и совершенно серьезным голосом произношу:

— Эмиль, пойдём. — Киваю головой и иду к лестнице. Тишина, ударившая в спину, становится лучшей наградой за мой необдуманный подвиг.

С Эмилем мы моемся в душе, после чего, укладываемся на мою кровать. Я даже уступаю ему подушку и двигаюсь, чтобы парню было комфортно. Он не любит, когда я касаюсь его во сне. Наверное, я не нравлюсь Эмилю, или же, он не является геем. Скорее всего. Впрочем, я этого ещё не решил.

Нейролептики крайне медленно растворяются в воде. Жаль. Мне бы хотелось наблюдать, как они шипят, раздуваются, пенятся. Я мог бы представить, как все это происходит в моем желудке. Как дрянь впитывается в кровь и за несколько секунд разносится по всему организму, наконец, попадает в мозг, где и происходит самое интересное. Нейролептики снижают передачу нервных импульсов в тех системах мозга, где передатчиком этих самых импульсов является дофамин, вызывая при этом такие побочные эффекты, как паркинсонизм, тризм челюстей, слюнотечение... нарушения менструального цикла — ну хотя бы это мне не грозит, половые дисфункции, депрессию, развитие онкологической патологии, бесплодия... Я мог бы говорить о побочных эффектах часами. Ну, это все потом, а сначала...

Сначала ты перестаешь быть. Тебя словно нет. Зато есть судороги, скованность, тики, непонятные ощущение в области солнечного сплетения, сон с открытыми глазами, ощущение придавленности к земле. И это только самое начало. А потом ты медленно тупеешь.

Наблюдая, как вода в унитазе уносит в канализацию отраву, я думаю о том, что мысль о побеге в первые месяцы заключения была единственной. Правда, потом я перестал понимать, зачем хочу убежать. И когда один раз об этом спросили, я растерялся и полез через забор обратно. Это была моя единственная возможность унести оттуда ноги, больше меня не оставляли одного на свежем воздухе.

И все-таки, жаль, что они не пенятся, не раздуваются, не шипят.

Утром мне позвонили и пригласили на собеседование в ту самую компанию, за которую так отчаянно извинялась Аля. Наверное, ей очень понравился Эмиль. Хм, еще бы, Эмиль всем нравится.

К огромному бизнес-центру со странным названием «Flower», видимо, хозяин очень любит природу, прибыл на тридцать минут раньше, чем необходимо. Наверное, это из-за огромного желания получить эту работу, — объясняю я себе, закуривая сигарету и втягивая в себя воздух через медленно тлеющий табак. Часть продуктов горения всасывается в кровь, часть же оседает в альвеолах, легочных пузырьках, но второе неважно. Для меня имеет значение та самая часть, которая несется с кровью в мозг, затем воздействует на рецепторы, высвобождая дофамин — вещество, вызывающее чувство удовлетворения. И вот они, мгновения счастья.

Курящие врачи обладают огромной силой воли и отвагой. Они посекундно знают, как гробится их организм, и какие будут последствия, но продолжают это делать. Настоящие отморозки.

Внутренне убранство здания, по крайней мере, первого этажа, полностью соответствует

названию самого бизнес-центра. Пять, шесть, семь... восемь! Восемь цветочных магазинов. Буйство красок режет глаза, дурманящий запах сбивает с ног. Наверное, это выглядит очень красиво и радует глаз работников двенадцатиэтажной свечки каждое утро и каждый вечер, не считая выхода из здания в течение дня, например, на обед.

Надеюсь, ни у кого из них нет аллергии.

Лифт звонко сообщает о прибытии на восьмой этаж, и я сразу оказываюсь в приемной.

Что ж, если сестренка хочет меня спихнуть, устроив на работу, тем самым избавляя себя от угрызений совести, что выставила на улицу бездомного, безработного, душевнобольного родственника, — я сделаю все, чтобы помочь ей. Угрызения совести — это плохо. От них хорошо помогает ударная доза глицина, которая входит в состав моих замечательных зелененьких нейролептиков. Похлопав себя по карману, словно отмечая, что они всегда со мной, я подхожу к девушке, видимо, секретарю.

Отрывок 3. Балансирующая на грани

— Он совершенно ничего не понимает в технике! — кричат наперебой Эдик и его начальник Александр. — Максимум, что он делал — это качал фильмы с торрентов! Он ничего не знает ни о сетях, ни о безопасности. Аля, он переспросил, что такое «роутер»!

— Эмм, Саша, пожалуйста, дай ему шанс. — Очень хочется, чтобы наш любимый системный администратор, наконец, замолчал и исчез куда-нибудь, прихватив помощника. Например, они оба могли бы начать вводить в курс дела новичка.

— Аля, ты хочешь доверить безопасность компании чайнику?!

— Так обучи его. Эдик будет помогать еще целый месяц.

— Всего месяц! Я этому учился несколько лет! Тут миллион тонкостей и деталей. Алечка, дорогая, одумайся, прошу тебя, — взмолился этот самый Эдик.

Стоило ожидать, что помощник системного администратора планировал в течение стажировки новичка повесить на парня, пардон, никакой дискриминации в IT компании, на нового работника все свои обязанности, а самому свалить в отпуск по уходу раньше срока, но не тут-то было. Помимо основной работы, бедняге, придется учить админить пользователя практически с нуля.

Все мы способны на подвиги. Не думая о людях лучше, чем они есть на самом деле, мы лишаем их возможности стать лучше.

Следующую неделю Олег ведет себя тихо. Он по пятам ходит за своим новым, пребывающим в отвратительном настроении гуру и следит за его работой, часто отмечая что-то в блокноте.

Что мне в Олеге понравилось сразу, так это колоссальное желание работать. Я видела его в деле, видела, каким самоотверженным доктором он чуть было не стал, я решила помочь, понимая, что никто не возьмет на работу мужчину двадцати семи лет без опыта работы и со справкой от психиатра. Я дала Олегу возможность, и он начал использовать ее на всю катушку. Этот парень был единственным, кто уходил после меня с работы. Он смотрел веб-семинары, читал профлитературу. Он действительно хотел разобраться в новой для него отрасли, и только за старания заслуживал десять из десяти.

Голову он мыл не каждый день. Его белые сосульки иногда жутко раздражали, как и неизменные бесцветные растянутые свитера да выцветшие джинсы. Он словно специально хотел походить на странного. Даже не зацикленные на внешнем виде разработчики посмеивались над парнем. Разумеется, я запретила Нине кому бы то ни было рассказывать о

прошлом Олега, но к концу первого дня работы все могли говорить только о том, что «Аля взяла на работу шизофреника».

К нему приглядывались, над ним потешались, на его ошибки, которые вполне мог бы допустить любой человек, реагировали с особенным остервенением.

Не знаю, как он это выносил. С каждым днем, он все больше удивлял меня. Либо Олег действительно сумасшедший, и я полная дура, так как отдала пароли крупной компании психу, либо он шикарный актер. В первое верить не хотелось, во второе не получалось. Я, как и все, присматривалась к новому сотруднику, ожидая от него всего, что угодно, частенько лично перепроверяя за ним сделанное.

А ему нужна была эта работа. Боже, как же ему нужна была эта работа! Он терпел все. Никто никогда не слышал от него дерзости, не видел ни единой вспышки агрессии, хотя, провоцировали на нее многие. Ведь безумно интересно посмотреть, как блондина, «любимчика директорши» увезут в смиренной рубашке санитары.

Однажды, проходя по коридору мимо кабинета разработчиков, я увидела ситуацию, над которой потом смеялась целый вечер:

Олег сидел рядом со Светой, настраивал ей что-то на компьютере. Света, одна из наших ведущих разработчиков, а так же единственная девушка-кодер в компании, откинулась на стуле, скрестив ноги в лодыжках и руки на груди. Ее квадратное, не знакомое с макияжем и щипчиками для бровей лицо выражало крайнее презрение к действиям сисадмина. Однозначно, она знала больше него, но, по причинам, известным только ей, никогда не выполняла работу, за которую ей не платили, даже если приходилось полдня ждать помощи. Ее короткие светло-русые волосы, собранные на затылке нелепым пучком, нервно дрожали от приступов смеха, которые она давила в себе, следя за попытками Олега реанимировать ее компьютер. Парни, то и дело прыскали в клавиатуры, наблюдая за высокомерным выражением лица девушки, меняющим гримасы. Она никогда не поможет, будет час вот так сидеть, наблюдать, но не подскажет.

— Олег, мне работать надо, ты скоро? — якобы скучающим тоном сказала программистка, кокетливо поджимая губы. Демонстративно зевнула в полный рот.

— Еще пару минут, что-то не могу разобраться. — Олег хмурился, вглядываясь в экран. Он будто не замечал смешков, доносившихся со всех сторон.

— Может, это... — Света наклонила голову вперед и посмотрела на парня исподлобья. Я поняла, что наша Света задумала что-то ужасное и жестокое. Приготовилась защищать нового работника.

— Что? — спросил Олег, не отрывая глаз от монитора.

— Спросишь у голосов, которые постоянно слышишь? А то так до весны просидеть можно.

Я сжала косяк, на который опиралась, пораженно прикрывая глаза. Хамка. Никакого чувства такта. В кабинете стало тихо. Все смотрели на Олега, а тот, медленно повернул к ней лицо, нахмурился. Склонил голову набок, сморщил лоб, словно от боли. Потом взялся за виски и покачал головой, сжал губы, напрягаясь. Казалось, что у него вот-вот начнется припадок или истерика. Я распахнула глаза и зашла в кабинет, Света опасливо откатилась на своем кресле. И тут случилось это. Олег, оторвал ладони от головы, раздраженно взмахнул ими перед собой и воскликнул, громко, на весь кабинет:

— Вы можете говорить по очереди, а не орать наперебой! — с совершенно серьезным лицом.

Минута полнейшей тишины и шока на лицах присутствующих и тут, вдруг, Света закатилась на весь кабинет своим громким, низким хохотом. Парни тут же ее поддержали. Я сама не сдержала улыбки, настолько правдивой была разыгранная сценка.

— Ладно, сегодня не мой день, — совершенно серьезно сказал Олег, — поработай пока так, я подумаю.

— Иди, — Света плакала, — я сама доделаю.

Олег пожал плечами, дескать, как хочешь, и направился к выходу. Он ни разу не улыбнулся. На мгновение мне стало жутковато, а вдруг он не пошутил, вдруг действительно обращался к голосам? Проходя мимо меня, мужчина подмигнул, уголки губ на секунду дрогнули и поползли вверх, от чего лицо приобрело комичное, забавное выражение. Правда, через мгновение стало прежним задумчивым. Он вышел из кабинета и пошел к себе, а я, погрозив кулаком Свете, вернулась к своей цели. Куда-то же я шла по коридору?

Вечером у «Flower» меня ожидает черный «Кадиллак Эскалейд» босса «Свежи продуктов». Дима живет по принципу: ты крут ровно настолько, насколько крута твоя машина. А машины у него всегда новые, последней модели, максимальной комплектации. И неважно, что сам он до сих пор снимает жилье, главное — это дорогой автомобиль.

Лифт мы ждем вместе с Олегом. Мужчина, небрежно прислонившись к стене левым плечом, наблюдает за мной. Откровенно, как и в прошлый раз на балконе Кати, не пытаюсь скрыть заинтересованности. В некоторые моменты нет никаких сомнений, он тащится от того, что у него не все в порядке с головой, с удовольствием пользуясь особым положением. Попробовал бы кто-нибудь другой так на меня посмотреть! Но подобное позволяет себе только Олег, и я молчу.

— Тяжелый день? — наконец, спрашивает он, когда я, призвав все свое терпение и самообладание, отвернулась.

— Есть немного, — вновь смотрю на мужчину, он продолжал пялиться, не сводя своих больших, серых глаз. — Ничего, впереди выходные, высплюсь.

— Хорошие планы, — отвечает, не то, высмеивая, не то соглашаясь.

— А ты чем будешь заниматься? — пытаюсь поддержать беседу, когда мы зашли в лифт, и я нажала кнопку первого этажа.

— В понедельник я впервые буду работать без прикрытия Эдуарда, начну морально готовиться к фиаско.

— Почему обязательно к фиаско? Может, все пройдет хорошо?

— Ну, к хорошему-то я всегда готов, — улыбается он и подходит ближе. Я отворачиваюсь, глядя перед собой, а точнее на двери лифта. Он стоит за спиной. Молчит. Есть что-то неприятное в этом. Лифт большой, рассчитан человек на двенадцать, почему Олег так близко? С другой стороны, обратила бы я внимание на это, если бы он не был со справкой? Скорее всего, нет. Я была бы погружена в мысли о предстоящей встрече с Димой, даже не думала, что кто-то стоит рядом. Дима около месяца не звонил, изредка отвечая на мои попытки поговорить скупым «я очень занят», а если приезжал ко мне в офис, то лишь для того, чтобы обсудить условия договора. А вот сегодня вдруг попросил о встрече, шептал непристойности в трубку, ожидая, что я сделаю вид, будто ничего не случилось. Проклиная себя за это, я действительно собираюсь сделать такой вид. А разве у меня есть выбор?

Но, Господи, как же некомфортно! Олег стоит рядом, я слышу, как он дышит, отчего внутри всё неприятно сжимается. Кажется, что мы едем уже час. На таком расстоянии разрешается находиться только родным или любовникам. Если я отойду, он обидится?

— Я не обижусь, если ты попросишь меня отойти, — говорит он очень тихо на ухо. Я вздрагиваю, делая шаг в сторону, оборачиваюсь. Он продолжает стоять на том же месте и смотреть на меня. Видимо, заметив испуг в моих глазах, удовлетворенно усмехается. Потом становится серьезным и говорит уже под звук раздвигающихся дверей:

— Ты вкусно пахнешь.

— Я не пользовалась сегодня туалетной водой, — быстро отвечаю, выходя. Он рядом.

— И я об этом. Мне нравится, как ты пахнешь, а твоя туалетная вода не нравится.

— Зачем ты мне это говоришь? — спрашиваю, резко останавливаясь. Он тоже.

— Я подумал, что такое приятно слышать. Знаю, что тебе не нравится, как я выгляжу, ты брезгливо смотришь на мои волосы. Но мне нравится, как ты одеваешься. Я тебя чем-то обидел?

— У меня такое ощущение, что ты впервые разговариваешь с женщиной. Получается так неуклюже. — Не могу понять, он действительно настолько недалекий или просто издевается? Понятия не имею, как разговаривать с психически нездоровыми людьми.

— Я был женат, — отвечает незамедлительно. — Мне нравится говорить простые вещи, глядя в глаза, — и он действительно смотрит в глаза, — а еще мне нравится, когда ты улыбаешься.

Зазвонил мой телефон. Вероятно, торопит Дима.

— Твой друг на пятилитровом убийце окружающей среды? — понимающе кивает Олег. — Он никогда на тебе женится, — говорит, склонив голову набок. — А знаешь почему?

И, не понимая, зачем мне мнение шизофреника, я отвечаю:

— Почему?

— Потому что он дурак, — весело улыбается. — А ты зря тратишь себя на него. Хороших выходных.

— И тебе, — ошеломленная наглостью, и совершенно простым, будничным тоном, с которым он рассуждал о важнейших вещах в моей жизни, отвечаю я.

— Надеюсь, ты когда-нибудь еще позволишь почувствовать твой запах и выбросишь свои мерзкие духи, — с этими словами он идет вперед, и я, постояв еще минуту, покидаю здание следом.

— К тебе, ко мне? — равнодушно спрашивает Дима, целуя меня в щеку, как только я усаживаюсь рядом в машине. Краем глаза замечаю на заднем сидении вопиюще огромный букет красных роз, цель которого, по всей видимости, откупиться от меня, задобрив. Я смотрю, как по улице идет Олег, перекинув рюкзак через плечо, и понимаю, что он абсолютно прав. Сидящий рядом мужчина никогда не будет полностью моим.

Тогда зачем я с ним сплю?

Этот, казалось бы совершенно простой вопрос, обескураживает. Я впервые задаю себе его.

Сидя с широко открытыми глазами, не моргая, я впервые за последние пять лет думаю о своей личной жизни. О том, чего я хочу в этой самой своей личной жизни.

— Дима, отвези меня домой, пожалуйста. Что-то нездоровится. Давай созвонимся на неделе, — говорю четко, громко и уверенно.

Отрывок 4. Балансирующий на грани

Новая работа пугает меня до чертиков. Кстати, о чертиках.

В Университете ходила байка про психиатра, который «изгонял» бесов из шизофреников. То есть, если человек обращался к нему за помощью, врач, разумеется по большому секрету, говорил, что того захватили бесы, и всего за несколько тысяч долларов, он поможет несчастному вернуть сон, аппетит, хорошее настроение, и... что-то еще... Ах да! И изгонит бесов.

В действительности это печальный случай из практики, позднее превратившийся в местный прикол. Как-то раз в клинике, когда мне удалось несколько дней отлынивать от нейролептиков, меня посетила мысль, казавшаяся в тот момент безумно веселой. Я прыгал по кроватям и кричал, что мне срочно нужен экзорцист, что мою бессмертную душу терзают демоны. Я честно пытался зависнуть в воздухе, но раз на десятый понял, что мои бесы летать не умеют. Тогда решил залезть по стене, подобно пауку, но тут меня поймали, что-то вкололи и доказали, что смирительные рубашки, хоть и запрещены в нашей необъятной стране, продолжают активно использоваться.

Бесов из меня тогда, кстати, так и не выгнали. Еще пару дней я пытался кричать, произнося это слово, правда, уже не понимал зачем. Просто последняя мысль перед началом действия дряни была: я нуждаюсь в экзорцисте. Зациклило меня тогда.

Мне нравится здание, просторные светлые кабинеты, а так же суетившиеся в их стенах люди. Практически каждому я мог бы поставить диагноз, причем половине — с первого взгляда. Особенно этой девушке-парне Свете. Не знаю, почему она меня так невзлюбила по началу, сейчас, кажется, относится спокойнее, хотя к ее грубой манере разговаривать привыкнуть сложно. Слегка теряюсь каждый раз, когда она выражается матерно. Видимо, женщинам приходится омужичиваться, когда те сутками находятся в мужском коллективе. Самое печальное, что ей очень нравится один из разработчиков, но того, судя по порно сайтам, которые он часто посещает прямо на рабочем месте, интересуют именно девушки: женственные, стройные, с пышными формами, в основном блондинки.

С другой стороны, моя начальница Алла Константиновна не омужичилась же! Красивая девушка, живая, настоящая, сильная и хрупкая одновременно. Особенно мне нравится, когда она зачесывает волосы наверх. У нее очень красивая тонкая шея.

С тех пор, как я смирился с тем, что шизофреник, я стал совершенно иначе относиться к желаниям. Если бы подобные мысли посетили мою голову раньше, я бы их быстро отогнал и забыл как о страшном сне. Теперь все иначе.

Знаю, что мне уже двадцать семь лет, слава Богу, давно не подросток, но единственное, о чем могу думать, глядя на тонкий изгиб ее шейки — я безумно хочу поставить на ней засос. Самый настоящий, красный, если повезет, синеватый кровоподтек, разрыв подкожных сосудов. Бесы, захватившие мою голову, на ее светлой коже мой засос смотрелся бы восхитительно! В следующий раз, пожалуй, скажу об этом Але, когда появится возможность. Разумеется, я не собираюсь ее смущать при всех. Хотя, скорее всего, бедная девушка итак начнет шархаться от меня после нашего недавнего короткого разговора у лифта.

Я снимаю квартиру недалеко от работы, быстрым шагом дохожу минут за тридцать. Это очень хорошо, потому что не люблю ездить на автобусах, а машину мне водить нельзя. Сестра обещала, что будет приходить и помогать убираться, готовить, за почти полгода она была у меня два раза — в первую и во вторую неделю. Впрочем, меня это устраивает. Еженедельные походы к «доктору» отменно компенсируют недостаток презрения со стороны родственников, так что все в норме.

Скоро год, как я не ем дрянь. Какие положительные моменты? Я стал намного лучше

мыслить. Перестал забывать какое сегодня число и что мне необходимо сделать. Определенно, это хороший знак. Правда, на работе я по-прежнему абсолютно все записываю в ежедневник, так как это не то место, где ошибки сойдут с рук, потому что ты неполноценный. Там, наоборот, приходится из кожи вон лезть, чтобы доказать свою полноценность.

Нельзя не отметить улучшение сообразительности. Если раньше мне приходилось пересматривать вебинар, или урок по моей новой специальности как минимум четыре раза, часто останавливая запись, давая себе время понять речь говорившего, запомнить суть, сейчас хватает одного-двух. Я снова начал читать, причем мне легко удается запомнить сюжеты новых книг. Если честно, чтобы не расстраиваться слишком сильно, я начал с книг, которые в свое время произвели на меня колоссальное впечатление: «Мастер и Маргарита», «Над пропастью во ржи», «Средний пол» и прочее. Сюжеты этих историй я помнил до мелочей, поэтому, если забывал на чем остановился, особо не расстраивался, открывал первую попавшуюся страницу и продолжал чтение. На той неделе я домучил первую за последние почти четыре года новую для меня художественную книгу: «Гарри Поттер и что-то там», а потом сел и написал изложение. Мой «доктор» сказал, что суть я передал без ошибок.

А еще практически каждый новый день со мной встречает утренний стояк. Бесы в голове, я подобно тринадцатилетнему мальчишке разговариваю со своим членом по утрам, подбадривая и здороваясь. Скажу честно, даже если у меня нет возможности заняться сексом, понимание того, что я бы смог, радует и придает смелости.

Как такового своего личного стола у меня пока нет. В моем распоряжении — ноутбук, который всегда при мне, и стол в приемной, где я периодически слушаю через гарнитуру уроки или читаю по специальности. Нина, выполняющая одновременно работу секретаря Али и целого отдела кадров нашего направления, благо, фирма не такая большая, обычно пьет мятный зеленый чай из огромной кружки с надписью «Pussycat». Вероятно, она имела в виду себя, покупая эту кружку, но я бы с ней не согласился. Скорее «Pussy hippopotamus», хотя, должно быть, это слово слишком длинное, чтобы печатать его на посуде, а мне все еще безразлично на женщин, раз после нескольких лет воздержания глядя на выпирающую из огромного выреза черного платья грудь, я думаю о гиппопотамах.

А, нет... не безразлично.

— Нинок, а у тебя есть только мятный чай? — спрашиваю лилейным голосом.

— Всякий есть, — буркает в ответ, перекладывает какие-то бумажки.

— А сделай мне, пожалуйста? Очень хочется. С ромашкой, — убираю волосы с лица и улыбаюсь.

Нина закатывает глаза, но поднимается со стула, демонстрируя полные ножки в светлых чулках, округлый зад, обтянутый атласной тканью.

Мне определенно не безразлично.

— О чем это ты думаешь, ненормальный? Так пялишься, — говорит, опуская пакетик чая в офисную фарфоровую кружку и наливая кипяток из термоса.

— Ты действительно хочешь это услышать?

— Боже упаси! — разводит руками. Потом приносит мне чай, и я, следуя порыву, целую по очереди каждый пухлый пальчик ее правой ручки.

— Ты полный придурок, — говорит она, расплываясь в улыбке.

— Знаю. У меня официальное разрешение есть так себя вести.

Отрывок 5. Балансирующая на грани

Годовщину наших отношений с Димой мы всегда отмечали в «Розовом фламинго». Это красивый, уютный и жутко дорогой ресторан. Там мы с Димой и познакомились на одной из деловых встреч. Я тогда еще работала в банке, а он собирался сделать крупное вложение. Мы понравились друг другу с первого взгляда, но в тот вечер говорили исключительно о работе. Впрочем, как и в следующие пару месяцев, пока я не уволилась и не перешла аналитиком в компанию, которой сейчас руковожу. На следующий день после моего увольнения Дима приехал с цветами и предложил поужинать вместе, но уже не официально.

Он никогда не смешивал бизнес и отношения. Теперь-то я понимаю, что он вовсе не пренебрег своими принципами, помогая мне выиграть в конкурсе. К сожалению, тогда его уступка воспринялась как проявление любви. С высоты своего жизненного опыта, после избавления от розовых очков при помощи нового сисадмина, я поняла, что Диме был жизненно необходим этот контракт. Ради договора ему пришлось пожертвовать нашей связью.

Дима всегда слишком много времени уделял работе. И я уважала его за это. Правда, иногда становилось обидно, когда он предпочитал моему обществу посидеть за компьютером, но, став начальницей, я начала понимать его лучше. Наши отношения были похожи на визиты к очень дорогой проститутке. С единственной разницей, он никогда не платил за секс, не делал дорогих подарков, не помогал с оплатой кредитов, не покупал машин. Это все я. Я готовила тонны изысканной еды, каждый раз покупала новое белье, ходила на ужасно болезненные выравнивающие кожу массажи, тратила на свое тело уйму денег и пожизненно сидела на диетах, чтобы ему нравиться. Чтобы выглядеть моложе.

Я написала ему смс сегодня утром, он не ответил. Мы не разговаривали с того самого раза, как он подвез меня до дома.

Из кабинета слышались голоса. Я ускорила шаг. Ненавижу, когда кто-то использует мой кабинет для своих целей. Если это опять Нина разместила гостей там, то, клянусь, я лишу ее премии! Просила же никого ко мне не пускать.

Открываю дверь и вижу, как за моим столом сидит Олег и напряженно хмурится. Увидел меня:

— Добрый день, Алла Константиновна, — как всегда вежливо здоровается он.

— Добрый день, Олег Николаевич. Могу я узнать, что ты делаешь за моей машиной?

— Да хотел тебе обновить антивирус, приехал специально пораньше. Но до твоего прихода не успел. Подождешь пару минут?

— Конечно, не торопись. Я действительно приехала на полчаса раньше.

Сажусь в кресло, закидываю ногу на ногу. Достāju планшет, решив проверить почту.

— Подожди, — вдруг вспомнила. — А с кем ты разговаривал?

— Как с кем? — удивляется Олег, — с Эмилиной.

Он переводит абсолютно серьезный взгляд на пустой стул.

— Кстати, она с тобой поздоровалась, но ты не ответила.

Я тоже смотрю на пустой стул, вновь на Олега — его лицо непроницаемо.

— Ты сейчас шутишь? — наконец, спрашиваю.

— Нет, — удивленно отзывается он. — Если ты против того, чтобы Эмилина здесь находилась, я ее выгоню прямо сейчас, хотя уверяю, что она никому ничего не скажет. Она, — наклоняется вперед, быстро смотрит на пустое кресло, кивает, и совершенно

искренне глядит в глаза: — она могила, — многозначительно приподнимает брови.

От странности и чужеродности ситуации я вспотела. Ерзаю на стуле, затем выпрямляюсь.

— И как у тебя дела, Эмелина? — спрашиваю.

— Эм не говорит по-русски, только по-испански. Ты не против, если я буду отвечать за нее?

— Нет, не против.

— Эм говорит, что у нее все хорошо. Благодарит, что ты интересуешься, — бросает на меня быстрый взгляд исподлобья. — Спрашивает, как у тебя?

— Тоже все хорошо, — медленно отвечаю.

— Эм рада. Она говорит, что ты сегодня потрясающе выглядишь, тебе безумно идет это платье. Правда, Эм не уверена, что в нем стоит ходить на работу.

— Почему?

— Говорит, у мужчин только одни мысли на уме, когда они смотрят на тебя в таком платье.

Поправляю подол своего темно-синего, трикотажного платьица, пытаюсь дотянуть его до колен, не выходит. Кажется, я, как школьница, начинаю краснеть.

— Олег, у тебя тоже только такие мысли на уме? — спрашиваю, вглядываясь в его лицо, не понимая, зачем он издевается, пытаюсь разгадать правила этой игры.

— Думаю, мне не следует отвечать на этот вопрос. С одной стороны я хочу сделать приятно красивой женщине, с другой — не хочу оскорбить ее профессиональные качества, — не отрывая глаз от монитора.

— Готово. Мы с Эм пойдем. Хорошего дня, — он выходит, пропуская невидимую девушку вперед, а я осторожно присаживаюсь на стул с прямой, как спица, спиной и еще пару минут удивленно моргаю, рассматривая дверь.

Никаких сомнений, он издевается, иначе... да как иначе он мог бы жить среди нормальных людей? А если и нет? Я на девяносто девять процентов уверена, что он подшучивает надо мной, но продолжаю это терпеть и, чтоб меня, подыгрывать ему!

Авторизовываюсь на компьютере и вижу вместо привычной черной заставки на рабочем столе большой букет цветов. И первая мысль, опережающая вопросы и сомнения: «приятно».

Со «Свежими продуктами» дела идут хуже некуда. Вера Анатольевна просекла, что я больше не сплю с ее шефом, начала откровенно дерзить, требуя все больше и больше. Понимаю, что начинаю ненавидеть этот контракт, который должен длиться еще несколько месяцев.

Разумеется, Дима не помогает никак. Дела ведутся исключительно через монстра, у которой в личной жизни точно все плохо. О таких стервах Дима всегда говорил: «недотраханная сука». Я вздрагиваю, понимая, что обо мне, вероятно, говорят так же и это, к сожалению, недалеко от истины.

Отвлекает от размышлений рабочий телефон.

— Алло?

— Алечка, это Вера Анатольевна, тебе сейчас удобно разговаривать?

Жить долго будет, чудовище.

Я верчу в руках флешку, которую забыл Олег, и слушаю очередной монолог, наполненный жалобами и претензиями. Иногда мне кажется, что она, подобно

энергетическому вампиру, умудряется через телефонную трубку вытягивать из меня жизненные силы.

И снова кап, кап, кап. Смотрю на красные лужицы на столе — клавиатуру я научилась отодвигать при каждом звонке этой женщины. Киваю, что-то отвечаю, вытирая нос.

В дверь стучат.

— Да-да! — приглашаю я, зажимая нос и продолжая слушать писклявый голос. Олег стоит на пороге пару секунд, смотрит на меня, зайти не решается. Я зажимаю плечом трубку и протягиваю ему флешку, продолжая слушать Веру Анатольевну, изредка вставляя: «да-да», «конечно-конечно». Вдруг чувствую, что трубку у меня отбирают.

— Извините, пожалуйста, но линия временно перегружена. Попробуйте перезвонить позже, — говорит Олег Вере Анатольевне и выключает телефон. Не просто сбрасывает звонок, а вытаскивает из трубки батарейки.

— Ты что себе позволяешь? Это клиенты! — взрываюсь я от подобной дерзости, понимая, что терпение лопнуло, и кое-кто сейчас вылетит на улицу.

— И часто у тебя идет кровь из носа? — он подходит сзади, берет меня за виски и отклоняет голову на себя.

— Часто, почти каждую неделю, — отвечаю честно, хотя и с тревогой в голосе. Почему-то слушаюсь его. Наверное, нахожусь все еще под впечатлением подвига у бассейна.

— Тебе нужно пройти обследования, это ненормально.

Его руки холодные, просто ледяные. Он прижимает пальцы к моим вискам, потом к переносице.

— О Боже! — не могу сдержать стон удовольствия, но потом понимаю, кто стоит рядом со мной. Это же не Мено! Испуганно начинаю вырываться.

— Тихо, ш-ш-ш. У меня всегда холодные руки. Я знаю, что тебе приятно. Расслабься.

Его тихий густой голос успокаивает, и я действительно расслабляюсь. Одну руку он продолжает держать на переносице, а другой начинает массировать затылок.

— Ничего, если я распушу твои волосы? — спрашивает серьезным голосом.

Понимаю, что происходящее не укладывается ни в какие рамки. Пытаюсь представить на его месте Эдика, Павла, Александра, да любого сотрудника нашего направления, но не могу и близко поверить в возможность подобной ситуации. А с Олегом все просто, приятно и уютно.

— Ничего, — тихо отвечаю. Он распускает мою прическу и уже двумя руками массирует голову.

— У тебя красивые волосы, — говорит тихо, почти шепчет. — Хотя мне нравится больше, когда ты их собираешь. И цвет красивый.

— Спасибо, — благодарю я, понимая, что такого удовольствия в жизни не испытывала, да простят меня мои любовники. Он слегка тянет за волосы, массирует, надавливает, то сильнее, то слегка, не забывая про затылок, виски и лоб.

— «Light ash brown», — зачем-то сообщаю ему название оттенка своей краски для волос. Кажется, он кивнул.

— А теперь клади руки на стол и лоб сверху.

Послушно выполняю распоряжение.

И вот он уже массирует мне шею, плечи, руки, ключицы, скользя мизинцами по груди, но я делаю вид, что не замечаю этой вольности. Мне просто хорошо, безумно хорошо.

Он снова возвращается к волосам.

— Боже, я сейчас кончу, — окончательно забываю, где и с кем нахожусь.

Олег смеется, я впервые слышу, как он смеется. Тихо, низко, очень тепло.

— Хочешь — верь, хочешь — нет, но я тоже, — говорит, продолжая улыбаться.

Подобно включению света в темной комнате по щелчку выключателя, в моей голове начинают работать мозги. Я широко открываю глаза, понимая, что он расстегнул молнию на платье и слегка приспустил его, оголяя мои плечи и грудь до лифчика. Опустил лямки белья и трогает мое тело!

Быстро одеваюсь.

— Спасибо, было хорошо, но... — говорю, а щеки пылают и горят, сердце колотится в груди и отдается в висках. Ощущения, будто бы мы только что занимались сексом.

— Я рад, что тебе было приятно, — отходит от меня, держа перед собой руки, как тогда у бассейна, демонстрируя, что не собирается удерживать силой. — Тебе нужно чаще расслабляться. В идеале, конечно, лучше совсем не напрягаться, но, думаю, ты так не сможешь. изнашиваешь себя, а это плохо. Ты же женщина, ты не должна столько работать.

— Вообще-то у нас в стране равноправие.

— Ну и кому от этого лучше?

— А если бы кто-то вошел! — испуганно причитаю я, застегивая молнию, хватаю зеркало и салфетку, поправляю макияж.

— Не волнуйся, я попросил Эм и Эмиля покараулить.

Замираю, поднимаю на него пораженный взгляд.

— За нами наблюдали твои друзья?

— Нет, они стояли снаружи. Если бы кто-то шел, они бы постучали, чтобы предупредить. Мы были вдвоем, — успокаивает меня шизофреник, — ну и на всякий случай, я закрылся на защелку. Впрочем, ладно, мне пора работать. Если опять пойдет кровь, вызывай.

Он берет флешку со стола и легкой походкой направляется к двери, действительно открывает защелку и выходит в коридор. А я так и продолжаю стоять как вкопанная еще несколько минут, соображая, что это сейчас было, как так получилось, что я закрылась в своем кабинете с душевно больным, что было бы, если бы кто-то об этом узнал и... почему мне было так сильно приятно, а сейчас легко и хорошо?

Отрывок 6. Балансирующий на грани

Работа по-прежнему меня пугает, особенно после того, как я несколько раз крупно облажался.

В первый раз, когда взломали ключ от нашего вай-фая и целый месяц за счет фирмы качали информацию, а во второй... В общем, я случайно отключил не тот сервер, а у Али в это время была какая-то крупная презентация. Но Аля меня, кажется, простила, и обещала, что на заработной плате эти неудачи не отразятся, что несказанно радовало, так как женщина, у которой я снимаю квартиру, каким-то образом узнала, что я шизик, и увеличила в полтора раза квартплату.

«Доктор» сказал, что мне нужно обязательно посещать корпоративы. Новогодний я благополучно проболел, вернее, проимитировал грипп, не желая показывать всем, что мы с моими испанцами не особо помним как это — отрываться и веселиться.

Приближался март, а вместе с ним и международный женский день.

Егор из отдела разработки собрал со всех по две тысячи рублей, чтобы купить девушкам

цветы и сертификаты в какой-то салон красоты, кажется, принадлежащий его сестре.

Сама же компания выделила кучу денег и сняла ресторан с видом на Неву, в котором всем дружным работникам «Электронный документооборот точка ру» предстояло потратить несколько часов счастливого выходного. Я не хотел показаться асоциальным, поэтому действительно собирался посетить это сборище.

В первые пять минут пребывания в ресторане по количеству коньяка и вина на столах я понимаю, что вечеринка будет долгой. Вся наша большая компания в составе трех направлений и общей сумме восьмидесяти четырех человек разместилась за столами. Я нашел себе местечко в самом конце зала рядом с веселой разговорчивой молодой девушкой, которая меня боялась до заиканий, причем настолько искренне, что молчала весь вечер, не отрываясь от тарелки. Я помогал ей укрепиться в ее страхах, периодически отмахиваясь от несуществующих мух и объедая мясо с пустой вилки, запивая вином из пустого стакана. Нет, разумеется, я ел. После больницы, где кормили редко и крайне скудно, я никогда не отказываюсь от возможности перекусить, хотя, от некоторых продуктов, таких как сладости, корейская морковь и сыр, благодаря нейролептикам, мне теперь не дано получить удовольствия. Я не чувствую их вкуса. Совсем.

Через час после того, как все желающие поздравили всех желающих, организаторы праздника приглушили свет, и заиграла живая музыка. На сцену выбежали молодые парень с девушкой, затянули песни по заказу, народ веселился.

Я молча наблюдаю за пьяными коллегами, обдумывая, как сильно меняет людей алкоголь.

Принятый внутрь спирт хорошо всасывается слизистой оболочкой желудка и тонкого кишечника. Особенно быстро натошак. Уже через пять минут он обнаруживается в крови, а через тридцать его концентрация становится максимальной. Через кровь спирт проникает в головной мозг и печень, где его содержание остается наибольшим.

Разглядывая диковато двигающихся в танце людей, я думаю о том, что происходит у них в головах, представляю себе, как алкоголь разрушает их мозг. Одними из первых умирают клетки, отвечающие за память. Не сомневаюсь, многие завтра утром не вспомнят о том, что творили. Далее клетки мозжечка, который отвечает за координацию, словно в подтверждение моим мыслям наша бухгалтерша чуть не упала, благо вовремя подскочил слегка ошалевший и раскрасневшийся от коньяка водитель. Кстати, судя по цвету его лица, пить ему уже хватит, а лучше бы вообще показаться доктору.

Скоро всем этим людям захочется пить. Сильная, нестерпимая жажда оттеснит остальные проблемы на десятый план. Для того чтобы головной мозг не начал гнить, организм заливает в него воду, вымывая умершие клетки. «Уборка», несомненно, вызовет головную боль следующим утром. Вообще, конечно, очень забавно все происходит: человек, напившийся сегодня, завтра будет мочиться собственными мозгами.

Мне скучно. Подобного рода вечеринки не для таких зануд, как я, не имеющих возможности разрушать мозг по причине приема... ну ладно, спуска в унитаз таблеток от глюков на общую стоимость в тысячу долларов в месяц.

Направляясь к выходу, я старательно обхожу танцпол, наблюдая за тем, как коллеги двигаются в медленном танце, напившийся Павел обнимает счастливую Светку, бухгалтерша, которая замужем и счастлива в браке, позволяет трогать свой зад раздухорившемуся неожиданным вниманием к своей неприметной персоне водителю.

— Олег, привет! Потанцуй со мной! — неожиданно появившаяся рядом Аля обнимает

меня за шею и притягивает к себе. Хочу отстраниться, так как не уверен, что смогу танцевать, но этот ее запах и открытая шея... Черт, мечта экзорциста, о чем ты думаешь!

— Хм, меня Эм и Эмиль ждут на улице, — пробую все-таки сбежать.

— Подождут, сегодня тепло.

Аля прижимается ко мне, обнимая за шею:

— Мне нравится твоя одежда, — говорит мне.

Действительно, ради сегодняшнего вечера пришлось съездить в торговый центр. На самом деле ничего особенного не купил — черные джинсы да пару рубашек, в одну из которых я и одет.

— А мне нравится твоя, — с удовольствием провожу руками по мягкой черной ткани платья, облегающего стройное тело. Мне хочется проверить, так ли упруга ее попка, как кажется на вид, но я, делаящий успехи в скорости соображения, понимаю, что этого делать не стоит. Вдыхаю ее аромат и понимаю, что хочу ее.

Я хочу ее трахнуть.

Хочу ее целовать, ласкать, трогать. Трогать везде. И целовать тоже везде. Хочу быть внутри нее, кончать внутри нее. Картинки, где Аля сидит на столе, задирает платье, оголяет ножки, а я снимаю с нее белье, освобождаю грудь, трогаю и одновременно вхожу, настолько ясно возникают в голове, что в первую секунду я решаю, что это галлюцинации. Опять. Что я перепутал и вместо того, чтобы смыть в унитаз своих зеленых друзей, по ошибке их проглотил.

Но, кажется, нет. Это не глюки, а сильное мужское влечение, которого я не испытывал бесы в моей голове знают, сколько времени.

Наверное, она почувствовала мой стояк. Сто процентов, вон как улыбается.

Делаю шаг назад, давая понять, что не буду удерживать, если она захочет уйти, но она снова прижимается, в этот раз становится еще ближе.

— Олег, — говорит мне, — ты хорошо танцуешь.

— Да? — смущаюсь, понимая, что ведет она. — Я плохо танцую, вот Эмиль... Давай, я его позову, ты с ним потанцуешь.

Эта простая фраза сильно ее рассмешила. Не понимаю что такого, а она веселится, обнимает меня, гладит. Красивая такая, тоненькая. Она закусывает губу, и я тут же представляю, как облизываю ее губы, как пихаю свой язык в ее рот, как раздвигаю ее ноги.

Бесы, и как мужики живут с постоянными желаниями? Как я раньше жил?

— Олег, ты необычный.

— Ты видела мою справку, — улыбаюсь в ответ. Ну как она может не чувствовать, что меня трясет от желаний? Что я больше не вижу в ней ни директора, ни интересную, умную женщину. Я вижу только тело, которое хочу поиметь. Ужасно хочу. Чувствую, что дрожат колени. Опускаю руки на ее попку и понимаю, что готов кончить прямо сейчас. Она позволяет себя трогать, еще сильнее возбуждая несвойственной ей покорностью. Гладит мои лопатки. Хочу пойти в туалет и подрочить. На нее. В смысле, представляя ее. Когда песня закончится, так и сделаю, если дотерплю. Это будет мой первый оргазм за...

— Олег, — она жестом зовет наклониться и шепчет на ухо: — помнишь, несколько месяцев назад ты сказал, что хочешь поставить мне засос на шею? Большой и красный.

— Помню, — отвечаю, тихо, как-то глухо.

— Сделай это сейчас, — она наклоняет голову, открывая доступ к шее.

Я шумно выдыхаю. Пару секунд обдумываю предложение.

— Ты сколько выпила, Аля?

— Я не пила совсем, — удивленно отвечает, — я же за рулем.

— Курила, нюхала? Я надеюсь, не кололась?

— Нет, ничего такого. Я хочу, чтобы ты это сделал. Ты же хочешь меня, — проводит рукой по ширинке, я чуть сжимаю ее ягодицы.

— Аля, — говорю, — я больной человек. Ты видела мою справку, — напоминаю. — Не надо так со мной играть, — стараюсь говорить строго.

— Олег, я больше не буду предлагать, — она вновь наклоняет голову. Ей очень весело. Аля улыбается, слегка царапает мой затылок ногтями тонких пальчиков.

Я громко сглатываю.

— Тебе тоже нужна справка, сумасшедшая? Ты хочешь, чтобы на глазах у всей компании местный шизик тебя полапал и оставил кровоподтек на шее?

— Олег, я хочу сделать то, что хочется. Потому что жизнь больше не приносит мне удовольствия, — прижимается всем телом, я чувствую ее грудь — небольшую, но очень упругую, воображаю себе ее сосочки, а рот моментально наполняется слюной, словно я собираюсь их съесть.

Наклоняюсь и провожу языком по ее шее, она дрожит в моих руках. Кажется, я тоже дрожу.

— Аля, мне терять нечего, я могу тебя трахнуть прямо тут, обо мне хуже думать не станут. Единственное, я не хочу завтра проснуться безработным.

Она заливисто смеется. Я тоже улыбаюсь.

— Решай сам, — подставляет мне шею и трется о вздыбленную ширинку. — Возможно, завтра я тебя за это уволю. Ну, так что ты выбираешь?

Она облизывает губы, наблюдая за моим лицом, а потом она... Потом она облизывает свой средний палец, не обращая внимания на взгляды окружающих, на то, что песня давно закончилась и все танцуют под что-то веселое, поглядывая на нас.

Присасываясь к ее шее, я чувствую себя вампиром из старого кинематографа. Такого пафосного про графа Дракулу, в шикарных старинных одеждах.

Втягивая в себя бархатистую, слегка солоноватую кожу, я понимаю, что улетаю. Неосознанно руками прижимаю девушку к своему паху, слегка щипая и лаская сквозь обтягивающее платье, жадно вожу языком по доступной коже. Я кончаю, прямо посреди танцевального зала, рядом с кучей коллег, прижимая к себе начальницу и ставя ей колоссальный по размерам и силе засос. Отрываюсь от нее и, раз уж я сегодня вампир, провожу языком по месту «укуса», которое уже здорово покраснело. Видеть следы моего желания, грубости, если хотите, на ее нежной коже безумно приятно. Не знал, что у меня имеются психические отклонения, связанные с садизмом. Хорошо, хоть не с мазохизмом.

Это был самый восхитительный оргазм в моей жизни. Я просто исчез, не понимая где я, кто я, с кем я. Забылся, и это было чудесно.

— Почему у меня такое чувство, — она прочистила горло, шепча мне на ухо, — что мы только что переспали?

— Возможно, потому, что я кончил, — пожимаю плечами, по-дурацки улыбаясь. Конечно, я не могу видеть себя со стороны, но судя по выражению ее лица — улыбка самая идиотская в мире.

— Ты... что сделал?! — шипит она.

— Эмм, кончил. Испытал оргазм.

— Прямо так? Боже, ты извращенец! — она начинает отстраняться, я пытаюсь удержать, но вовремя понимаю, что лучше не стоит.

— Аля, я...

— Не подходи больше ко мне никогда! — она убегает в сторону туалета.

— Эй, придурок, как тебе удалось только что облапать и облизать нашу директоршу?! — рядом оказался Илья из другого проекта. — И что ты с ней сделал, раз она с такой скоростью уносит ноги?

— Это все голоса, — глубокомысленно заявляю я и все еще на ватных ногах плетусь к выходу. Пожалуй, вечер удался.

Отрывок 7. Балансирующая на грани

— Во-первых, он меня младше.

— Ах, вот что оказывается, во-первых. — Нина пьет противный как на вкус, так и на запах мятный чай из своего ведра с надписью «Pussycat». Почему это «Pussy»? Почему не «Dick»? О Боже, ну и мысли!

— Я думала, что, во-первых, — выделяет голосом, — он прибил свою жену.

— Не думаю, что он сделал это умышленно. Его бы тогда не отпустили на свободу.

— Не бывает дыма без огня, подруга. Он пристукнул свою теперь уже бывшую женушку, потому что, во-вторых, он шизофреник, живущий на таблетках.

— Если бы он был опасен, его бы не выпустили из психбольницы, — упрямо повторяю я.

— Он учился на психиатра! Знаешь ли, психи притягивают психов. Научился маскироваться. Заметь, никто из профессоров, обучавших его, не понял, что он опасен. Маньяки всегда выглядят как обычные люди.

Кто-кто, а Олег точно не стремится выглядеть обычным человеком.

— Я не верю, что он убийца. Скорее, он, наоборот.

— Что?

— Странный, и от этого ранимый.

— У тебя что, материнский инстинкт проснулся?

— Добрый день, — восклицает Олег, заходя в приемную. — Обо мне говорите? — улыбается он, но, увидев наши понурые лица, как-то сразу тоже грустнеет.

— Привет, Олег. Привет, Эм. Привет, Эмиль, — равнодушно цедит Нина, не глядя в его сторону.

— А я сегодня один, — склоняет голову на бок, как будто поражаясь глупости Нины.

— Тогда передавай им приветы, — ни малейшего шуточного оттенка в ее голосе. Если бы этот разговор услышал кто-то со стороны, точно вызвал бы скорую нам всем.

— Олег, привет. Как выходные? — решаюсь и я подать голос, опускаю глаза, машинально теребя высокий воротник водолазки, который ужасно чешется, кстати.

К слову сказать, засос получился знатный, на полшеи. Красный, яркий фонарь на бледной коже. Олег пару мгновений смотрит на мой воротник, на то место, куда касались его губы. От воспоминаний снова становится не по себе. Его влажный язык, сильные руки на моих бедрах, мягкая светлая щетина, щекочущая кожу, — запомнилась каждая мелочь.

— Мы теперь будем делать вид, что ты не позволяла мне целовать твою шею, а я от этого не кончил? — будничным тоном, в котором слышится вызов. Ну, или мне хочется услышать в его интонациях вызов.

Даже спокойная, не удивляющаяся ничему Нина, погруженная в свои мысли, вздрагивает и поднимает на сисадмина выпученные глаза. Потом быстро оглядывается, не слышал ли его слов еще кто. Олег смотрит прямо в глаза, ожидает ответ. Не моргает.

Не имея никакого понятия, что он там себе навывдумывал, я поежилась на стуле:

— Думаю, что сначала следует все-таки здороваться, а потом уже обсуждать, как и в каких условиях ты можешь испытать оргазм, — спокойно произношу я. Он не шевелится. Продолжает смотреть. Он не услышал ответ на свой вопрос, а я и не знаю, что сказать. А что на это в принципе можно ответить?

— Ладной, делаем вид, что ничего не было, — он кивает и проходит по коридору в сторону кабинета разработчиков.

— Ну, так что? — спрашивает Нина. — Ты будешь его увольнять?

— А надо? — я сжалась в кресле в ожидании ответа от своей подчиненной. Веду себя, как дурочка, а ведь он меня младше!

— Да мне-то что, тебя же при всех облизал шизофреник. Только имей в виду, слухи поползут. Они уже появились, когда ты вдруг взяла на работу бывшего врача, да еще и со справкой. А теперь-то вообще.

— О Боже.

Сначала из-за этого клоуна с толпой невидимых испанцев разрушились мои отношения с Димой, которые длились в течение пяти лет! Потом сгорела, словно ведьма на жертвенном костре, моя репутация. Под конец, он же на меня еще и обиделся, потому что я не успела прийти в себя после случившегося и продумать поведение.

А почему я позволила ему так вести себя на корпоративе? Потому что угораздило меня заехать в «Розовый фламинго» перед вечеринкой, чтобы утрясти детали завтрашнего обеда со спонсорами, и увидеть там моего Димочку, ужинающего с девочкой из банка, которую взяли на мое место. Пару минут я стояла, как громом пораженная, и наблюдала, как он гладит ее по руке, как она кокетничает, прижимает локти к груди, демонстрируя аппетитную ложбинку. Молоденькая, тридцати точно нет. Быстро же он нашел мне замену, не стал заморачиваться над переходом наших с ним отношений на новый уровень. В тот момент я окончательно поняла, как прав был Олег. Дима никогда не собирался на мне жениться. Ему не нужна семья, жена. Он просто использовал меня, пока это было удобно. А ведь я могла это понять еще только через пять лет, или через десять. А мне бы тогда было уже... Мама дорогая!

Стало дурно, подобно пуле после соприкосновения с ударником, я вылетела из ресторана, затем замерла, сдерживая подступившие слезы. Обида, злость, беспомощность душили, крепче любой удавки. А ведь я до сих пор ждала, что он одумается, что будет добиваться меня!

Во что я превратила свою жизнь? Мне скоро тридцать два, а у меня есть только работа, которая не то, что не приносит удовольствия, ежедневно убивает, подталкивая к инфаркту или инсульту. Я чувствовала холод, тоску и одиночество. И благодарность.

Я была так благодарна Олегу за его смелость, за попытку заставить взглянуть на вещи иначе, что на всех парах помчалась в ресторан. Время было позднее, я приехала ближе к концу вечеринки, впрочем, как и всегда. Повезло, что мой шизофреник еще не ушел, я столкнулась с ним прямо на танцполе. Он был одет иначе, по-человечески, чистые волосы лежали не в беспорядке. Даже не так сильно походил на придурка, как обычно.

Большой и теплый. Хотя руки, которыми он прижимал меня к себе, были как всегда

ледяными. Я вспомнила свои ощущения, когда он ласкал меня этими руками, расслабляя, насыщая жизненной силой, которую раз за разом плотоядно высасывала Вера Анатольевна. В тот момент вдруг показалось, что этот слабый, больной, непредсказуемый человек, возможно, убийца, самый надежный мужчина на свете. Стало хорошо и спокойно, я могла лишь прижиматься, полная благодарности за те простые минуты радости, что он дарил мне. А еще он меня смешил, хоть и нельзя смеяться над больными.

Приятно было ощущать его эрекцию, понимая, как отчаянно он хочет меня. словно иметь некоторую власть над этим мужчиной. Хотелось почувствовать его еще сильнее. Разумеется, спать я с ним не собиралась, но мне было необходимо его отблагодарить, сделать приятно. В голове всплыло шокирующее желание, о котором он как-то совершенно честно признался мне, и оно, вкупе с гнетущим ощущением безысходности, с потребностью доказать, что моя жизнь все еще в моих руках, и у меня хватит сил раздвинуть рамки, в которые сама же и загнала себя, вылилось в то, что случилось.

И еще, я не ожидала, что меня так сильно возбудят его поцелуи и еле уловимые вращения бедер.

А потом он кончил, и все это стало мерзко. Я осознала, что соблазнила больного человека, хотя он предупреждал, даже просил, чтобы я этого не делала. Что-то было в его беспомощности... словно он ребенок, а я педофил.

Омерзительно, словами не описать.

Зайдя к себе в офис и авторизовавшись за компьютером, я увидела на заставке рабочего стола букет ромашек и снова улыбнулась, ничего не смогла с собой поделать.

Отрывок 8. Балансирующий на грани

— Неужели ты что-то понимаешь в компьютерах? — спрашивает меня отец, когда мы всей нашей дружной семьей уселись за большим столом в гостиной Кати. Родители редко приезжают, буквально раз в два-три месяца, и это хорошо. Мы всегда встречаемся у Кати дома, что тоже хорошо, так как в квартире, которую я снимаю, не хотелось бы принимать гостей. Особенно родителей.

— Вроде справляюсь, — отвечаю, елозя вилкой кусок огурца по тарелке.

Когда тебя привязывают к кровати, ты вырываешься. Всегда вырываешься, потому что обездвиживание — это очень страшно. Ты пытаешься объяснить, что в порядке, будешь везти себя смирно и делать все, что скажут. Но сначала ты пытаешься вырваться. Ну, для того, чтобы все это им рассказать.

— И много платят?

Пожимаю плечами.

И чем сильнее ты вырываешься, тем крепче тебя вяжут, а чем крепче вяжут, тем сильнее вырываешься. Замкнутый круг.

Я давно уже понял, что нужно расслабиться и... получать удовольствие. Потому что некоторые вещи неизбежны.

Если ты не можешь изменить обстоятельства, нужно изменить отношения к ним, не так ли?

— Как так получилось, что тебя взяли на столь ответственную должность с высокой заработной платой и полным рабочим днем?

Пожимаю плечами. Чем сильнее барахтаешься, тем туже вяжут.

— Я, надеюсь, эта работа действительно существует, и ты не занимаешься чем-нибудь

незаконным?

— Директор фирмы — близкая подруга Кати — Алла Константиновна, — смотрю на Катю в ожидании кивка — дожидаюсь.

— Я попросила ее взять Олега на работу. Дать парню шанс и, — произносит с гордостью и улыбкой, — кажется, все прошло успешно. Аля часто хвалит его.

— Катерина, ты отдаешь себе отчет, что так нельзя поступать? Ты бессовестно играешь на чувствах друзей.

Понимаю, что уже не хочу огурец. «Чем сильнее барахтаешься, тем крепче привязывают. Расслабиться и плыть по течению», — повторяю про себя как мантру. Кажется, я слегка покачиваюсь вперед-назад.

— Вот ей было неудобно тебе отказать и... — отец вдруг замолкает, подбирая слова.

— ...И пришлось взять на работу душевнобольного, — заканчиваю я за него.

На самом деле, в нашей стране, как и в любой другой стране, дискриминация таких шизиков, как я, весьма развита. В мире, в котором я живу, не принято слушать шизиков, не принято разговаривать с ними, не принято брать их на работу и отстаивать их права в суде. Не принято смиряться, что один из них — твой сын.

Смотрю перед собой, фокусируюсь на скором возвращении к своим испанским друзьям, которые ждут в моей квартире, на Алиной тонкой шейке, на ее восхитительном и безумно возбуждающем запахе. В последнее время я остро воспринимаю запахи, наверное, это компенсация за ухудшившиеся зрение и вкусовые качества. А пахнет она действительно умопомрачительно, очень женственно. Вообще-то, я теперь каждый день мастурбирую на свои воспоминания. В том, чтобы быть психом есть свои плюсы — можно признаваться себе и окружающим в низких вещах и не чувствовать при этом вины или смущения.

Я бы сказал о своих мыслях вслух, но за столом сидит мать, а при ней я всегда буду смущаться, насколько сумасшедшим бы ни был.

Я редко слышу, как мама разговаривает, еще реже — когда обращается ко мне. Просто, в некоторых случаях дети не достойны материнской любви. Это нормально.

— А почему бы нам всем не сходить, например, в кино сегодня вечером? Позовем Алю с собой. Заодно я спрошу ее про нашего Олега.

Идея отца кажется восхитительной, поддерживают ее все, особенно дети. Разумеется, фильм выбирается мультипликационный. К слову сказать, та самая едва не утонувшая девочка выжила, мне очень повезло, что на моей совести в глазах окружающих осталась по-прежнему только одна смерть.

Отрывок 9. Балансирующая на грани

Вероятно, лишь я одна в нашем городе не имела никакого понятия о фамилии Баль. Николай Николаевич Баль — известный хирург и профессор на какой-то там кафедре, его жена — Инна Викторовна — гинеколог и тоже преподаватель.

Катя, которая с детства падала в обморок от вида крови, ни в какую не захотела идти в медицинский, зато вышла замуж за стоматолога. Думаю, это тоже считается. Поискав кое-какую информацию, я выяснила, что Олег Баль сдал вступительные в числе лучших, всегда учился на отлично и подавал огромные надежды. Но потом, по какой-то непонятной причине, совершенно неожиданно для семьи, выбрал специализацией психиатрию. Разумеется, это был удар ниже пояса. Родители в панике всеми силами пытались вернуть сына на путь истинный, но он сказал, как мне объяснила Катя, «кто-то должен выполнять

эту работу. Пусть это буду я, раз никого лучше на курсе не нашлось». Женится в двадцать лет на однокласснице украинке Алине Иванчук, и уехал с ней в Киев, где продолжал доучиваться, пока не случился «тот самый роковой день», как было написано в одной из газет того времени.

Погода не особо радовала, но хотя бы не бил тот самый порывистый ледяной ветер, заставляющий людей бегом передвигаться по улицам всю прошлую неделю. Накрапывал дождик, в грязных лужах уже начинали отражаться весенние лучики. Жители города с нетерпением ждал весну, щеголяя без шапок и перчаток, тем самым показывая, что к массовому оголению давно готовы.

Приглашение Балеи сходить вместе в кино поначалу сильно удивило, но, в конце концов, почему бы и нет? Заодно будет возможность пообщаться с Олегом в неформальной обстановке. В последнее время мы крайне редко сталкивались в офисе. Он успевал поработать с моим компьютером до того, как я приходила, уходить так же старался до меня или после. Кроме того, на мои плечи навалилось так много работы, что не хватало сил даже вникнуть в гуляющие по офису сплетни, вероятно, эпицентром которых были мы с Балею. Пересуды меня не беспокоили, а вот то, что я стала слишком мало спать — весьма. Видимо, недосып и постоянные стрессы отразились на внешнем виде, так как один раз кто-то, а я догадываюсь, кто у нас в компании самый главный врач, оставил на моем столе упаковку витаминов магний и В6.

Засос прошел полностью, уже через неделю он превратился в бледное пятно, а через две и вовсе не осталось ни следа. Впрочем, как и от ощущения, что мы сделали что-то мерзкое или неприемлемое.

При родителях Олег упорно молчит, стараясь делать вид, что его с нами нет. Он не захотел ни колу, ни попкорн, ни конфет. Ему безразлично, на какой фильм идти и с кем рядом сидеть. По странному стечению обстоятельств, я оказалась единственной, кто рад был сидеть рядом с ним, это стало заметно, когда Катя распределяла купленные билеты.

Профессор со своей женой ведут себя совершенно не так, как должны вести себя... профессор со своей женой. По крайней мере, в моем представлении. Высокий седовласый мужчина с прямой осанкой и квадратными очками, изысканно одетая слегка полноватая пожилая женщина, на которую, кстати, очень похож Олег, вместе со мной и Каткой гонялись за детками, кидались попкорном, смеялись, соревновались в игровых автоматах и охотно фотографировались. Развлечения захватили, даже мне удалось отвлечься и расслабиться, отпустить вечные проблемы на работе, но Олег упорно не принимал участия ни в чем подобном. Весь вечер он простоял поодаль и рассматривал проходящих мимо людей, словно стеснялся показать, что с нами. Одет был в свои неизменные бледно-голубые джинсы, но, правда, в новую темно-синюю рубашку с длинным рукавом. Дети с ним совсем не общались, как будто у них не было дядюшки.

— Могу я поговорить с Эм? — украдкой спрашиваю я, подходя.

Олег кивает и качает головой влево, видимо, воображаемая девушка стоит там.

— А ты бы не мог переводить? Помнишь, я не говорю по-испански?

— Если честно, я тоже уже плохо говорю, многое забылось. Но, думаю, общий смысл передать смогу. О чем ты хотела поговорить с Эм?

— Ты же ей рассказал о том, что случилось на вечеринке?

Олег кивает.

— Я хотела узнать, что она об этом думает.

— Она, — продолжает говорить после того, как прочистил горло, — она понимает русский. Но говорит только по-испански. Я не буду переводить твой вопрос.

— Хорошо, мне все равно.

— Эм говорит, что не помнит, когда я в последний раз так хорошо спал и был так счастлив, — стискивает губы и раздраженно смотрит в сторону, где якобы стоит Эм, словно, действительно не хочет делиться этой информацией. Боже, у него в голове полный бардак, раз он смущается собственных слов, говорит то, что не хотел бы.

— Кажется, Эм сдала тебя с потрохами, — качаю головой.

В ответ он пожимает плечами.

В кинотеатре я сижу от него слева, далее Катя, ее муж, потом дети и их бабушка с дедушкой. Наверное, мультфильм веселый, но я не особо слежу за сюжетом. За пять минут до начала мне позвонил Дима и ледяным официальным тоном попросил, чтобы мы подготовили версию для передачи к четвергу. Он еще ни разу не связывался со мной первый после разрыва, и... лучше бы и вовсе не связывался. Голос был исключительно деловым, никакого намека, что мы пять лет были вместе, ни остатка от бывших теплых чувств. Разболелась голова. Я сижу в темноте зала и думаю, что если сейчас пойдет кровь, то мне придется быстро бежать, чтобы не запачкать никого. На всякий случай сжимаю пачку салфеток.

Его руки, скорее всего холодные, лежат на его коленях. Безумно заманчивые, большие руки. Несколько минут неотрывно смотрю на них, потом, не в силах сдерживаться, кончиками пальцев глажу тыльную сторону его ладони. Я была права, рука оказалась ледяной.

— Можно? — спрашиваю шепотом.

Олег кивает и кладет ладони мне на лоб и щеки. От удовольствия я прикрываю глаза, еле сдерживаясь, чтобы не застонать. Через какое-то время, он принимается за массаж. Начинает с висков, и снова это восхитительно. Чувствуя себя наркоманкой, получающей запретную, но безумно желанную дозу, я убираю перегородку между креслами и облокачиваюсь ему на грудь. Олег чуток подвинулся, чтобы нам было удобнее, и продолжает расслаблять меня. Его руки массируют мою голову, стягивая волосы почти до боли, но от этого становится только легче. Потом он переходит на плечи, предплечья. По очереди разминает ладони. Внезапно посещает совершенно ненормальное желание залезть к нему на колени. Почему-то кажется, он не удивился бы и не подумал обо мне плохо.

— Тебе нравится прижиматься ко мне, да? — спрашивает шепотом. В этот момент главный персонаж, зайчик с большой морковкой в лапах, убегает от волка под громкие аплодисменты деток.

Я молчу.

— Мне кажется, тебе очень нравится, — отвечает за меня. — Правда, я пока не понял почему.

— А тебе нравится? Когда я прижимаюсь.

— А ты как думаешь? — он кладет мою ладонь на свою ширинку.

— Ты сейчас опять...? — растерянно шепчу, ощупывая его желание.

— Надеюсь, что нет. Я бы не хотел выглядеть гадко перед матерью.

— Значит, на свете все-таки есть человек, которого ты стесняешься?

— Значит, есть. Только, если ты не прекратишь, меня и это не остановит.

Замираю, понимая, что все еще глажу его, убираю руку.

Я лежу у Олега на груди, а он обнимает меня. Со стороны мы, должно быть, похожи на влюбленную парочку. Смотрим глупый мультфильм, думая друг о друге. Хочется, чтобы он продолжал меня трогать, не ограничиваясь плечами и ключицами. В зале темно, я очень надеюсь, что никто не обращает на нас внимания, хотя, Катя, сидящая рядом, часто поглядывает расширенными в ужасе глазами, перешептывается с мужем.

Мои соски ноют от необходимости, чтобы он к ним прикоснулся. Я мечтаю о поцелуе в шею, таком влажном, чувственном, о касании его горячего языка. Почему в тот момент мне показалось, что в его ласках было что-то детское? Олег — взрослый мужчина, который, к тому же, был когда-то женат. Да, он сейчас адаптируется к нормальной жизни, но у него получается, не так ли?

Перекидываю волосы на левую сторону, приспускаю кофту, оголяя правое плечо. Он тут же наклоняется.

— Только поцелуй, ладно? — шепчу. Он кивает и начинает ласкать, слегка посасывая. Нежно и очень чувственно, широко открывая рот, облизывает мою кожу, впиваясь в нее, но тут же отпуская. И снова. Приходится поежиться на стуле от внезапного острого дискомфорта.

Кладет ладонь на мою ногу, проводит пальцами по бедру, слегка надавливая.

— Видите себя прилично! Тут полный зал детей! — шипит мужчина справа от Олега. Тот вздрагивает, дикими глазами смотрит на соседа, потом на меня. Вытирает ладонью свою слюну с моей кожи, подтягивает кофту, но руку кладет обратно на мои стиснутые колени.

— Кажется, это не лучшее место, — шепчет он.

— Почему мне так приятны твои ласки? — отвечаю я вопросом, тяжело дыша, понимая, что безумно хочу этого мужчину.

— Все мы слегка извращенцы, — шепчет в ответ, доставая из кармана вибрирующий телефон. — Мне пора принимать лекарства. Не скучай.

Поднимается и аккуратно протискивается к выходу, уходит. Катя тут же протягивает мне мобильный, на экране которого написано: «Так это правда? Вы с ним спите?» Я отрицательно качаю головой и растерянно пожимаю плечами, думая о том, что мы пока с ним не спим. А если быть до конца честной, то о том, каково это спать с ним?

Фильм закончился минут через десять, и мы всей гурьбой забились в небольшой ресторанчик развлекательного центра. Профессор с женой, кажется, не заметили нашего милого петтинга с их сыном, они весело обсуждают с детишками меню, выпытывая у официантки подробности составов блюд, Катя с мужем спорят насчет салатов, а я единственная не могу понять, почему никто не спрашивает, где Олег? Наконец, озвучиваю этот вопрос.

— Он принимает лекарства, — отвечает Николай Николаевич. — Скорее всего, приходит в себя в туалете.

— Приходит в себя? — переспрашиваю я.

— Да, в течение первых тридцати минут наступает сильная вялость и апатия, потом проходит.

— Так нужно пойти помочь ему! — подсказываю со стула, думая о том, в каком из мужских туалетов может приходиться в себя Олег.

— Да сиди ты, он в порядке. Он каждый день несколько раз через это проходит, — включается в разговор Катя.

— А ему обязательно принимать эти таблетки?

— Обязательно, — вздыхает профессор, — иначе болезнь начинает прогрессировать. И вообще, раз уж мы коснулись этой темы, — кладет руку поверх ладони своей жены. Инна Викторовна, видимо, хотела его перебить или одернуть. Женщина покорно закрывает рот, опускает глаза. — Очень удивлен, что ты доверяешь ему столь ответственную работу. Я люблю своего сына, но не могу не признавать очевидного. Он мыслит намного медленнее обычного среднестатистического человека.

— Я знаю его способности, скоро год, как он работает под моим руководством. И я бы не сказала, чтобы у меня накопилось много претензий. Конечно, ему еще учиться и учиться, но ребята помогают. Думаю, вы зря списываете его.

— Мне просто не хотелось бы, чтобы твой бизнес пострадал из-за его ошибки, в которой его нельзя будет обвинить. Ты понимаешь, о чем я? Работа Олега — целиком и полностью твоя ответственность, никто не может за него поручиться, да и он сам не может.

— Я понимаю все риски, я перепроверяю качество выполненных им заданий. Но, как мне кажется, с тех пор, как он устроился к нам — ему становится лучше.

Глаза Кати, сверлившие на мне дыру в течение всего вечера, снова округляются. Кажется, она подумала о том, что я не увольняю ее брата исключительно из личной симпатии. Потому что мне нравится спать с ним. Похоже, эта мысль посетила нас обеих одновременно, мы обе отвели глаза.

Олег действительно появляется минут через десять, садится на углу стола, открывает меню. Никто не реагирует на его появление, только Инна Викторовна погладила сына по руке, кажется, с нежностью, на что он кивнул, слегка улыбнувшись.

— Как ты себя чувствуешь, сынок? — тихо спрашивает она.

— Как пациент Ясперса, — теперь улыбается натянуто и очень широко. — Таблетки как ничто другое помогают мне раскрыть страдающую душу для понимания и помощи, — бесцветным тоном бубнит, листая страницы с фотографиями блюд и напитков. Я особо ничего не поняла из речи мужчины, но судя по выражению лиц профессора и его жены, она (речь) имела некоторый смысл.

— Я думаю, что тебе достаточно помогают, кроме того...

— Тоже так думаю, — неестественно громко соглашается он, — как говорил Кьеркегор, страх — это головокружение свободы, только во время страха проявляется истинное существование. Что ж, я могу утверждать, что благодаря «помощи» я, наконец, познал себя. Чего никогда и никому не пожелаю.

— Я всегда говорил, что твое увлечение экзистенциализмом до хорошего не доведет, — нарастающим голосом произносит профессор.

— Теперь я с тобой согласен. Одно дело подозревать, что с тобой что-то не так, другое — знать абсолютно все о том, что с тобой происходит, и как тебя от этого лечат. Знание не всегда бывает во благо.

— Какие таблетки ты сейчас принимаешь?

— Гуманизм — основа нашего бытия, отец, — вместо ответа на прямой вопрос Олег кого-то цитирует. — Надеюсь, когда-нибудь она станет основой моей профессии.

— У тебя нет профессии. В любом случае, копаться в чьей-то голове — это не профессия, это придурь.

— Намного проще разрезать и зашить, или же напичкать таблетками и забыть, — горячо возражает Олег и резко замолкает, захлопнув рот. Секунд двадцать они с отцом смотрят друг на друга, выпучив глаза. Олег первый опускает свои, ссутулившись, зависает

взглядом на одной точке. Впечатление, что он потерялся между своим собственным внутренним миром и реальностью.

— Олег, Олееег, — зову я, коснувшись его плеча, но он не реагирует.

— Оставь его, — махнула рукой Катя. — Скоро придет в себя. Давайте уже спокойно поедим, — и обращается к детям: — Какой момент в мультике вам больше всего понравился?

Пока те наперебой рассказывают свои версии, несколько дополненные и приукрашенные, я смотрю на Олега, который, так и не шевелится, лишь изредка медленно моргает. С трудом борю острое желание поводить рукой перед его глазами, побоявшись, что этот жест может быть воспринят как издевательство над больным человеком.

Через какое-то время он возвращается в наш мир, удивленно оглядывает присутствующих, затем пытается вникнуть в тему разговора, но слушает рассеянно, ничего не комментируя, в конце концов, сухо прощается и уходит домой.

— Не нравится мне, что он живет один, — вздыхает жена профессора, провожая сына взглядом. Поджимает губы, когда тот останавливается, что-то говорит воздуху, потом дергает как будто за руку невидимого человека и тащит его к выходу.

— Он действительно кого-то видит, или притворяется? — робко интересуюсь я.

— Никто этого точно не знает, но нейрелептики должны блокировать слуховые и зрительные галлюцинации. Хотя, может, и они уже не помогают, — вздыхает женщина.

— А вы не хотите поговорить с ним по душам? Спросить напрямую?

— Я пробовала много раз. Он отвечает туманно, в духе своих философских теорий, которые его и погубили. Тот же Ясперс считал, что достижение предела бытия и мышления прозревается человеком в пограничных ситуациях, таких как страдание, борьба, смерть. Иногда мне кажется, что Олег решил провести эксперимент над собой, познать свой предел.

— Что ты несешь, Инна! — рявкает профессор. — Хочешь сказать, что он специально сделал это с Алиной, чтобы через свои страдания подтвердить или опровергнуть эту, без всяких сомнений, лжетеорию? Жаль этого философа нацисты не расстреляли, когда была возможность!

— Там была ошибка, да? Он ошибся в дозировке лекарства для Алины, так? — решаю, что самый момент все узнать из первых уст.

— Давайте не будем об этом! — восклицает Катя. — Мы уже пережили этот кошмар четыре года назад, сейчас только-только все стало хорошо. Не знаю как вас, но меня вполне устраивает сложившаяся ситуация. Олег работает, тянется к людям, — она многозначительно смотрит на меня. — Только, я бы не хотела, — продолжает смотреть, — чтобы он подвергся еще одному стрессу, понимаешь? Хватит ему уже испытывать «свои пределы».

Мне ничего не остается, только кивнуть. Кажется, родители Кати решили, что мы говорим сугубо о работе, что было большим облегчением.

Беда Олега наложила отпечаток на всю семью. Его трагическая ошибка в расчете дозировки лекарства, затем болезнь нанесли колоссальную травму Балям, на долгие годы оставляя рану открытой, нерв оголенным. Невозможно делать вид, что ничего не случилось, и обсуждать несчастье до сих пор невыносимо сложно. Очевидно, что Бали не представляют, как вести себя со своим сыном или братом, а он не знает, как выстраивать отношения с ними. Наблюдая за их неловкостью, спорами и даже короткими вспышками агрессии, я размышляла, почему мне всегда с ним так легко и уютно. Как будто бы я провела десятки,

сотни часов в его объятиях, наизусть зная свои ощущения от прикосновений его рук, его губ. Знала и нуждалась в них.

Слухи, долгое время ничем не подпитываемые, имеют свойство переставать обсуждаться. К сожалению, это не мой случай.

В нашей, в своем большинстве мужской компании на меня обращают внимание многие мужчины, это заметно, приятно и совершенно нормально. Мне делают комплименты, улыбаются, даже шутят — само собой, в пределах разумного. После того, как я рассталась с Димой, кавалеры стали проявлять больше активности, приглашать на свидания, дарить подарки. Подобные ухаживания со стороны мужчин льстят, но не более того. Никто из коллег не расценивается мной как потенциальный любовник, Боже упаси, муж. Многих это, к сожалению, обижает. А тут такая сплетня! Служебный роман, да еще с кем! С сумасшедшим!

Признаюсь, стоя на ковре перед своим непосредственным руководителем, самым главным человеком в компании, я растерялась.

— Пойми, это совершенно не мое дело, но я должен знать, что происходит в фирме, — говорит Сергей. — Работа Баля меня устраивает, особых претензий к нему нет. Скажу больше, мне доставляет некоторое удовольствие понимание того, что мы помогаем человеку, от которого остальные отвернулись. Не буду скрывать, иногда на совещаниях с потенциальными клиентами я упоминаю Олега, если разговор заходит о миссии компании, но... Я бы не хотел, чтобы руководитель важнейшего для меня направления завалила проект из-за связи с душевнобольным.

Внутри все словно обрывается. Вероятно, я краснею и бледнею одновременно, другими словами, покрываюсь пятнами. Обсуждать личную жизнь с начальством ужасно. Крайне неестественно и неловко. Я смотрю на своего директора и чувствую себя нашкодившей школьницей.

— Мы просто друзья с Олегом, никаких романтических отношений между нами нет.

— Я думаю, что иметь романтические отношения с шизофреником крайне странно. Ты такая привлекательная девушка, Алечка, половина нашей фирмы у твоих ног, а вторая половина это скрывает, потому что женаты, и я в том числе, — зачем-то подмигивает. — Думаю, тебе нет необходимости тратить время и рисковать репутацией из-за сомнительных отношений.

— А я думаю, что вас не касается, с кем я завожу отношения, так как это происходит вне рабочего времени.

Наш разговор затягивается на целый час, директор рассказывает случаи из своей жизни, приводит примеры несчастных служебных романов. Далее мы обсуждаем шизофрению и фильм «Игры разума», талант Рассела Кроу в частности. Потом снова переключаемся на сплетни о нас с Олегом, в конце концов, мне приходится сказать:

— Я вас уверяю, мы с ним просто друзья. В любом случае, из-за таблеток он не может... ну, вы понимаете, — честно слово, я такое не придумала, кто-то когда-то говорил мне.

— Да? — удивляется Сергей и удовлетворенно смеется. — Признаюсь, на какой-то момент я действительно поверил, что у тебя с ним что-то может быть.

А потом, вдруг, добавляет:

— Что делаешь в пятницу вечером?

В пятницу вечером, в самом конце рабочего дня, когда все ушли домой, Олег делает мне массаж, а я, уткнувшись лбом в ладони, отдаю его рукам, получая несравнимое удовольствие и... корю себя за болтливость, за то, что обсуждала парня с директором, что рассказала лишнего, тем более, неправду.

— О чем ты думаешь? — словно читает мои мысли. — Расслабься. Хочу, чтобы тебе было хорошо.

— Тебе не кажется, что наши отношения крайне странные? — осторожно произношу я, прокручивая в голове слова директора. — Я могла бы сейчас ужинать с Сергеем, а ты... думаю, тебе тоже есть чем заняться вечером. Тем более, завтра выходной. Но ты пришел ко мне и... я отменила ужин, чтобы побыть с тобой. Но... между нами ничего нет, и, не будет.

— Тс-с-с, — шепчет он, расстегивая пуговицы на блузке и раздевая меня до дозволенного ему максимума. Я снова не против. Откидываюсь на стуле, повинуюсь его жесту. Он массирует ключицы и верхнюю часть груди, смотрит очень внимательно. — Я считаю, что любые отношения между мужчиной и женщиной, в принципе, странные. Эталона, к которому следует стремиться, не существует.

— У каждого есть свой эталон.

— Это миф, который, к тому же, делает людей несчастными, если в него поверить. Например, ты. Тебе нравятся мужчины такие, как Дмитрий, Сергей: успешные, уверенные в себе. Твердо стоящие на ногах. Когда ты с ними, то чувствуешь себя защищенной, хотя бы социально. Но хорошо тебе именно со мной. — Проводит сомкнутыми ладонями между моих грудей. И почему-то мне кажется, что он не позволит себе лишнего. — Ты тратишь время на меня, но не понимаешь почему. Тебя это раздражает, и ты мучаешься.

— И что ты посоветуешь?

— Посоветую не заморачиваться и делать то, от чего тебе хорошо.

— А если завтра мне захочется провести время с Сергеем?

— Я думаю, что нужно делать то, что тебе хочется.

— Не всегда. А как же брак? Обязанности, верность?

— Ошо считал брак высшим оскорблением любви. А любить, он говорил, могут только те, чья потребность быть любимым исчезла. Вот ты. Ты хочешь любить, или хочешь, чтобы тебя любили?

Какой странный вопрос. Конечно же, мне хочется, чтобы... я задумалась.

— Для чего тебе нужен партнер в жизни? Чтобы заниматься с ним сексом? Родить ребенка? Чтобы он тебя обеспечивал? Родители перестали давить, что ты не замужем?

— Заводить детей и семью — правильно. Это нормально. Ты тоже был женат.

— Да, был. Аля, понимаешь, — он наклоняется и трется своей щекой о мою, — на тебя слишком давит общественное мнение. И я говорю это не к тому, чтобы ты была со мной. Заметь, я никогда не намекал на подобное. Всего лишь хочу, чтобы ты разобралась в себе и перестала страдать, поступая против своей природы. Занималась лишь тем, от чего ловишь кайф. И неважно, что это. Позволяешь ли себя трогать шизофренику, спишь с женщиной или тремя баскетболистами одновременно.

Я удивленно смотрю на него, наши глаза встречаются.

— Поступай так, как тебе хочется. Это твоя жизнь, а не экзамен, который нужно сдать. Здесь нет эталонов, нет правил. Никто не имеет права тебя судить или осуждать. В рамках уголовного кодекса, конечно.

— Ты так живешь, да?

— Мы сейчас говорим не обо мне. Моя жизнь — это завал по всем предметам, если продолжать сравнение с сессией. Сейчас важно, как живешь ты.

— Почему тебе это важно? Почему ты тратишь на меня время?

— Потому что, — он быстро кладет ладони на мою грудь и слегка сжимает, — ты разрешаешь потрогать сиськи, — широко улыбается.

Отрывок 10. Балансирующий на грани

Она смотрит на меня, хитро улыбается:

— Олег, если я попрошусь сегодня поехать к тебе, ты подумаешь, что я хочу с тобой переспать? — спрашивает.

— Разумеется, — отвечаю, возвращая руки к ее голове, массируя виски. Она блаженно закрывает глаза и откидывает голову. Рот слегка приоткрыт, блузка расстегнута, сквозь кружевной белый лифчик легко удается разглядеть ореолы сосков. Мой рот снова переполнен слюной, а член стоит колом.

— А если я скажу, что хочу поехать к тебе, но не хочу с тобой спать?

— Я тебе не поверю, — отвечаю, проглатывая комок в горле.

— А если я поеду к тебе, будут спать рядом с тобой, но стану пресекать любые твои попытки заняться со мной сексом?

— Хочешь узнать, изнасилую ли я тебя тогда?

— Да. Ответь.

— Нет, не изнасилую. Я не думаю, что получил бы от этого удовольствие.

— Тогда можно я поеду к тебе?

Ее небольшая машина без труда находит место на парковке возле дома, где я снимаю квартиру. По пути я сообщаю, что из еды есть только зеленый чай и орехи, поэтому мы заезжаем в супермаркет.

В прихожей Аля разувается, проходит в единственную комнату, которая является и спальней, и гостиной, хотя, я редко принимаю гостей. Точнее, это случилось дважды, когда приезжала сестра. Изучает обстановку: диван с неубранным постельным бельем, письменный стол, на котором лежат мои блокноты, ноутбук, книги и аптечка, далее шкаф и тумбочка для телевизора, правда, без телевизора. Кивает, идет на кухню. Пару секунд рассматривает содержимое холодильника, после чего произносит:

— А говорил только орехи и чай! Тут еще молоко и яйца есть!

Пожимаю плечами, дескать, извини за наглую ложь, ставлю пакеты с едой на стол.

Пока Аля готовит ужин, я смотрю на ее стройную фигурку, представляя свои руки на ее попке. Кажется, за полгода я научился понимать эту девушку, поэтому ее желание поехать ко мне не особо удивило. Удивило, конечно, но не шокировало, как могло показаться изначально. По какой-то причине она меня слушает. Слушает, что я ей говорю. И верит. Никогда не думал, что смогу одновременно быть шизофреником и примером для кого-то.

— Иногда мне кажется, — говорит она, — что я сошла с ума. Ты только не подумай, я не смеюсь над тобой. Просто, я как робот изо дня в день выполняю определенный алгоритм действий, кручусь как белка в колесе. У меня нет даже минуты, сесть и подумать, для чего я все это делаю.

— Подумай сейчас. Мне, кстати, нужно выпить таблетки.

Делая вид, что съедаю дрянь, не могу не улыбнуться. Давно я не позировал перед кем-то. Затем иду в ванную и смываю нейрорептики в унитаз. Умываюсь.

На столе ждет ужин, а точнее, омлет с ветчиной, мягкий белый хлеб с сыром,

подогретый в микроволновке, и чай.

— Тебе же можно есть после таблеток?

Киваю. Мне всегда можно есть, особенно, если так вкусно пахнет. Ужинаем мы молча, после чего она спрашивает:

— Может, посмотрим перед сном фильм? Скачай что-нибудь с торрентов. Я пока схожу в душ.

В душ я отправляюсь сразу после нее, затем сообщаю, что фильм докачался. Она одета в мою футболку, которая, к моему сожалению, прикрывает все интересные места. Впервые в жизни хочу быть пониже.

— Ты спал здесь с женщиной? — она указывает на диван.

— Если хочешь, я поменяю постельное белье. Оно третий день, — направляюсь к шкафу.

— Олег, ты спал на нем с женщиной?

— Нет, я спал один. Ну... с Эмилем.

— Эмм-м, ладно, с Эмилем не считается, — залазит под одеяло. Ждет меня. — А почему с Эмилем, почему не с Эм?

— Я не настолько сошел с ума, — говорю, — чтобы придумать женщину и спать с ней.

Включаю фильм, ложусь рядом с ней, обнимаю, прижимаю к своей груди, не удерживаюсь и целую в лоб. Чувствую, как ее пальчики касаются моей груди, вызывая приятные покалывания на коже, легкую дрожь тела от охвативших эмоций. Как тогда на корпоративе, только сильнее, ярче. Одна возникающая перед глазами фантазия заманчивее другой, новое желание слаще предыдущего. Перспектива опьяняет, ощущений вполне достаточно, чтобы почувствовать себя центром Вселенной, словно сама жизнь закрутилась вокруг меня, а не я вокруг жизни, как обычно бывает. Наверное, я начинаю снова понимать, как это, быть личностью, а не тенью без права голоса.

— У тебя очень жесткий диван, — говорит, — теперь будем спать у меня.

— Тебе нравится этот фильм? — спрашивает через какое-то время.

— Если честно, перед моими глазами только картинки о том, как я тебя трахаю. Я смотрю их.

Хихикает.

— Думаю, у тебя кино интереснее.

— Не то слово, — вздыхаю.

У Али большая двухкомнатная квартира с огромной лоджией и удобной кроватью в спальне. Мне нравится лежать в ее глубокой ванне, правда, Аля периодически заглядывает убедиться, что со мной все в порядке. На мои шрамы на руках она отреагировала спокойно, только спросила, почему резал вдоль, а не поперек, на что сказал, что хотел наверняка, а не привлечь внимание.

Уже два месяца, как я живу у нее. Мои вещи лежат в одном из ее многочисленных шкафов, где мне выдели несколько полок, а ежедневники и лекарства — в прикроватной тумбочке с моей стороны, и кешью всегда имеются в вазочке на кухне. Теперь у меня всегда под рукой есть орехи, даже если я забываю их купить. Аля никогда не забывает.

Три раза в неделю она занимается йогой, смотрит урок он-лайн. Мне безумно нравятся ее обтягивающие черные штанишки и белая маечка, розовые носочки. У Али впечатляющая

растяжка, она может вставать в такие позиции, что мне и не снилось. Обычно в это время я сижу или лежу на диване и неотрывно за ней наблюдаю. Любуюсь. Сначала ее это смешило, потом раздражало, но вскоре она привыкла, даже звала составить компанию, но я не стал. Мне больше нравится наблюдать.

С тех пор, как я стал жить у нее, а это случилось после ночи, когда она осталась у меня, для Али на работе начался настоящий кошмар. Сплетни не просто летали, они бронебойной машиной на тяжелых гусеницах со скрежетом и скрипом бороздили из кабинета в кабинет. При моем или ее появлении коллеги сразу замолкали и опускали глаза, сдерживая улыбки. Лучше бы они продолжали говорить.

Мне начали задавать слишком много вопросов, кажется, большинство мужчин завидовали. Они хотели знать какая Аля в постели, делает ли она минет, позволяет ли анальный секс, они хотели, чтобы я все это им рассказывал, смакуя подробности. Как никогда жаждали общения со мной, особенно в курилке, где набрасывались, едва я заходил, чуть ли не прижимая к стенке.

— А это правда, что у нее не своя грудь?

Я молчу, делаю вид, что не слышу, будто погружен в глубокие «ненормальные» мысли.

— Признайся, она же любит, чтобы ее унижали в постели. Все бабы-руководители это любят.

Стараюсь на смотреть в сторону говорящих, понимаю, что сильно раздражаюсь. Мне не нравится, когда при мне говорят об Але в подобном унизительно-насмешливом тоне.

— Олег, ну имей совесть, дружище! Не будь таким придурком, признайся, у нее сто процентов есть какое-нибудь отклонение!

— Отклонение? — переспрашиваю. Народ тут же оживляется, засыпает новыми вариантами. Оглядываю мужчин, не понимая, почему их это так волнует.

— А мне кажется, она в постели бревно бревном! Хотя, я бы ее трахнул.

— Задница у нее что надо.

Понимаю, что врезать по морде — нормальная реакция любого здорового мужчины, когда при нем оскорбляют его женщину. Понимаю, что если я сейчас это сделаю, меня будут считать буйным психом, могут вызвать скорою, проверить кровь и понять, что я не принимаю лекарства. Если же я спущу на тормозах, то подтвержу, что тряпка, тем самым разрешая не считаться со мной. Чувствую, как обстоятельства зажимают в тиски, от густого сигаретного дыма становится дурно.

— Олег, брат, ну не молчи! Скажи что-нибудь. Может, дашь пару советов, как затащить ее в койку? Я бы уж точно смог заставить ее почувствовать себя униженной по полной программе! — смеются, изображая гадкими жестами, чтобы они хотели сделать с моей Алей.

— Я знаю, — говорю, не выдерживая, — что подавляющему большинству мужчин сложно подчиняться женщине, признать ее превосходство, поэтому подобные вопросы и имеют место быть. Особенно, если она молода и привлекательна. Унижая старшую в должности женщину, обсуждая между собой обстоятельства, в которых вы могли бы доминировать, становится легче смириться с собственными слабостью и ничтожеством...

Меня с размаху впечатывают в стену, сигарета падает из рук.

— Придурок, — шипит Илья, я чувствую его слюни на своем лице. — Ты что несешь таким умным тоном?!

— Прекратите немедленно!

Нас пытаются разнять. Получается. Я держу руки перед собой, как обычно показывая, что не собираюсь ничего делать. Мне везет, так как большинство мужчин не стало бы бить неполноценного, коим меня считают.

Больше я не курю, только утром и вечером на балконе Али.

Через некоторое время коллеги, убедившись, что я никому ничего не собираюсь рассказывать, перестали мучить вопросами. Это случилось резко, в конкретный день, я даже могу назвать дату, если потребуется, потому что в этот же самый день надо мной стали посмеиваться, так как кто-то пустил слух о том, что я сексуально бессилён. Многим, кому особенно хотелось затащить Алю в кровать, очень не хотелось верить, что я ее трахаю.

А еще, она позволяла мне себя обнимать. В офисе, разумеется, это было неуместно, но за его пределами сколько угодно. Когда я хочу. Трогать ее, целовать нежные щеки, изящные руки, сладкие шею и плечи. Ласкать, прижимать к себе. Это было очень приятно. Надеюсь, ей тоже.

Аля не скрывала, что мы живем вместе, часто при всех уточняла, не забыл ли я дома ключи, а так бывало пару раз, когда она уезжала ужинать с партнерами или клиентами, а я часами у входной двери ждал ее возвращения. Или спрашивала, есть ли дома хлеб, что бы я хотел на ужин, просила купить сок или минеральную воду. И прочее, прочее, прочее.

Наверное, моя истерзанная психотропными веществами нервная система постепенно восстанавливается, иначе, почему мне небезразлично такое отношение?

Я позволял ей делать все, что она хочет. Она не хотела заниматься со мной сексом, — и я не настаивал, она хотела спать со мной в одной кровати, — я тоже был не против. Я ласкал ее, потому что ей это нравилось, особенно, когда целовал шею, но я не требовал, чтобы она трогала меня в ответ, потому что чувствовал, что ей этого не хотелось. Правда, Эмилю и Эм пришлось остаться в моей квартире, которую я продолжал снимать, понимая, что Аля может выгнать меня в любой момент, опять же, потому что ей так может захотеться.

Катя пришла в бешенство, узнав о моем переезде. Я слышал, как она ругалась с Алей по телефону, обвиняла во всевозможных извращениях, произнося слова, значения которых не знала. А я знал, и мне было неприятно это слышать. Катя думала, что Аля меня использует, вот только для чего — оставалось загадкой. Члены моей семьи часто забывали, что я был признан полностью дееспособным, в состоянии самостоятельно принимать решения. После одного из таких разговоров Аля заплакала, и у нее пошла кровь из носа, тогда я посоветовал больше не отвечать на звонки сестры.

Мне нравилось жить у нее дома, нравилось наблюдать за ней, прикасаться, пользоваться ее ароматными мылом и шампунем, вкусно завтракать и ужинать в ее компании. Мы жили вместе, но не были должны друг другу что-либо. Как и советовал Ошо, мы не требовали друг от друга любви, и это стало ново для нас обоих. Вместе мы строили идеальные отношения между мужчиной и женщиной, поступали только так, как нам нравится, и никогда не обижались.

Почему-то Аля пришла в восторг от моих изложений, которых за год накопилось пять блокнотов. Я начал писать, находясь еще в психбольнице, когда доктор, и, заметьте, без кавычек, посоветовал мне тренировать память таким образом. Каждый вечер перед сном я записывал все, что со мной случилось за день, плюс некоторые мысли и наблюдения по этому поводу. Из этого упражнения можно было извлечь много плюсов, например, утром, прочитав такой текст, я точно мог сказать, что случилось вчера, не боясь, что забыл важное.

Данное понимание придавало уверенности в себе. Прокручивая в голове события дня, я еще раз обдумывал свое поведение, пытался определить, лучше мне или хуже. Ну и, разумеется, тренировал память.

Каждый вечер, укладываясь в постель, Аля открывала один из моих, как она говорила, «дневников», и принималась читать, как развлекательную книжку. Я не понимал, что она находит в этом такого уж интересного — обычная жизнь обычного среднестатистического слабоумного, но она читала взахлеб, не отрываясь. Иногда смеялась, зачитывая что-то вслух, иногда казалось, что она вот-вот заплачет. В такие моменты я не хотел знать, что именно она читает. За месяц она проглядела все мои изложения, а затем, каждую ночь, ждала очередную запись и тоже читала ее, иногда что-то обсуждая со мной после. Практически всегда она спрашивала, не против ли я. Ей казалось, что она вторгается во что-то личное. У шизиков не может быть секретов, — отвечал я, — каждый секрет шизофреника может стать причиной обострения, рецидива.

Единственная информация, которой не было в «дневниках», заключалась в том, что я давно не принимаю нейролептики, транквилизаторы и прочую психотропную дрянь. Только натуральные снотворные и глицин. Причиной этого был страх, ибо никто в мире не должен был знать о моем самолечении. Иначе мне снова начнут колоть яд насильно.

Больше книг на сайте - Knigolub.net

Таким образом, Аля знала практически все о моей жизни. Ей казалось, что это очень трогательно, мне же — что это глупо. Я мог бы и так все рассказать, если бы кому-то в мире было интересно послушать.

Перед сном я всегда делал ей расслабляющий массаж. Начинал с головы, переходил на шею и плечи. Далее руки очень тщательно, каждый пальчик. Потом спину, поясницу, ягодицы и ноги, заканчивая ступнями. Она говорила, что рождается заново, после моих массажей. Перед первым разом я еще раз показал ей справку и напомнил о том, что у меня отобрали лицензию, лишив права, когда бы то ни было заниматься врачебной деятельностью. Я также объяснил, что целенаправленные внешние раздражения от прикосновений мои рук воспринимаются рецепторами кожи и мышц, рефлекторными точками, и передаются в центральную нервную систему. Любой массаж оказывает некоторое влияние на человека, и при неумелых действиях массажиста, может закончиться печально, но она лишь нетерпеливо постучала ножками по кровати и попросила продолжать. Что я и сделал.

Ей нравилось думать, что от нее зависят наши отношения, а мне просто нравилось к ней прикасаться.

Никогда не предполагал, что наша связь может зайти далеко. С тех пор, как мою голову захватили бесы, я перестал строить планы на будущее, но сегодня она не пришла ночевать, и я понял, что стораю заживо.

Прождал ее всю ночь, но она так и не появилась. С работы до дома я добирался один, так как Аля собиралась ужинать с ее начальником Сергеем, потом написала короткое сообщение: «не жди». Но я не смог не ждать. Ходил из угла в угол, смотрел в окно, вертел в руках телефон и жутко нервничал.

Взглянув со стороны на свое поведение, я понимаю, что ревную.

Теория Ошо, разумеется, великолепная, она идеально правильная и честная, но... Что делать с мужскими инстинктами, такими как чувство собственности, желание обладать

женщиной, не позволять никому из других самцов прикасаться к ней? Тут уже не думаешь ни о каких там: это ее выбор, я не имею права менять человека, должен принимать ее такой, какая она есть. А хочется просто свернуть шеи обоим!

А грудь изнутри распирает так, что хочется кричать. Или выть. Сделать себе больно, чтобы перебить неприятные ощущения. Или отключиться.

Я достал из портмоне нейролептики, вытащил пару таблеток — знакомый щелчок упаковки, и несколько минут неотрывно смотрел на них.

Здравствуй, рецидив.

На вкус они сладковатые. Какой-то придурок догадался добавить в дрянь усилитель вкуса, чтобы психи думали, будто глотают конфетки. Ну, те, кто еще пока что-то ощущает. Запивать следует большим количеством воды. Через десять минут после попадания внутрь дрянь начинает поступать в мозг, почки и печень. В другие органы тоже, но в меньших количествах. Меня интересует мозг. Практически мгновенная блокировка дофаминовых рецепторов. Другими словами, мозг частично отключается, мир воспринимается через мутную призму, тормозит. Агрессия, страх, нервозность действительно пропадают, но, увы, вместе с тем происходит нарушение способности мышления и моторных навыков. Человек превращается в овощ.

Зато нет мыслей в голове. Нет, вру, есть одна. Словно тебе нужно сделать что-то важное, срочное и жизненно необходимое, но ты забыл что именно. Ощущения, что мысль где-то рядом, что еще чуть-чуть, и ты схватишь ее за хвост, поймал и поймешь, что тебе нужно сделать. Но бесполезно. Ты, подобно коту, прыгаешь на добычу, но маленькая серая сволочь каждый раз успевает выскользнуть из-под когтистых лап, как бы близко ты ни был, как бы тщательно не подкрадывался.

Спускаю таблетки в унитаз и ложусь на диван, больше не чувствуя желания спать рядом с ней. Наверное, я все больше превращаюсь в себя самого, раз начинаю испытывать подобную брезгливость.

Увиделись мы только следующим днем в офисе. Она в той же одежде, что и вчера, хотя я знаю, что Аля терпеть такого не может. Заметив меня, она опускает глаза, я тоже отворачиваюсь. Больше в течение дня мы не общаемся.

Ужинаем дома молча. Я не спрашиваю, потому что не хочу знать подробности, она не рассказывает, щадя мои чувства. Написав свои изложения, я беру подушку и иду спать на диван. Свет в спальне горит еще некоторое время, потом она его гасит. И приходит ко мне.

Пару минут сидит рядом, наблюдала за тем, как я имитирую глубокий сон с помощью медленного размеренного дыхания и расслабленного лица, прикрытых век, потом говорит:

— У меня с ним ничего не было. Мы попали в небольшую аварию и полночи сидели в ГИБДД, я не стала тебе писать, чтобы ты не переживал.

Хорошо, что я шизофреник, иначе бы испытал к себе отвращение, так как, услышав, что она попала в аварию, а не занималась сексом, чувствую облегчение. Правда, только на мгновение, потом резко сажусь. В коридоре горит свет, поэтому я четко вижу ее лицо, даже выражение глаз.

— Ты ударилась? Ездила в больницу? — выпаливаю, хватая ее за скулы и вглядываясь в глаза.

— Да, да, ездила. Все в порядке, нас просто «догнали» и слегка подтолкнули.

— Голова не болит? Не кружится, не тошнит? Точно? — мне хочется прощупать все ее тело, чтобы убедиться, что с ней действительно все в порядке.

— Тебе стоило спросить, где я была, раз это так сильно тебя волнует, — говорит она, убирая за спину растрепанные по плечам пышные волосы.

— Мы же договорились, что никаких требований и обид.

— Но ты обиделся.

— Это лично мое дело, не забивай голову.

— Мне приятно, что ты обиделся, — проводит рукой по моей щеке, очень нежно улыбаясь, смотрит будто с благодарностью. Кажется, я опять забываю моргать.

— Олег, мне иногда кажется, что ты большой ребенок. В эти моменты становится не по себе, понимаешь? Ты мне нравишься, но...

— Аля, я не ребенок, — терпеливо объясняю. — Просто из-за нейрорептиков моя реакция несколько заторможена. Я трачу на обдумывание мысли в несколько раз больше времени, чем нужно здоровому человеку. Иногда, я понимаю, о чем был разговор только спустя несколько часов.

— Я знаю. Твоя прямота, твои рассуждения и непосредственность — все это обезоруживает, понимаешь?

— Твой друг сказал, что быть с душевнобольным то же самое, что с ребенком? — спрашиваю прямо, продолжая читать в ее глазах ответы на свои вопросы раньше, чем она успевает что-то сказать.

— И он, и Катя, и Нина, и Света. Они все относятся к тебе хорошо, но никто не одобряет моего влечения. Ты меня младше.

— На четыре года. И только. Аля, у меня могут случиться зрительные или слуховые галлюцинации, я могу не успевать следить за темой разговоров, но я взрослый мужчина, дееспособный, который вправе поступать так, как считаю правильным. Когда ты со мной, ты не делаешь ничего плохого или незаконного, если тебя саму не смущает моя справка, конечно. И если ты меня не боишься.

Она приближается и целует меня сладко и нежно. Потом еще раз, но теперь я отвечаю. Я думал, что растеряюсь, если попаду в подобную ситуацию когда-нибудь, но нет, не растерялся. Инстинкты взяли свое, мне совершенно не требуются мозги, когда я ее целую. Все происходит совершенно естественно, натурально, по-настоящему.

— Ты колешься, — шепчет она, и я решаю, что буду бриться чаще. Она гладит мои волосы, убирая с лица, а я — ее плечи и спину, потом руки, грудь. Но уже не с целью подготовить к массажу, с целью расслабить для секса.

Аля раздевается сама, я только помогаю, стягивая пижаму и оголяя восхитительные формы, которые столько раз трогал через ткань, пока мы спали. Смотреть на ее грудь оказалось волнующе, ощущения сильнее, чем я помнил. Затем, уже лаская пальцами и языком ее соски, чувствуя, как она ерзает по моим вздыбленным штанам, я ощутил себя полноценным, настоящим мужчиной, и это понимание испугало, правда, секундой позже безумно понравилось.

Она сидит сверху, голенькая и прекрасная, я целую ее шею так, как она любит, одной рукой лаская грудь, снова спину, бедра... куда могу дотянуться, а пальцами второй играя с клитором. Она стонет сладко, искренне, эротично.

— Наверное, нам нужно продолжить, — часто дыша, шепчет она.

— Тебе сейчас хорошо? — спрашиваю я, вводя средний палец в нее, она делает пару вращений бедрами, откинув голову.

— Мы как подростки, которые боятся перейти к главному.

— Но тебе же это нравится.

— Безумно.

— Тогда делаем так, как тебе нравится.

— Тогда, — она задыхается, ерзая на моем среднем пальце, в то время как большим я ни на секунду не прекращаю гладить клитор, — я хочу засос на шее, как тогда.

Я жадно обхватываю губами ее кожу, не отдавая себе отчета в том, что в такт ее движениям толкаюсь бедрами. Наверное, со стороны это выглядит не особо красиво, скорее неприятно, но мы летаем. И она улетает первая, кончая то ли очередного движения моих пальцев, то ли от легкой боли, когда я прикусываю ее кожу. Внутри нее так горячо, бесы... я даже думать не могу о том, чтобы почувствовать собой, как внутри нее горячо. Не могу позволить себе мечтать о подобном!

— Хочу еще, — шепчет она, приходя в себя, облокотившись на меня, — ты поцелуешь меня там?

В момент я укладываю ее на спину, чтобы разместиться у ног.

Она стонет, даже всхлипывает, иногда подаваясь вперед, а когда кончает, руками прижимает мое лицо к себе.

— А ты? Снимай штаны, я хочу тебя.

— У меня нет презервативов, и мне не рекомендуется иметь детей, — отвечаю в обычной манере. Впервые жалею, что отказался от стерилизации, которую мне предложили сразу, как поставили диагноз.

— У меня тоже нет. Тогда давай поменяем позу, ложись на спину, — она поднимается с дивана, — я хочу тоже ласкать тебя.

На следующий день с трудом вспоминаю детали минувшего вечера и понимаю, что они плохо поддаются анализу. Кажется, я кончил несколько раз. Не было меня, Олега Баля, не было шизофреника с бесами в голове, думаю, Али-директора, Али — умной рассудительной женщины там тоже не было. Были инстинкты и потребности, которые кричали нам что делать, и как нужно двигаться. Наверное, мы были похожи на дорвавшихся друг до друга кроликов, позволяя себе все, что только захочется, прося друг друга делать вещи, которые требовал организм для усиления или продления удовольствия. Исполняли просьбы друг друга много раньше, чем мозг успевал их проанализировать.

Мы лизали и облизывали, посасывали, втягивали в себя и целовали половые органы друг друга. Слегка кусали, дразнили, помогали руками. Терлись друг от друга, тут же целовались, жадно обмениваясь слюной, и продолжали. Как сумасшедшие, обезумевшие от страсти, встретившиеся после долгой разлуки любовники.

После очередного оргазма Аля грубо оттолкнула меня, насколько ей позволяли силы, свернулась калачиком, дрожа и вздрагивая, прикрыла глаза. Кажется, последняя вспышка оказалась особенно яркой. Я аккуратно перенес ее на кровать, не реагируя на просьбы не трогать, — она боялась, что я снова начну ласкать. Мы слишком раздражили друг друга, до такой степени, что прикосновения стали нетерпимыми.

Правда, через полчаса она приползла на мою сторону кровати и легла на грудь, жалуясь, что замерзла. А еще через два прозвенел будильник.

Отрывок 11. Балансирующая на грани

Когда вместо положенных восьми часов ты спишь два или три, то по определению не можешь хорошо себя чувствовать. Но я ни разу с самого детства не ощущала себя настолько

отдохнувшей, полной сил и счастливой, как сейчас. То, что вчера произошло между мной и Олегом, было потрясающей дикостью, в которой не нашлось места стеснению, желанию понравиться, выглядеть красивой и эротичной, казаться лучше, чем есть на самом деле, как случалось у меня с другими мужчинами.

Обычно на протяжении всего полового акта мои мысли занимало то, насколько я сексуально выгляжу, хорошо ли смотрюсь в этой позе, не слишком ли яркое освещение, возможно, сейчас видны дефекты тела, вдруг он думает, что мне давно пора на депиляцию или что я поправилась?

Вчера я и близко не думала о чем-то подобном. Мой шизофреник оказался сумасшедшим, безбашенным любовником, который делал все, лишь бы я улетала. Сколько же у меня оргазмов было? А ведь это только оральный секс!

Поднимаюсь с кровати и иду в душ. Трогая себя под струями горячей воды, вспоминаю, что он делал со мной. Боже, я бы ни одному другому мужчине не позволила подобного. Сгорела бы со стыда! Он так глубоко засовывал язык, облизывал мои бедра, тысячи раз целовал. Смотрю на себя в зеркало. А ведь это все я! Именно я просила снова и снова ставить засосы на шее, груди и бедрах. На запястье обнаружился целый браслет из его поцелуев. А он совершенно не удивлялся этим сумасшедшим желаниям, просто кидался на меня, как голодный тигр, целуя везде, где я только не попрошу.

Через полчаса я решила, что пора будить Олега. Он отправился в душ, а я уже при макияже и с прической принялась готовить завтрак, думая о том, что мне нравится заботиться об этом мужчине.

Если у меня не было желания — я не готовила. Если он не хотел помогать убираться, — не делал этого. И никто ни на кого не обижался, никто ничего не требовал. Мы изначально понимали всю абсурдность наших отношений, поэтому старались сделать все, чтобы еще больше не усложнять их.

Пока Олег умывался, я вспомнила то, что подвигло меня вчера вечером пойти поговорить. Его дневники. Я не ожидала, что он так сильно расстроится из-за того, что я не ночевала дома.

«Мне кажется, что я не человек, а песочная фигура, которая медленно сохнет, рассыпается и раздувается ветром».

«Моя привязанность к ней пробивается даже сквозь стотонные глыбы безразличия ко всему миру, возведенные посредством нескольких лет непрерывного приема лекарств».

«Мне всегда нравилось смотреть на женщин. Даже когда я был в неменяемом состоянии в больнице, я предпочитал, чтобы за мной ухаживала медсестра, а не медбрат. Но я уже давно перестал надеяться, что смогу испытать столь сильные чувства. Хочется ободрать кожу со своих рук потому, что в этот момент я не чувствую ее прикосновений, но знаю, что чьи-то другие руки ласкают ее».

«Я успел забыть, как это больно, не иметь возможности обладать женщиной, которую отчаянно хочешь».

Нет сомнений, он писал это не только для того, чтобы я узнала, хоть и понимал, что я в любом случае прочитаю. Он всегда говорил то, о чем думает, как бы это не шокировало людей, особенно по началу.

Заметно, что Олег не знает, как себя вести. Он нерешительно замер в дверях кухни, поглядывая на приготовленную для него тарелку с кашей. Я оттягиваю воротник пижамы и показываю следы его любви. Кажется, он еще больше смущается, убирает мокрые пряди с

лица за уши. Тогда я подхожу и целую в губы, а он отвечает на поцелуй.

Утро проходит по обычной программе, но, несмотря на это, на работу мы опаздываем. Наверное, дело в том, что Олег успевает потискать меня каждый раз, когда я прохожу мимо, на что уходит больше времени, чем можно рассчитывать. Пока я за рулем, он ведет себя смирно, не мешая следить за дорогой, но как только мы заходим в лифт, снова обнимает, резко прижимая к себе и, подобно страстным мужчинам из мексиканских сериалов, чувственно проводит ладонями по моему телу, лаская бедра, талию, грудь, через высокий воротник целуя шею. Двери лифта открываются, и половина нашего проекта, ожидающая опаздывающую на утреннюю планерку директоршу, замирает, таращась на нас. У некоторых от удивления отпадает челюсть. Олег опускает руки, а я поправляю платье, он идет вперед, но я успеваю окликнуть, выходя следом:

— Олег, подожди, — задерживаю его за рукав. Он поворачивает голову, ожидая чего угодно, но не легкого поцелуя в губы. — До вечера, — говорю я.

Он широко улыбается, кивает, и уходит по коридору в сторону кабинета системных администраторов, где пару недель назад ему, наконец, поставили стол.

— Так, чего ждем? — обращаюсь к ошалевшей толпе. — В зал переговоров, — и громко цокая каблуками, иду впереди всех.

Планерку веду намного жестче, чем обычно. Переполняющая меня энергия бурлит, бьет через край. Хочется прыгать, жестикулировать, призывать к активным действиям. Невыспавшийся народ угрюмо смотрит на меня, мечтая вставить спички в глаза, подозревая, должно быть, что их начальница сама недалеко от получения диагноза. Я настолько бойко подбадриваю коллег, что, забывшись, закатываю рукава кофты, открывая вид на мое новое украшение, оставленное губами Олега. Разработчики и аналитики хихикают как подростки, но я, вместо того, чтобы покраснеть и опустить рукав, щелкаю пальцами у себя перед глазами, привлекая внимание:

— Смотрим на мое лицо, и думаем о работе, а не о моей личной жизни, в которой, кстати, все в полном порядке, — и продолжаю тему планерки.

Теперь мы занимаемся оральным сексом каждый вечер. Возможно, не всегда так долго, как в первый раз, но обязательно до нескольких моих оргазмов и одного его. Когда я сильно устаю в офисе, он начинал с массажа — теперь я раздеваюсь полностью. Ему вообще нравится, когда я хожу по дому или сплю обнаженная. Он разминает мои мышцы, изредка надавливая на особые точки, называемые нервными окончаниями. Это жутко больно, но после неизменно становилось легко и хорошо. Затем он начинает целовать мою спину и плечи. Мы покупаем только съедобные масла для массажа.

В офисе Баль ведет себя неизменно прилично, никогда меня не компрометирует, хотя, признаюсь, поначалу переживала, что с этим могут быть проблемы. Очень редко прикасается. Точнее, лишь в те минуты, когда я вызываю его помочь мне «привести в чувства» компьютер. Он становился позади моего стула, наклонялся, прижимаясь своей щекой к моей, покрывает своей ладонью мою, держащую мышку, и проверяет, что именно моему компьютеру не нравится. Это абсолютно не навязчиво и очень приятно.

Олег уникален, ни один мужчина не удовлетворял меня так, как он, и я говорю сейчас не только о сексе, хотя и об этом тоже. А еще, кажется, ему становилось лучше, не зря же он написал в своем дневнике: «С тех пор, как я стал заниматься любовью, я снова начал чувствовать мир».

В последнее время я изо всех сил стараюсь свести к минимуму общение с подружками, но совсем избежать этих встреч не получается. Мои отношения с психически нездоровым человеком неизменно становятся главной темой вечера, к которой девочки умудряются свести любые наши сплетни. Наверное, если бы одна из моих подруг вдруг стала жить с убийцей-шизофреником, мне бы это тоже не понравилось, поэтому я на них не обижаюсь.

— Как же ты с ним встречаешься, если он импотент? — удивляется Маша. Та самая девушка, которая рассказывала небылицы на дне рождения у Кати. Кстати, Катя никогда не приходит на встречи, если там я. — Специально уточнила у знакомого врача, назвала ему диагноз, который поставили Олег. Врач сказал, что из-за таблеток мужское бессилие вероятно в восьмидесяти пяти процентах случаев.

— Девочки, даже если бы он был бессилён, — решаю я заступиться за своего шизофреника, — вы себе даже не представляете, что он творит с помощью языка, — широко улыбаюсь и быстро облизываю вдруг пересохшие губы.

Девочки охают, рисуя в головах ясно какие сцены. Заметно, что они сторают от любопытства услышать детали. Недоступное, странное и необычное всегда притягивает. А Олег к тому же очень симпатичный шизофреник, никто не может не согласиться с этим. Его опасность, непредсказуемость притягивают, возможно, и меня тоже, но, разумеется, хочется верить, что я испытываю к нему более глубокие чувства.

Несмотря на все старания, после очередного девичника я снова возвращаюсь домой в паршивом настроении. Мне говорили о неизбежности рецидива, о прошлом Олега, о его нестабильности. О том, что у него никогда не будет нормальной работы, карьеры, он всегда останется просто шизиком. На всю жизнь. Говорили, что нельзя рожать от него, потому что пораженный ген передается по наследству. Меня спрашивали, понимаю ли я, зачем пошла на такие отношения. Чего я от них жду? Как долго планирую их продолжать? А что потом? Выгнать его на улицу? Что будет, когда мне захочется нормальной семьи, детей?

Кстати о нормальной семье. Ну, почти о нормальной. Сергей продолжает приглашать на свидания. Я благодарна судьбе, что в тот раз по пути в гостиницу мы попали в аварию. Во время ужина он говорил о карьере, о его помощи мне. О возможностях, которые передо мной могут вдруг открыться с помощью влиятельного покровителя. Боже, я повела себя как настоящая проститутка! Непонятно, что тогда на меня нашло, почему показалось, что обязательно надо переспать со своим боссом. Сергей непременно хотел, чтобы это «что-то» нашло снова.

Однажды он даже предложил родить от него ребенка. Не прямым текстом, конечно, этот опытный в общении с людьми... вернее, с клиентами мужчина завел разговор издалека. Начал убеждать, хоть я и не спорила, что счастье наше в детях, ведь ничто не сравнится ощущениями, подаренными материнством, в его случае — отцовством. Жаловался, что мечтает о сыне, хотя его жена, родив десять лет назад ему чудесную дочурку, наотрез отказалась продолжать размножаться. А потом он вдруг сказал про биологические часы, которые тикают, как бы мы не пытались молодиться. К счастью, на этом наш разговор прервал телефонный звонок, и я поспешила скорее убраться из кабинета. Услышала вслед: «Аля, я не шучу. Подумай».

Отрывок 12.1. Балансирующий на грани

Как-то раз я спросил у Али, хотела бы она, чтобы я был обычным человеком, а не шизофреником. Она ответила, что вполне достаточно того, что я буду оставаться каким,

какой есть.

Потратив несколько дней на обдумывание ее ответа, я прихожу к выводу, что она меня оставит, если мне станет хуже. А как иначе можно истолковать ее слова?

Жить становится легче, когда всё хоть каплю значимое для тебя уже потеряно.

Терять вообще очень больно, поэтому, когда в моей жизни не осталось ничего, чем я дорожил, я принял решение самостоятельно взяться за собственное лечение. Несмотря на то, что мой диплом давно сожжен, некоторые знания в голове до сих пор живы. Когда, после перевода в новую клинику мне значительно снизили дозу лекарств, и я начал потихоньку соображать, очень медленно и мучительно пришел к мысли, что собирался когда-то лечить людей, страдающих недугом, от которого сейчас мучаюсь сам. Моя непоколебимая уверенность, что я смогу помочь пациентам с психическими расстройствами оказалась столь сильной, что умудрилась выжить, несмотря на всю дрянь, которой меня пичкали.

Еще учась в университете, читая профлитературу, общаясь с моим ментором, пусть земля будет ему пухом, профессором Кирилловым, я пришел к четкому пониманию: шизофрения — это не заболевание, или, точнее, шизофрени не существует. Большинство лжеврачей, едва взглянув на пациента, ставят крест на его жизни, накачивая психотропами, постепенно разрушающими центральную нервную систему, превращая в безвольное растение, лишая возможности жить нормальной жизнью. Хотя, кто из людей мечтает жить «нормально»? За годы своей жизни я понял следующее: абсолютно все, и больные, и здоровые мечтают стать счастливыми. Не нормальными, а счастливыми!

Когда я вышел из больницы, единственной моей целью было снова научиться искренне улыбаться.

Сегодня мы впервые пришли в гости к ее друзьям. Признаюсь, с первой секундой почувствовал себя не в своей тарелке. У меня не получилось с первого раза запомнить имена чужих людей, поэтому я ни к кому никак не обращаюсь. Хожу за Алей по пятам, изредка выходя покурить, слушаю ее разговоры с незнакомым мне людьми, совершенно не понимая, над чем они смеются.

В психбольнице я стал крайне мнительным, если кто-то где-то шутил, мне казалось, что надо мной. Не так. Я был на сто процентов уверен, что надо мной. Единственное, чего удалось достичь в борьбе с этим недугом, — я перестал обижаться, принимая насмешки как неизбежное.

Теперь же, каждый раз, когда все начинали смеяться, я внимательно смотрю на лицо Али, пытаюсь понять, о чем она думает. Аля не станет смеяться надо мной. А раз ей весело, значит, все в порядке. Как и везде, куда мы приходили с Алей и где знали про мою проблему, мужчины с недоверием поглядывают на то, как я обнимаю эту девушку, как она прижимается ко мне. Они не понимают, почему такая красотка, как Алечка, тратит на меня время.

До меня у нее были только успешные, состоятельные мужчины. Избранные.

— Олег, а ты не мог бы подробнее рассказать о своей болезни? — обращается ко мне одна из девушек. Она невысокого роста, что компенсируется огромными каблуками, на которых ее ноги кажутся еще более кривыми, чем есть на самом деле. Блондинка с голубыми глазами и неправильным прикусом, портящим все впечатление о девушке, как только та открывает рот. Я хочу посоветовать ей обратиться к Катькиному мужу, ортодонту, но вовремя закрываю рот. Судя по тону, кажется, она со мной кокетничает.

— Шизофрения — это не болезнь, — отвечаю. — В большинстве случаев, это другой взгляд на мир, который чужд сначала родителям, потом психиатру, после чего последний начинает превращать пациента в больного человека.

— То есть ты считаешь, что психиатрия — это зло?

— Далекое не всегда, но часто. Психиатрия — это искусство, абсолютно не логическая профессия. Чтобы помочь пациенту, врачу в первую очередь необходимо его понять, а для этого нужно прочувствовать проблему, поставить себя на место этого человека, пустить внутрь переживания пациента, и лишь потом оценить насколько неадекватным является его поведение. Такое вполне возможно, но это, разумеется, большой духовный труд. Намного проще выписать психотропы, чтобы тот не выкаблучивался и не отвлекал на себя внимание, да и дело закрыто.

— А как же голоса? Галлюцинации?

— Все относительно. Например, что есть депрессия? Допустим, у человека кто-то умер, бросила девушка, выгнали с работы — каждый реагирует по-своему. Кто-то плюнет и пойдет дальше, у кого-то пропадет сон, аппетит, могут появиться приступы агрессии и раздражительности. Замечая, что с человеком не все в порядке, близкие тащат несчастного к врачу, тот, не вникая в его жизнь, подмахивает назначение и диагноз — получаем больного.

— Ну, это депрессия. А что насчет шизофрении? — настойчиво возвращает к интересующей его теме один из мужчин. Как оказалось, вокруг нас собралась целая куча народа, все с интересом слушают, что я вещаю.

— Я тебя уверяю, — говорю, — менее двадцати процентов пациентов психбольниц действительно нуждаются в лечении. Остальным поломали жизни наши чудо-доктора. Допустим, меня сейчас лечит мой бывший сокурсник. Я прекрасно знаю, на что способен этот «врач», каждый раз прихожу в ужас от лекарств, которые он мне прописывает.

Чувствую, как кто-то меня обнимает. Моя Аля. Пришла меня защищать, как обычно делает, когда я нахожусь в большой компании.

— А ты слышишь голоса? — кто-то спрашивает.

— Слышал, — отвечаю, — сейчас нет.

— Это началось после смерти твоей жены?

— Это началось после того, как меня посадили на транквилизаторы и некоторые другие психотропные препараты, — улыбаюсь, чувствуя округлости моей девочки.

— А что шептали голоса?

— Это была моя покойная жена, — говорю, — звала меня на помощь. Я даже видел ее, видел, как она тянет ко мне руки.

Чувствую, что Аля прижимается очень сильно. Жалеет меня. Глажу ее по распущенным восхитительным волосам.

— Я бы утопился, — шепчет кто-то из друзей Али.

— Я решил отравиться, — зачем-то добавляю, хотя ко мне не обращались с вопросом. Кажется, я делаю успехи в общении, начинаю самостоятельно поддерживать разговор с незнакомыми людьми.

Щекотливую тему никто продолжать не хочет, мужчины и женщины пораженно смотрят на Алю, не понимая, почему она проводит время со мной. Я тоже не понимаю.

Домой едем молча.

— Я все испортил? — спрашиваю, когда она, надев спортивные штаны, разминается перед йогой.

— Нет, с чего ты взял? Ты отвечал на вопросы, — не смотрит на меня. Спрашиваю, почему.

— Олег, у меня сердце сжимается. Мне до безумия жаль тебя. Что может быть страшнее, чем пережить смерть любимой женщины? А потом еще слышать ее голос.

— Я солгал. Я не слышал ее голос. Просто после такого ответа обычно любопытные прекращают спрашивать.

— Ты солгал? — пораженно смотрит на меня.

— Конечно. Мои галлюцинации были результатом приема слишком большой дозы нейролептиков в сочетании с успокоительными. Обычный бред, воплощение переваренной мозгом полученной за прошедшее время информации. Примерно то, что может присниться.

— Все равно это ужасно. Представляю, как ты любил ее, раз решил отравиться.

— Это тоже не совсем правда. Конечно, я любил свою бывшую жену, по крайней мере, хочется сейчас так думать. Я не помню, что чувствовал. Родители уговорили показаться врачам после смерти Алины. В то время гремело расследование, шли непрерывные допросы, обвинения. В общем, они практически насильно притащили меня к психиатру. Отец не верил в мою профессию, да и сейчас не верит, но ему было намного легче думать, что у меня поехала крыша, чем, что я допустил столь ужасную ошибку при расчете дозировки лекарства. Я был расстроен, сильно переживал... кажется. «Доктор» с первого взгляда нашел у меня психоз, положили в палату. Не успел я прийти в себя, как начали колоть лошадиные дозы психотропов. Я пытался отказываться, так как понимал, что они делают и какой будет результат, но меня никто не слушал, а сопротивляться сил не было. Иногда меня привязывали к кровати. Через два месяца выпустили. Тут я допустил ошибку, сразу бросил принимать лекарства. Мне хотелось, чтобы эта дрянь скорее из меня вышла и... началась ломка. Сильнейшие отходняки. Депрессия. Я неделями не выходил из дома, не желал никого видеть. Кричал, разбивал мебель. Плохо соображал. В то время я совсем не помнил об Алине, меня волновало другое. Казалось, что кто-то следит за мной, близкие сговорились с целью сплавить меня в психбольницу. Что меня все ненавидят. Я сражался с невидимыми, несуществующими врагами, пока не проиграл. Сдался.

Понимаю, что поступаю эгоистично, но продолжаю говорить:

— Сожрал львиную дозу лекарств, запил все водкой и отключился. Когда меня откачали и вернули в психбольницу, опять начали колоть дрянь. Опасаясь, что я вновь попытаюсь навредить себе, дозу увеличили. Я находился словно в коматозе, ничего не видел, не слышал, не замечал. Помню только, было очень страшно. Непонятно от чего. Я шугался любой тени, не говоря уже о людях. Был уверен, что против меня ведется заговор вселенского масштаба. Безумно хотелось убежать, спастись от этого ужаса и боли, которую, как тогда казалось, все хотели причинить мне. Как только отпускали домой, я искал способ сбежать на тот свет, пока меня окончательно не заперли в психбольнице, — говорю очень спокойно, без каких-либо эмоций. Я анализирую свое прошлое, собираю в кучу факты, которые и вываливаю на девушку. Наверное, мне давно хотелось поделиться, раз я произнес столько слов.

Аля смотрит на меня, хлопая ресницами, поджимает губы.

— Кажется, я стал говорить слишком много, — смущаюсь. — Прости меня.

— Олег, дорогой, что ты несешь! — Садится ко мне на колени, обнимает. — Сейчас все позади, ты на свободе. Ты же больше не хочешь сбежать на тот свет? Не боишься?

Отрицательно качаю головой.

— Практически нет. Мне крупно повезло, что больницу, в которой меня держали,

закрыли, и меня пришлось перевести в другую. Там я попал к настоящему врачу, который быстро распознал во мне зомби, напичканного всякой гадостью, чтобы не доставлял санитарам проблем. Он урезал дозу нейролептиков, и я постепенно в течение пары месяцев пришел в себя. Начал думать, разговаривать. Еще через три меня посчитали готовым к выписке.

— Но ты сказал, что сейчас наблюдаешься у плохого доктора.

— Да. К тому ездить далеко, к сожалению. Но ничего, я теперь в состоянии следить за тем, что мне прописывают, контролировать дозировку.

— Голоса больше не слышишь?

Опять качаю головой.

— Мой теперешний «доктор» ставит диагноз «вялотекущая шизофрения», другими словами, это шизофрения без симптомов. То есть болезнь, которой нет, — пожимаю плечами. — Ты бы доверяла такому врачу?

— Я совсем ничего в этом не понимаю. Но очень хочу, чтобы ты выздоровел.

— Не знаю, что значит выздороветь. Все, что со мной случилось, наложило отпечаток на характер, поменяло отношение к жизни. Сейчас я смотрю на мир как будто со стороны, наблюдаю за собой, тобой. Делаю выводы, которые ты каждый вечер читаешь в блокнотах, надеюсь, они тебя не пугают. Не думаю, что смогу когда-нибудь стать тем, кем был до психбольницы. Да я уже и не помню, каким был.

— Чего тогда ты хочешь от жизни?

— Покоя. И возможности испытывать эмоции. Понимаешь, нейролептики глушат абсолютно все всплески: горе, радость, любовь. А мне нравится испытывать что-либо.

— Олег, можно я буду всегда с тобой?

— Ты можешь быть со мной столько, сколько тебе хочется, помнишь? Мы живем по твоим правилам, — легко целую кончик ее носа, потом губы. Что-то во мне очень возбуждает Алю, и я склонен думать, что это не моя ущербность. По крайней мере, она всегда относится ко мне как к здоровому мужчине, особенно во время секса.

II часть

Спасение шизофреников — дело рук самих шизофреников?

(взято с форума в утвердительном варианте)

Отрывок 12.2. Балансирующий на грани

Приторную сладость взбитых сливок я по-прежнему не чувствую, впрочем, как и вкус шоколадной глазури, но хрустящие грецкие орехи в торте, кусочек которого в данный момент пережевываю, не могут не доставлять удовольствие.

В помещении душно, несмотря на работу кондиционера в приемной, который, к сожалению нельзя включить мощнее, так как Нина боится простудиться. Впереди у нее отпуск в Турции, к которому девушка усиленно готовилась в течение последних двух месяцев, а именно: сидела на строжайшей диете, ходила в фитнес клуб, где занималась с, как она выразилась, «умопомрачительным мужиком», как я понял, — с тренером. Не сказал бы, что заметна какая-нибудь разница между ее предыдущим внешним видом и теперешним, но девушка с такой мольбой смотрела в глаза, спрашивая моего мнения, что пришлось солгать, назвав ее «секси-красоткой», что она сразу же передала Але, в результате чего этим же вечером я получил втык дома. Это, кстати, был первый раз, когда я подумал, что Аля меня ревнует.

— Олежка, и что там дальше? — спрашивает меня Вероника, миленькая девушка с бухгалтерии. На первый взгляд она весьма недалекая, но, как я выяснил позже, Веро намного глубже, чем старается казаться. Видимо, это ее способ защиты от внешнего мира.

У каждого из нас своя война, свои баррикады и свои способы наступления. Каждый приспособливается, как может. Мне ли не знать.

Недавно Нина очень помогла Веронике в решении какого-то рабочего момента, за что последняя притащила торт, откусать который меня и пригласили девушки, забывая, что я не люблю сладкое. Обижать их не хочется, поэтому я старательно выбираю орехи из своего немаленького куса, рассказывая, как мне кажется, смешные истории, чтобы отвлечь внимание от своей не заинтересованности в еде.

— Олежка, ну и что? — кладет Вероника руку мне на плечо. Она смеется, видимо, истории кажутся смешными не только мне.

— Ты скажешь уже или нет!? — нервничает Нина, которая отрезала себе уже пятый тоненький кусочек лакомства.

— Ну, я и говорю: «если вы не видите Эмиля, это не значит, что он не видит вас!»

Нина хохочет, прикрывая рот салфеткой, а Вероника падает на стол, не в силах сдержать эмоции. Она изрядно переигрывает.

Опять касается меня рукой:

— Ну, ты даешь! — смеется. — Я представляю себе его лицо!

— Так, что здесь за балаган?

Мы вздрагиваем и смотрим снизу вверх на Алю, которая из-за нашего громкого смеха подошла незаметно и сейчас стоит совсем близко, оперев кулачки в бока. Смотрит грозно, глаза прищурены, губы стиснуты.

— Ой, — пытается успокоиться Вероника, — Алла Константиновна, Олежка сейчас такой анекдот из жизни рассказал!

— Я так понимаю, у вас троих нет работы? Вероника Александровна, если вам больше не нужен ваш кабинет, я поговорю с Сергеем Игоревичем, и сегодня же вы переедете в приемную, — ледяным голосом, как только она умеет, произносит Аля.

Улыбки исчезают с наших лиц, девушки опускают глаза под тяжестью взгляда начальницы. Мне тоже становится не по себе.

— Аля, так обед же, — робко возражает Нина.

— Я просила с утра отправить факс, ты отправила?

Понимаю, что лучше молчать, иначе влетит и мне.

— Пока не получилось, — пробует оправдаться Нина.

— Так чего сидишь без дела? — повышает голос. Нина быстро поворачивается к компьютеру, берет трубку телефона, и набирает номер.

— Я, пожалуй, пойду, — тихо говорит Вероника. Судя по интонациям — пытается извиниться.

— Давно пора. Устроили тут пикник на рабочем месте. А Вы, Олежка Николаевич, в мой кабинет. Живо.

Поворачивается и марширует к себе. Глаза девочек наполняются искренним сочувствием, а я, пытаюсь их подбодрить, киваю и подмигиваю, поднимаюсь с места и спешу за своей начальницей.

Как только мы оказываемся в ее кабинете, и я прикрываю за собой дверь, она сразу начинает кричать:

— Ты что себе позволяешь?! У тебя работы нет? Ты представляешь, как сложно было тебя отмазать после прошлого промаха? А если бы Сергей зашел и увидел?

— Олежка Николаевич? — переспрашиваю, скрещивая руки на груди, с трудом сдерживая улыбку.

— Как я поняла, теперь тебя так все зовут! — она нервничает, ходит по кабинету.

— Да вы, — нарочито вежливо произношу, — Алечка Константиновна, кажется, ревнуете? — смеюсь.

— Я? — Эмоции через край. — Я? Тебя ревную? — говорит так, будто это высшая глупость в мире, прижимает руку к груди, растопырив пальцы, задыхается от возмущения. — Олег Николаевич, вы забываетесь. — Она всегда обращается ко мне на «вы» и по имени отчеству, если мы ссоримся. Даже когда находимся дома.

— Тогда вы, Алла Константиновна, будете не против, если я сегодня вечером заеду к Веронике, помогу починить компьютер.

— Куда ты собрался заехать?! — кричит она. Понимаю, что ей не до шуток, пытаюсь не смеяться, но губы сами расплываются в улыбке. Борьба, отражающаяся на моем лице, еще больше злит Алю: — Да ты... Да я... Ты совсем обнаглел?

— Аля, да ладно тебе.

Она хватается со стола мышку и запускает в меня. Еле успеваю пригнуться, мышка звонко ударяется о стену и разбивается.

— Вы портите имущество компании! — восклицаю я.

— Я сейчас испорчу работника компании! — Хватает со стола ежедневник. — Я вычту мышь из твоей зарплаты, имей в виду.

— Да ради Бога! — Понимаю, что нужно спастись бегством. Пригибаясь, отпрыгиваю к выходу, открываю-закрываю за собой дверь, слышу, как об нее ударяется что-то тяжелое.

Нужно что-то делать с Алиными нервами. Хотя ситуация и кажется сейчас весьма

забавной, в купе с остальными ее срывами не может не беспокоить.

Делаю шаг в сторону и натываюсь на нашего главного начальника — Сергея. Он направляется к Але.

— Эмм, Сергей Игоревич, лучше не ходите к ней пока... — только успеваю проговорить, как Сергей, который, разумеется, меня не слушает, резким движением открывает дверь. Я, хватаясь за голову, наблюдаю, как моя точная девочка кидает несколько ручек, парочка из которых попадает директору по голове.

Вот бесы.

Решительно захожу следом за Сергеем, чтобы не бросать Алю одну в неприятной ситуации, но та отчаянно машет, чтобы я убирался. Жестами спрашиваю: «Точно?» Нетерпеливо указывает в сторону выхода. Обострять ситуацию не хочется, поэтому я покорно закрываю за собой дверь.

Кажется, у Али будут крупные неприятности из-за меня. Но что я такого сделал? За что извиняться? Почему она так разозлилась? Утром же все было нормально. Направляюсь в сторону своего кабинета, обдумывая случившееся.

— Ну что? — пристыженным шепотом спрашивает Нина.

Пожимаю плечами.

— Ну, ты и кобель! — укоризненно качает головой. Я замираю, выпучив глаза. Понимаю, что запутался окончательно, но Нина непреклонна, уточнять, почему я «кобель» она не собирается. Фыркает, протягивая мне тарелку. Отказываюсь от своего недоеденного торта, ворую горсть мятных сосательных конфет со стола девушки и прячусь в своем кабинете.

Вечером Аля со мной не разговаривает, любые попытки обсудить случившееся пресекает, от массажа отказывается, про секс я даже не заикаюсь, опасаясь, что снова придется спасаться бегством от ее метких бросков. Видимо презервативы, которые теперь всегда лежат в тумбочке с моей стороны, и, на всякий случай, в портмоне, сегодня не понадобятся.

Сидит на диване, пилит ногти, хотя прекрасно знает, что я не выношу этого мерзкого, раздражающего душу звука, от которого волосы на теле встают дыбом, и кажется, что пыточный инструмент елозит по черепу, а не мертвым клеткам ее ногтей. Передачу, которая идет по телевизору, досмотреть очень хочется, я терплю из последних сил, практически не сомневаясь, что она умудрится «пилить громче», если я увеличиваю громкость. Ее цель — показать мне, что я ей безразличен, и ей плевать, что мне неприятно. Но я-то знаю, что она просто привлекает внимание тем способом, до которого смогла додуматься.

Такая глупенькая иногда.

Сажусь рядом, вырываю из ее рук садистское орудие, убираю в косметичку, которую небрежно бросаю на пол, обнимаю Алю за плечи. Она дергается, вырывается, отодвигается на полметра, но не уходит. Улыбаюсь, вновь пододвигаюсь. Она снова отсаживается. И так раз пять, пока мы не оказываемся на краю дивана, и ей бежать некуда.

Трусь колочим подбородком о ее шею.

— Прости меня, — шепчу, нацеловывая плечико через пижаму.

— За что ты извиняешься? — говорит строго.

Попал. За что я извиняюсь?

— За то, что я такой дурак, — выкручиваюсь, как могу, морща лоб.

— Не проходит, — дергает плечом. — Конкретнее.

— Какая же ты у меня смешная, Боже ты мой, — мне надоедают эти игры, хватаю ее в охапку и усаживаю к себе на колени.

Презрительно хмыкает, делает вид, что ей это не нравится, но не уходит.

— Я смешная? — как бы возмущается. — Олег... Олежка Николаевич, — шипит, — попрошу вас не забывать, у кого из нас должность выше и работа ответственнее, — отворачивается, не давая целовать в щеку. Что ж, куда могу дотянуться — целую шею и чувствую, как попадаю на те самые точки. Улыбаюсь.

— Такая дурочка, — говорю, — маленькая обидчивая дурочка, — шепчу на ухо. — Кто таких дурочек только в директора берет?

Она возмущается, начинает вырываться, но я сильнее, держу крепко, поворачиваю лицо к себе, целую в губы. Прижимается, сама целует, обнимает.

Какая же глупенькая, Боже мой.

— А еще врешь, что старше меня, — смеюсь. — Судя по поведению, тебе не больше пяти лет, — продолжаю смеяться, но она уже не обижается.

— Тебе она нравится? — спрашивает.

— Кто? — не понимаю. Кажется, секс все-таки будет, по крайней мере, мои руки уже ласкают напряженные сосочки, и меня никто не отталкивает.

— Эта шлюшка из бухгалтерии, — обиженно.

— Как тебе только компанию доверили, глупышка, — целую ее. — Прекраснейшая женщина из всех, кого я только видел, позволяет прикасаться к ней, зачем мне кто-то еще?

Либо я полный кретин, либо она действительно меня ревнует.

Утром ее подушка снова была испачкана кровью.

Лучше кого бы то ни было в этом мире понимаю, что я не врач, и никогда в жизни больше не смогу быть врачом, но, несмотря на это, я веду пациента уже несколько месяцев. Самого сложного, важного и ответственного пациента в своей жизни — мою Алечку.

«Свежие продукты» заказали нашей фирме еще один модуль, поэтому долгожданное прекращение отношений с Верой Анатольевной и Дмитрием, к моему огромнейшему сожалению, не случилось. Если мы случайно встречались с Дмитрием в офисе нашей компании, а он как специально еженедельно тратил время на то, чтобы потрепать нервы моей Але, мужчина не спускал с меня глаз. Смотрел долго, иногда обращался в манере: «сбегай, попроси Нинок, чтобы кофейку принесла» или «метнись в машину, кажется, я оставил там папку с документами». В общем, старался всячески унижить, особенно при Але. Следуя правилу «клиент всегда прав», я исполнял его просьбы-приказы, наблюдая победоносный взгляд мужчины, обращенный ко всем присутствующим, а в особенности к моей девушке. Этот взгляд как бы говорил: ну и на кого ты меня променяла, идиотка?

подавляющему большинству людей необходимо унижить кого-нибудь, чтобы доказать свое превосходство, утвердить статус.

Как-то вечером мы очень подробно обсудили этот момент с Алей, после чего она начала относиться проще.

— Эй, мальчик, — обращается ко мне Дмитрий. Мы находимся в переговорной, я настраиваю оборудование для презентации. Он всегда обращается ко мне «мальчик», хотя в отцы мне не годится. На вид этому мужчине чуть больше сорока. Подтянут, в дорогом костюме, чисто выбрит. Производит впечатление блестящего бизнесмена, коим, впрочем, и является.

— Извините, я сейчас очень занят, — отвечаю, тестируя работу проектора. Через пятнадцать минут придут партнеры «Свежих продуктов», которые тоже хотят купить программу, которую мы разрабатываем. Аля сидит напротив меня, облокотившись на спинку стула и закинув ногу на ногу. Читает материалы, которые будет презентовать. В кабинете находятся еще несколько аналитиков и ведущие разработчики.

Сергей смотрит на наручные часы, вздыхает, читает что-то в телефоне.

— Они в пробке, — объявляет на весь кабинет. — Задерживаются на пятнадцать минут. Как там тебя? — явно обращается ко мне, я поднимаю глаза. — Да, ты. Успеешь все там настроить. Сбегай до Нины, попроси ручку с красной пастой и зеленый маркер. Надеюсь, не перепутаешь? — поднимает брови, улыбается. Свидетели сего диалога тоже улыбаются, но мне это безразлично. Я смотрю на Алю, которая отрывает взгляд от бумаг и смотрит на Дмитрия. Потом на меня. Медленно ей киваю, напоминая, о чем мы говорили несколько дней назад. Она секунду сомневается, потом кивает в ответ, подмигивает, насмешливо улыбается, бросает косой взгляд в сторону моего обидчика и возвращается к чтению.

Мы понимаем друг друга без слов, я облегченно выдыхаю. Пришлось превратить подобные ситуации в игру, цель которой — не допустить, чтобы Аля нервничала. Я поднимаюсь со стула и иду в сторону двери.

— Зеленая ручка и красный маркер! — кричит мне в след, пытаюсь запутать. Я бы не хотел когда-нибудь работать на этого человека.

Помимо «Свежих продуктов» впереди замаячил, как объявил на планерке Сергей, «самый важный проект за время существования компании». Москвичи собираются заказать нам огромный модуль для работы в банке. На этой же планерке Сергей очень хвалил мою девочку и объявил, что из всех руководителей направлений именно ей доверяет вести архиважного клиента от начала и до конца действия договора. За Алю рады все: она сама, ее друзья, коллеги, родители так вообще прыгали до потолка, услышав новость. Ну... она так сказала. Сам я с ними еще не успел познакомиться, общаемся только по телефону.

Только я был не рад. Потому что очередная победа неминуемо влечет за собой новую ответственность и стрессы. Я просил, чтобы она отказалась, но меня и слушать не хотели. Доверие подобного масштаба означало успех, признание. В своей жизни я пока не встречал ни одного человека, кто не нуждался бы в признании и похвале. Я понимаю Алю, но легче от этого не становится.

Каждый вечер я жду, когда она освободится. Иногда сижу в ее кабинете, чаще в приемной, если идут совещания. Частенько мы попадаем домой глубоко за полночь. Иногда мне кажется, что если моя Аля вдруг простудится и не выйдет на работу, то весь мир рухнет, — столько она пытается на себя взвалить. Ежедневно со скандалом я тащу ее на обед, потому что времени пообедать у нее, видите ли, нет, срывает только угроза: «Я сейчас закину тебя на плечо и перенесу в кафе, если ты не оторвешь глаза от ноутбука. И мне плевать, кто нас увидит по пути и что подумает». Говорю предельно серьезно. Она знает, что я могу, мне нет никакого дела до зрителей. Понимает, что я во много раз ее сильнее. На встречную угрозу: «Я тебя уволю», отвечаю: «Тогда буду висеть на твоей шее безработным. Увольняй».

Слушается меня.

Я таскаю ей сухофрукты, орехи, печенье в кабинет, ношу кружки с горячим чаем. У меня даже получается ее немного откормить, из-за чего появляется новая проблема: «Я толстая, ты меня разлюбишь». Иногда мне кажется, что из нас двоих я самый нормальный и

психически здоровый человек.

Но, несмотря на все ее комплексы, неуверенность в себе и синдром «начальницы», который так и лезет из нее периодически, если ей что-то не по нраву, никто себе даже представить не может, какое место она занимает в моей жизни.

За несколько месяцев, что мы живем вместе, она вытеснила из головы все мысли, содержащие местоимение «я», заменив их собой. Клянусь, я этого не хотел. Понятия не имею, когда это случилось, но единственное, что в этом мире сегодня имеет значение — это Аля.

Стараюсь проходить мимо ее кабинета не реже двух раз в час, прислушиваюсь к голосам в коридоре, надеясь, что услышу ее смех или же строгий голос, что бывает гораздо чаще.

Мои чувства становятся похожими на манию, но я ничего не могу с собой поделать. За время, что мы живем вместе, я привязался к ней так сильно, что приравниваю наши встречи в конце рабочего дня к оргазмам.

Вот я сижу в тускло освещенной приемной, в самом углу за ноутбуком. Если кто-то проходит мимо, он не замечает меня, настолько мало внимания к себе привлекаю. На улице давно стемнело, основной свет в помещении погасили. Аля с руководством и ведущими разработчиками в переговорной планируют работу с москвичами. Обычно я или раскладываю пасьянсы, если сильно устал за день, читаю, или доделываю что-то по работе.

Скоро она выйдет из кабинета, распахнув матово-стеклянную дверь, и мы поедем домой. Скоро я смогу ее потрогать, понюхать, лизнуть, и от предвкушения сердце бьется учащенно. С каждой минутой время нашей долгожданной встречи приближается. Я жду, визуализирую ее перед собой. Сегодня она одета в сиреневую прозрачную блузку, и черные брюки со стрелками. Волосы собраны в пучок, пробор набок.

Я частенько поглядываю на дверь, представляя себе ее появление, отчего сердце замирает. Это похоже на сладкую прелюдию, предоргазменное состояние. Еще чуть-чуть, осталось немного подождать, и все случится. Волнуюсь, не понимая почему, ерзаю на стуле.

Жду.

И вот это происходит. Слышу шум — двигаются стулья, коллеги поднимаются из-за стола, — это означает, что совещание закончилось. А также, что сейчас я увижу ее. Сердце колотится сильнее, я даже прижимаю к нему руку. Жду. Голоса становятся громче, я могу разобрать некоторые слова, — руководство подходит к двери. Без сожаления опускаю крышку ноутбука — неважно, что делал до этого, и поднимаюсь со стула.

Обычно она появляется первой. Ищет меня взглядом и всегда улыбается, когда находит. Закатывает глаза, показывая, как ее все достало, после чего быстро несколько раз кивает на выход, дескать, пора сваливать скорее.

Лифт всегда находится на нашем этаже, я забочусь об этом.

Прежде чем нас кто-то может догнать, мы уже едем вниз и идем к машине.

Мне не нравится, что Але приходится еще и вести машину после тяжелого дня, я бы хотел, чтобы она расслаблялась рядом со мной, возможно, начинала дремать, так как она не высыпается, это я знаю точно. Но рулить мне нельзя, и я сажусь на пассажирское кресло. Все что могу сделать — это уговорить ее вызвать такси, если время слишком позднее. Иногда она соглашается.

Вечером мы всегда много разговариваем, она жалуется на коллег, начальство, клиентов. Я всегда на ее стороне, неважно, что она рассказывает. Мы вместе ищем выходы из сложившихся ситуаций, иногда это происходит уже в душе, так как время позднее, и

спокойно поговорить не получается.

Потом я делаю ей массаж, даже если она уже спит. Потому что она слишком напряженная, а я очень боюсь за нее.

Я прописал... если можно так выразиться, ей слабые антидепрессанты, травки, которые продаются без рецепта. Слежу, чтобы она не забывала их принимать.

И, несмотря на все мои усилия, у нее идет кровь. И во сне, и в течение дня. У нее нет времени обследоваться у врача, но я и так знаю, какое ей необходимо лечение. Ей нужно сменить работу.

Понимаю, что стал частью ее жизни, вписался в ее сумасшедший график, что не имею права менять девушку кардинально, не должен даже просить о подобном, да мне и предложить-то нечего. Моя Аля предпочитает высокий уровень жизни — дорогую одежду, шикарные рестораны. Она заставила меня отказаться от скромной съемной квартирki, потому что «в таких трущобах жить нельзя». К сожалению, я не могу обеспечить ей те условия жизни, к которым она привыкла, но... Если кто-то думает, что я испытываю угрызения совести из-за того, что не оставляю ее, этот человек ошибается. Тут нужно понимать, что только я знаю, как нужно обращаться с моей Алей. А другие мужчины? Пусть даже состоятельные... Они делают только хуже. Это она уже проходила до меня. К чему ее привели прошлые отношения? Только я могу помочь ей, и, бесы в моей голове, делаю все, что в силах.

Отрывок 13. Балансирующая на грани

Чем дальше я живу с Олегом, тем сильнее понимаю, как недалеко от него ушла в плане «ненормальности», и то, что у него есть справка, а у меня есть — форменная несправедливость.

То, что я собираюсь произнести сейчас, лишний раз подтвердит сказанное выше.

Мне не нравится, что он перестал общаться со своими испанцами.

Говорит, что поссорился с ними. Ни Эм, ни Эмиль больше не приходят на работу или к нам в гости, мы вместе не ходим в кино, хотя это и позволяет сэкономить на билетах.

Олег меняется, в этом нет никаких сомнений, но я безумно боюсь любых перемен.

За последнее время я прочла множество литературы по шизофрении, общалась с мамой Олега, которая подробно рассказывала, как распознать признаки ухудшения. Мне следует обращать внимание на любое изменение в поведении, явное проявление страха, тревоги, плохой сон, беспричинный смех и прочее, прочее. Я искала что-то подобное в поведении Олега всю весну и начало лета, так как мне сказали, что это самое время для обострений. Но подобных симптомов в поведении мужчины обнаружить не удавалось, ничего подозрительного, помимо иногда грубого: «как же ты меня замучила своими расспросами», не слышала.

Изо дня в день он становится всё нормальнее, что радует и пугает одновременно. Когда я практически силком затащила его в свою квартиру, а потом и в свою жизнь, я видела перед собой человека, сумевшего приспособиться. Пусть даже его адаптивность заключалась в невидимых друзьях, являющихся частью личного пространства, куда он всегда мог сбежать, если внешний мир на него давил. Выдуманный мирок принадлежал только ему, был своего рода отдушиной. И он рушился прямо на глазах, ненужный и забытый.

Стараюсь заменить его воображаемую вселенную собой, но у меня слишком мало опыта. Иногда, когда Олег часами не разговаривает, я теряюсь. Понимаю, что если желание

побыть в одиночестве относить к признакам шизофрении, то всех людей на планете пора распределить по больницам, поэтому стараюсь не обращать на это внимание. Но мне страшно, потому что я не знаю, о чем он думает. Нет, конечно, самого Олега я не боюсь, даже мысли нет, что он может причинять вред. Мне страшно, что он может причинить вред себе.

По субботам я всегда убираюсь в квартире. Так было заведено еще в доме родителей, и я впитывала этот распорядок с детства. Олег лежит на диване с отсутствующим выражением лица. Кажется, он спит с открытыми глазами.

— У тебя все хорошо? Олег, может, поможешь мне? — спрашиваю.

— Аля, давай вечером, я неважно себя чувствую, — отвечает вяло.

— У тебя что-то болит? — Сажусь рядом.

Отворачивается.

— Тут болит, — отвечает, прижимая руку к затылку. — Дай мне полчаса.

Отрывок 14.1. Балансирующий на грани

Мне следует выходить куда-нибудь с Алей чаще, но пока не получается.

Я лежу на диване с закрытыми... с открытыми глазами — это неважно, и жду, пока подействуют успокоительные, которые я сам себе прописал взамен транквилизаторов, рецепт на которые легкой рукой подмахнул «доктор». Сон стал отвратительным, прерывистым и пустым. Мне нужно немного времени, чтобы прийти в себя, чтобы все стало как прежде. Аля переживает за меня, и это плохо, но мне нужно хотя бы минут двадцать. Или сорок.

Первый на очереди клиент экзорциста, мать твою, приходи уже в себя!

Тебе нельзя поддаваться!

Очнись!

Открой глаз, бесы, оторви зад от дивана и иди, рассмеши ее!

Обними ее, помоги ей!

Меня от себя тошнит. Такое впечатление, что я наблюдаю за собой со стороны. Вижу, как я лежу на диване, как жалок и отвратителен. Тошнота подкатывает горлу, ненавижу это ощущение.

Иду в ванную комнату, закрываюсь на замок и включаю воду, чтобы было не так слышно звуки.

Меня выворачивает несколько раз, обнимаю унитаз, руки дрожат.

Тошнит снова и снова. Желудок болит, спазмы не прекращаются.

Смотрю на себя как будто бы сверху, анализирую, что со мной происходит.

Мне не подходят эти успокоительные — делаю вывод, и меня снова тошнит. Крутит живот. Вот черт. Голова кружится, забираюсь на унитаз, стараясь не упасть.

Бесы, нужно взять себя в руки.

Опираюсь лицом на ладони.

В палате психбольницы нас лежало пятеро.

Родители платили бешеные деньги психиатру, который меня вел, за особое отношение. В наивные двадцать четыре года мне казалось, что особенное отношение заключается, как минимум, в отдельной палате, улыбках санитарок и сладких булочках на полдник. Один раз я попытался сообщить о том, что меня не устраивает, своему «врачу», на что тот пригрозил переводом в соседнюю палату, которая была в два раза больше моей, но в которой лежало тридцать человек.

Родителям нельзя было заходить в мои «покои» как называли палаты санитары, подсмеиваясь над нами, или мою «камеру», как говорили пациенты, из-за решеток на окнах. Папа с мамой не знали, где и в каких условиях я живу.

По крайней мере, у нас не воняло так сильно. Мимо соседней палаты было невозможно пройти, не зажимая пальцами нос. Мы нарекли ее «комнатой смертников». Обычно из нее выбирались только ногами вперед. При каждом таком случае наши говорили: «еще один задохнулся». Нам казалось, что это смешная шутка.

В «комнате смертников» держали обреченных больных, многие из которых были не в состоянии передвигаться самостоятельно, некоторых привязывали к койкам из-за буйного нрава, ну или из-за желания выбраться из этого ада. И первые, и вторые ходили под себя. Все это убиралось один-два раза в день, иногда реже. Санитары брезговали лишний раз заходить туда.

«Блатных» пациентов в больнице насчитывалось пятнадцать человек, соответственно три палаты. На этаже располагались два туалета и душевая, в которой многих мыли прямо из шланга.

Это очень больно.

Напор сильный, да и вода ледяная. Никто не заботится о том, чтобы психам было комфортно. Несколько раз меня тоже мыли подобным образом, в те моменты, когда я сам не мог о себе позаботиться, а прикасаться ко мне было противно. Помню, что сидел на корточках прямо на грязном полу, прикрываясь руками, а санитары смеялись и кричали, чтобы повернулся спиной, передом, нагнулся. Если не слушался, напор делали сильнее, а воду холоднее. Все слушались санитаров, те умели доносить свою мысль, как никто другой.

Не думаю, что доктора были в курсе подобного. Даже мой тогдашний «врач» хоть и был крайне туп, не являлся жестоким человеком.

Просто далеко не каждый адекватный человек захочет идти ухаживать за сумасшедшими, получая при этом обещанные государством копейки. В психбольницах всегда есть открытые вакансии, берут всех желающих. А кто туда идет добровольно? За редким исключением те, кому нравится издеваться.

Со мной лежал юноша по имени Костя. Я сразу запомнил его потому, что он все время пытался шутить, а потом сам долго смеялся над собственными шуточками, которых никто кроме него не понимал. Хорошо помню теплое весеннее утро, когда он появился впервые:

— Привет! — запрыгнул на мою кровать, протянул руку. — Костик — F 23.2.

— Олег — F 20, - пожал я его ладонь. Костик наморщил вздернутый, покрытый веснушками, нос.

— Дурацкое имя, тебе не подходит. Я буду звать тебя Ольгой.

Константин, огненно рыжий тощий паренек, которому едва исполнилось двадцать, панически боялся, если до него дотрагивались другие мужчины, и в голове у него было вечное кораблекрушение со всеми страхами, безумием и ужасом этой катастрофы. Я склонен думать, что он действительно часто подвергался насилию, но мать и отчим этот факт отчаянно отрицали, да и врачи говорили, что никаких физических травм у него не было найдено. Хотя, насиловать же можно по-разному, не так ли?

Из всех мужчин больницы, включая докторов, он разговаривал только со мной, почему-то он считал меня женщиной, возможно, из-за длинных светлых волос, которые мне не обрезали.

Костик считал меня страшенькой женщиной, и всей своей огромной, по-детски доброй

душей сочувствовал мне, особенно, когда я брил лицо под надзором санитаров, разумеется.

Он постоянно болтал сам с собой и частенько хохотал до истерики, пока ему не вкальывали успокоительное. Казалось, что его губы могут порваться, так широко он улыбался. Он икал, задыхался, катался по полу, но смеялся. Обычно в это время мы вместе с другими пациентами молча сидели на койках, прижав колени к груди, и смотрели на него.

Потом появились два новых санитаря. Я не могу вспомнить их внешности, кажется, один носил усы.

Они периодически накачивали Костю чем-то и уводили купать, после чего притаскивали и бросали на кровать, побитого и не в себе.

После первого такого раза его смех стал походить на нервные заикания. Он жаловался врачам, родителям, но я был единственным, кто верил в то, что его действительно насиляют. Насколько мне известно, санитары сразу выделили Костю среди остальных пациентов, он им очень нравился из-за смазливой, девчачьей внешности. Когда Косте надевали на голову парик, он и вовсе превращался в симпатичную девчущку, очень молоденькую и по-детски угловатую.

Я пытался ему помочь, но меня, как и Костю, как и любого другого пациента психбольницы, никто не хотел слушать. Я говорил с санитарями, но они лишь смеялись. Пытался им угрожать, так как не мог выносить крики Кости по ночам, пока его «купали». Вся больница слышала, содрогалась. Я представлял себе, что стены вот-вот рухнут, здание начнет обваливаться, предпочтительнее с крыши, а потом мы все провалимся под землю, в Ад.

Санитарам нравилось слушать его резкий, потом уже сорванный голос, они никогда не затыкали ему рот.

А потом я не выдержал и попытался подраться с ними. С буйными психами разговор короткий. Неделью я не приходил в себя, кажется, меня не кормили, потому что, открыв глаза, понял, что от слабости не смогу даже пошевелиться. За мной не особо ухаживали, скажем так.

— Очухался, придурочный? — Меня утащили в душ и мыли из шланга, как бешеное животное, к которому опасно подходить. И они были правы. Я ненавидел их сильно, остро, всей душой. Я ненавидел их так, как только можно ненавидеть других людей. Я желал им зла, мечтал, чтобы они сдохли ужасной смертью.

А потом Костя повесился на спинке кровати.

Прекрасно помню ту ночь. Он долго копошился, рвал простыни, плел прочную веревку. Я слышал все это, понимал, что и зачем он делает. Еле сдерживал слезы, но лежал и молчал. Не было даже мысли позвать кого-нибудь из персонала на помощь. В палате все знали, что он хочет покончить с собой. Все молчали. Мы понятия не имели, что сказать ему, как убедить остаться с нами. Если бы у меня в тот момент было чуть больше смелости, я бы тоже повесился, но такая смерть не для меня, слишком сложная. Я бы не смог.

Он умер, и началось расследование. Его родители, хоть и верили врачам больше, чем собственному ребенку, подняли на уши всю больницу, затем милицию и прокуратуру. Двадцать семь человек, включая меня, из сорока пяти, подтвердили факт насилия и жестокого обращения. Тут и мои родители подтянулись. Ту психбольницу закрыли через несколько месяцев, но об этом я узнал уже из другой клиники, куда меня срочно перевезли родные, как только узнали о случившемся.

Костик спас нас всех.

Кажется, я отключился. Очнулся прямо на полу в ванной. Отрываю лицо от прохладного кафеля, силюсь подняться.

— Олег, Олег, ответь! — Аля долбится в дверь. — Милый!

Понимаю, что она сейчас откроет замок монеткой и пытаюсь подняться. Бесы, я упал прямо с унитаза.

Голову обносит, у меня не выходит встать даже на четвереньки.

Пытаюсь снова и снова. Я упорный.

А она уже заходит, садится рядом со мной.

— Родной, ты как, тебе плохо? — Ее взволнованное личико бледнеет, испуганные глаза часто моргают. Аля трогает мои щеки, словно не веря, что это я перед ней.

— Голова закружилась, — говорю. И зачем-то повторяю: «Голова закружилась». — Мне не идет новое лекарство, все в порядке. «Все в порядке».

Она помогает мне сесть, я подтягиваю штаны, встряхиваю головой, прогоняя наваждение.

— Аля, мне уже лучше, честное слово. «Честное слово». Давай я приведу себя в порядок, — прошу ее выйти.

— Нет уж, я тебе не доверяю, — обнимает меня, целует в щеку. — Ты же ничего не задумал плохого? — серьезно смотрит в глаза.

— Нет, разумеется, нет, — становится лучше, приступ потихоньку проходит, меня отпускает. — Просто тяжелые воспоминания. Дай мне минуту.

— Хоть две, — снова целует, ну уже в другую щеку. — Ты весь ледяной, Олег, тебе не холодно?

Кое-как убеждаю ее покинуть ванную и окончательно прихожу в себя под душем. Потом я снова устаиваюсь на диване, а Аля продолжает убираться.

— Олег, ты бы не мог помочь развесить постельное белье на сушилке? — замирает передо мной с тазиком.

— Аля... — Я бы хотел, чтобы она не подходила ко мне какое-то время. Мне очень стыдно за случившееся, я себя ненавижу за то, что так жалок и заставляю ее беспокоиться. Хочу забыть о своей слабости, мечтаю, чтобы ничего этого не было. Молю, чтобы она не трогала меня.

— Мне просто так лень, — капризничает. — Пожалуйста. Я ненавижу развешивать белье. Вот не поверишь, я лучше перемою три тонны посуды, вычищу пол в подъезде, но не буду развешивать выстиранное.

Скептически хмурюсь, смотрю на нее:

— Правда? Ты никогда не говорила.

— Ну, я старалась показаться идеальной хозяйкой, — подмигивает. — Меня даже трясет от перспективы, что придется это сделать. Пожалуйста, Олееееег!

Смотрит очень жалобно, морщит лоб, поджимает губки.

— Хорошо, — поднимаюсь и подхожу, беру из ее рук тазик с горой белья. Чувствую частые покалывания на коже затекших ног и рук, обычное после обморочное состояние.

— Спасибо, — целует меня и убегает в ванную закладывать новую стирку.

Какая же она глупенькая все-таки у меня. Не может развесить белье на сушилке. Это же такая мелочь, — ухмыляюсь я, занимаясь, чем попросили.

— Готово! — Возвращаю ей пустой тазик. Она прыгает от счастья, глаза горят,

обнимает меня за шею:

— Спасибо, большое спасибо! Ты себе не представляешь, как я рада, что ты живешь со мной, и не вздумай меня за это высмеивать, — грозит пальцем и подмигивает.

Пару минут обдумываю услышанное, хожу по залу вокруг дивана, потом захожу в спальню, где она вытирает пыль:

— Аль, — говорю, — а давай я теперь всегда буду развешивать белье?

— Это было бы шикарно. Колоссальное облегчение, — хлопает в ладоши. И я понимаю, что мне безумно нравится быть таким важным и необходимым ей в бытовых делах. Нравится быть полезным. Бесы, обитающие в моей голове, это так приятно, когда тебя хвалят.

— Аль, — снова захожу в спальню через какое-то время, — а что тебе еще не нравится делать по дому? — спрашиваю.

До Алиных родителей можно добраться либо за рулем в течение четырех часов, либо за восемь, если путешествовать поездом.

Мы едем на машине.

Аля в полный голос подпевает Кети Перри. Вернее, частенько перекрикивает девушку; у певицы нет никаких шансов — у моей Али кнопки переключения громкости, чем она и нагло пользуется.

Я сижу рядом, рассматривая стены леса, примыкающие с двух сторон к трассе. Едем мы быстро, деревья мелькают, сливаясь, если расслабить зрение, в однородный коричнево-зеленый фон, изредка разбавленный указателями и прочими знаками дорожного движения. Над головой безоблачное голубое небо, позади пыльный раскаленный город, впереди — ужин в кругу семьи.

Алины родители предприниматели, у них сеть мелких продуктовых магазинчиков по всему поселку. Как я понял, бизнес прибыльный, но очень пыльный, поэтому Алины отец с матерью постарались сделать все, чтобы дать дочери блестящее образование в большом городе, статус офисного работника, если повезет — руководителя. Повезло. Или же, что вероятнее, не повезло.

— Не волнуйся, — говорит Аля, — они хорошие.

Пожимаю плечами, отвечаю:

— Я и не думал.

— И не обижайся на них, если что. Ну, ты понимаешь.

— Аля, я никогда ни на кого не обижаюсь.

— Им очень хочется с тобой познакомиться. Понимаешь, Дима, он... у него никогда не было времени на подобную поездку. Ну, или он просто не хотел.

— Что вероятнее.

— Ты обижаешься?

— Нет, с какой стати?

Всего лишь готовлюсь к очередной выставке.

Рассматривают нас придирчиво, после чего Алин отец, Константин Петрович, говорит, обнимая дочь и протягивая мне руку:

— Ну, наконец-то ты поправилась! Хоть на человека стала похожа.

Я пожимаю ему руку и на мгновение прикрываю глаза, понимая, что для кое-кого вечер испорчен. Но, кажется, нет. Аля берет себя в руки, даже улыбается:

— Это меня Олег откармливает. — Ощущение, что она хвастается мной.

Константин Петрович и Светлана Афанасьевна не могут не нравиться. Два позитивных, крайне милых человека, умудрившихся сохранить любовь и семейное счастье на протяжении тридцати пяти лет. Мне даже кажется, они похожи между собой — примерно одного роста, голубоглазые, русоволосые, седину видно только у моего тестя, видимо, теща красит волосы.

Живут родители Али в большом частном доме, позади которого расположен сад и огород. В саду я мимолетно замечаю поспевающие ягоды вишни, а в огороде — высокие кусты картофеля.

Дом оказался просторным и уютным, видно, что совсем недавно здесь делали ремонт. Стены поклеены однотонными обоями, в комнатах расставлена со вкусом подобранная светлая мебель, если я не ошибаюсь, цвет называется «дуб». В принципе, мне здесь нравится. Родители Али далеко не бедные люди, это становится заметно, стоит лишь переступить порог их жилища, но без лишнего пафоса. Техника, мебель, — все вещи в доме дорогие, качественные. Аля говорила, что родители купили ей квартиру на двадцатипятилетие, сами же они не хотят переезжать в город, занимаются огородом и садом в свое удовольствие. Ее отец варит очень вкусное тыквенное варенье, без зазрения совести выдавая его за персиковое. Аля сказала, что отличить практически невозможно.

Оглядывая грядки из окна просторной кухни, не могу не отметить педантичность родственников своей девушки. Излишнюю аккуратность. Не заметно ни одного сорняка, ни одной бесполезной травинки. Грядки прямоугольные, идеально ровные. На кустах помидоров висят крупные зеленые плоды.

За обеденным столом разговор заходит о том, как мы с Алей познакомились. Аля в красках описывает мой подвиг у бассейна, я ее не перебиваю, хотя мне и не привычно, когда так много говорят обо мне в моем присутствии. Обычно окружающие из кожи вон лезут, чтобы сделать вид, что я и моя болезнь их не интересует. Родители Али часто переглядываются, поджимают губы, им не нравится, что я ниже их дочери по должности, им не нравится, что я меньше нее зарабатываю, что живу у нее — вернее, что мне больше негде жить. Им не нравится, что я шизофреник. Но, несмотря на это, ведут себя тактично. За весь день не было произнесено ни одного лишнего вопроса или случайной фразы, которая могла бы меня обидеть. Кажется, они смущаются даже больше меня.

— Душевноутонченный, — в одну из повисших за столом пауз помогаю я подобрать определение моего недуга. Смотрят в нерешительности. — Человек, обладающий особой чувствительностью, — киваю я, продолжая есть. Кстати, ужин оказался вкусным, не помню, когда в последний раз я ел так много.

Показываю Але знак, что хватит обо мне, после чего она переводит тему в менее опасное русло. Теперь ко мне обращаются редко, и это очень устраивает, даже более чем. Я в основном молчу, слушая, как Светлана Афанасьевна с Алей захлеб обсуждают людей, которых я не знаю, а Константин Петрович изредка вставляет пару слов.

— Пойду отдохнуть, — говорю Але после небольшой прогулки по городу в компании ее родителей.

— Тогда пойдем все вместе домой, — отвечает. — Не хочу, чтобы ты разгуливал по незнакомым улицам в одиночестве. Как тебе моя малая родина, кстати? — смеется.

Мы движемся в сторону дома, родители чуть отстали, идут позади, разговаривают с какой-то женщиной, кажется, их родственницей.

— Очень уютно, — отвечаю. На самом деле я плохо запомнил достопримечательности. Вообще особо не смотрел по сторонам, изредка кивая на истории о казусах из детства Али,

которые случались то тут, то там. Девушка про каждый метр пути могла рассказать что-то забавное.

Жаль, что я практически не слушал. Чувствовал лишь тяжесть в голове, безумно хотелось спать. Все-таки я продолжаю принимать лекарства, от которых недавно стало дурно. Ничего лучше, продающееся без рецепта, найти не удалось, а без них я стал совсем плохо спать, что приводит к рассеянности, ошибкам на работе.

Аля провожает меня в комнату на втором этаже, помогает постелить кровать, после чего спускается к родителям, пожелав мне сладких снов и обещая скоро вернуться.

Весь день рулила она, но устал именно я. Что ж, спать — так спать. Раздеваюсь, выключаю свет, отмечая Алины детские фотографии на комодке. Мне хочется их рассмотреть внимательнее, но я вынужден отложить это занятие на завтрашний день, присаживаюсь на постель. Впервые за день я могу позволить себе расслабиться, и меня тут же, как по команде, начинает трясти. Причем не так, как от холода, например, а крупной прерывистой дрожью. Нервно вздрагиваю, потом на четверть минуты становится легче. И снова. И снова.

Достаю успокоительные. Делаю это неудачно, именно в тот момент, когда трясет. Таблетка падает. Наклоняюсь, ползаю по полу, некоторое время пытаюсь ее найти — не получается. Достаю другую. Ложусь на кровать — мир переворачивается. Кажется, что я лежу на кровати, прибитой к потолку и вот-вот упаду на пол. Ну, с потолка упаду. Двумя руками держусь за спинку кровати несколько минут, потом понимаю, что я не сумасшедший, и не могу лежать на потолке. Просто мне снова стало дурно. Сажусь и подпираю кулаками виски. Сдавливаю череп. Картинка перед глазами мерцает, поэтому я опускаю веки, закручиваюсь в пьяной карусели.

Надеюсь, сейчас никто не зайдет в комнату и не увидит меня в таком состоянии.

Стараюсь быть сильным ради Али. Для Али. Я обязан, и хочу поддерживать ее. Понимаю, что стал нервничать в последнее время, слишком много стараться. Я пытаюсь форсировать возвращение в реальный мир, все происходит слишком быстро, но иначе не получается. Она испытывает неловкость, если я говорю с Эм или Эмилем, даже по-испански... особенно, если по-испански. Люди оборачиваются, ей становится стыдно. И мне становится стыдно. Поэтому больше этих двоих в наших жизнях никогда не будет. Сейчас я даже думаю, что зря их придумал.

Переживаю за Алю, поэтому плохо сплю, не отдохнувший как следует мозг соображает медленнее, чем обычно, а в моем положении — это недопустимо. В таком состоянии у меня не получается заботиться об Але так, как необходимо. Если я уделяю ей меньше времени, ей становится хуже, это видно сразу. Она нервничает, у нее идет кровь, что с каждым днем пугает меня все больше. Если Але хуже — я еще больше переживаю, поэтому совсем не могу спать, забываю еще больше информации, ошибаюсь на работе, отчего Аля переживает за меня, ей становится хуже...

Тру глаза.

Бесы в моей голове, как выбраться из этого гребанного замкнутого круга? Я не планировал влюбляться, не хотел так быстро менять себя. Не планировал больше в жизни за кого-то переживать.

Спать Аля приходит поздно вечером, все это время она разговаривала с родителями и их друзьями. Кажется, она расстроена. Отворачивается от меня.

Чувствую, как мне становится хуже.

Следующим днем мы идем к кому-то в гости. Я в основном молчу, как обычно не

привлекаю к себе внимания. Аля выглядит разбитой, словно она, как и я, не спала сегодня.

Понимаю, что хочу уехать домой, мне здесь плохо. И ей здесь плохо, что намного важнее.

Идем по главной улице поселка мимо рынка. Вокруг десятки натянуто-улыбающихся людей, сжимающих в руках пакеты с покупками. Их лица напоминают клоунские физиономии, не покидает чувство, что вокруг меня разыгрывается неудачная театральная постановка, что у всех этих людей большие проблемы, но, несмотря на это, они улыбаются, надеясь получить неплохой гонорар. Бесы, они все что, наглотались антидепрессантов? В их жизнях происходит черт знает что, а они радуются, покупая тряпки на распродажах! В любом случае, меня это не касается, мне нужно дотянуть до вечера, когда я окажусь в темноте и тишине комнаты на втором этаже дома Алиных родителей, а потом, как проснемся, мы поедем домой.

Улица кажется бесконечной. К моему огромному сожалению, из-за отличной погоды мы решили прогуляться, а не ехать на машине. Лучше бы я сидел, чем шел. Интересно, чем сейчас занимались бы Эм с Эмилем, если бы существовали? Ловлю себя на мысли, что я не придумал им занятия на эти выходные. Следовательно, сегодня эти двое не существуют даже в моем воображении. Не покидает чувство, что я их медленно убиваю.

Аля в сторону родителей смотрит редко, на мой вопрос «все в порядке?», отвечает «конечно», тему продолжать не хочет. Подходим к светофору.

— Олег, не ты потерял? — Отец Али, Константин Петрович, поднимает с земли телефон и притягивает мне.

— Нет, не я, — хлопаю себя по карману.

Мы начинаем оглядываться в поисках хозяина трубки, им, а точнее ей, оказывается девочка лет тринадцати.

— Огромное вам спасибо! Это уже третий телефон в этом году, меня бы дома убили! — радуется ребенок. Она обращается ко мне, но я киваю на Константина Петровича, показывая, кто сегодня герой. Девочка выглядит такой счастливой, что мы тоже не можем сдержать улыбок. Помимо нас с Алиной семьей она кажется единственным реальным человеком на этой улице. Я оглядываюсь по сторонам, хочется скорее рассказать Але об этом забавном случае, и вижу, как они с матерью перебегают дорогу на красный цвет светофора. Одна из машин тормозит, яростно сигналив, водитель появляется из окна и злостно ругается, но я не слышу, что он говорит.

Не обращая никакого внимания на идущих навстречу людей, делаю несколько шагов в сторону, подхожу к дороге.

— Смотри куда идешь! — возмущается налетевшая на меня актриса.

Какая еще актриса? Боже, мне действительно становится хуже.

Яростно тру глаза.

Мне дурно.

Картинка перед глазами расплывается, резко меняется, становясь черно-белой. Ощущение, будто я куда-то лечу, напрягаю мышцы рук и ног, чтобы не упасть. Лечу или падаю. Ощущаю себя, но это уже не я... вернее я, но в прошлом.

Я вижу Алину на противоположной стороне дороги. Не Алю, а Алину. Вижу, как она машет мне. Нервничаю, так как мы опаздываем в гости, показываю ей знаками, как сильно недоволен ее халатным отношением. Она невинно пожимает плечами. Нас разделяет две полосы встречного движения. Светофор очень долгий, мы ждем. Я еще больше злюсь, хожу

из стороны в сторону. Светофор горит красным. Махаю рукой, понимая, что уже точно опоздал, а встреча была для меня очень важной. Бесы, я даже не могу вспомнить, с кем именно у меня была встреча. Укоризненно качаю головой. Делаю все, чтобы Алине стало стыдно. Она достает косметичку и красит губы. Чертова идиотка, она думает о макияже, пока я от бешенства рву на себе волосы!

Резко поворачиваюсь спиной к ней и ухожу, сжимая кулаки от злости, но вдруг слышу позади себя визг трения шин об асфальт, крики. И ее крик. Оборачиваюсь и вижу Алину, но уже лежащую на асфальте. Она подумала, что я обиделся, она побежала меня догонять, надеясь, что успеет проскочить.

В момент я подбегаю к Але и дергаю ее за руку:

— Ты совсем рехнулась? — кричу. — Ты понимаешь, мать твою, что делаешь?

Она пробует отойти, но я не пускаю.

— Олег, мне больно, на нас смотрят, — пытается меня успокоить, поглядывая по сторонам, но я не обращаю внимания.

Я вижу перед собой аварию. Лужу крови, бледное изломанное тело.

— Если у тебя не хватает мозгов запомнить, на какой цвет светофора следует переходить дорогу, то будешь всегда ходить со мной за руку! — кричу. — Ты себе представляешь силу удара даже на сорока километрах в час? Когда ты начнешь думать головой? — истошно кричу.

— Олег, милый, все в порядке, — говорит быстро, ласково. Проводит рукой по щеке, успокаивая, но я отворачиваюсь. Снова дергаю ее за запястье, в которое вцепился мертвым хватом. Мне кажется, если отпущу — Али не станет, и я навсегда потеряю ее.

— Олег, прости меня, пожалуйста, — заглядывает в глаза. — Я не подумала.

— Ты не подумала! — ору я на всю улицу. — Как мне заставить тебя думать о таких вещах?!

— Я теперь всегда буду думать, клянусь тебе. Олег, родной, честное слово. Больше такого не повторится. Я всегда буду переходить только на зеленый, и смотреть по сторонам.

Она меня обнимает, прижимается. Я быстро ощупываю ее тело, проверяя, нет ли травм, хотя и понимаю, что им взяться неоткуда. Просто мне так спокойнее.

— У вас все в порядке? — Рядом с нами замерли ее родители.

— Да, — говорит Аля. Я прячу лицо в ее волосах, радуясь, что она живая и здоровая.

До родственников Али мы идем быстрым шагом, я держу ее за руку, она меня гладит по плечу, иногда шепчет что-то нежное. Хочу принять успокоительные, но понимаю, что это будет уже четвертая таблетка за день, при норме две за сутки, а еще даже не обед.

А потом я понимаю, что устроил сцену посреди улицы, на глазах у ее родителей. Бесы.

Сажу за столом, молчу, ни с кем не разговариваю. Смотрю на синяки на запястье Али от моего захвата. Перевожу взгляд на часы, мечтая скорее оказаться дома.

В психбольнице, во время тестов, всегда спрашивают какой сегодня день недели, какое число. Какая по счету моя кровать от двери, если считать слева-направо. А если справа-налево? Что я ел на завтрак. Если отвечаешь на все вопросы, могут попросить рассказать теорему Пифагора, законы Ньютона. Необходимый минимум знаний здорового человека.

Далеко не всем удавалось ответить на столь каверзные вопросы. Я провалил тесты раз двадцать.

Если бы меня спросили сейчас, какой сегодня день недели, месяц, год — я бы не ответил.

Сию и нервно вздрагиваю, периодически заверяя Алю, что со мной все в порядке.

Пытаюсь быть сильным мужчиной. Для нее.

Пялюсь на светло-фиолетовые стены. Иногда они становятся бледно зелеными, иногда розоватыми. Надеюсь, что это из-за освещения. Вокруг много людей, но у меня не получается сфокусировать взгляд ни на одном лице. Мне определенно не идет новое лекарство.

Очень сильно хочется спать.

— А это правда, — спрашивает меня девочка-подросток, вдруг появившаяся рядом, — что вы совершали самоубийства?

Вижу два карих блюдца ее глаз, смотрящих на меня в диком восхищении. Позади нее стоят еще три девочки и два юноши, всем на вид около пятнадцати.

— Довольно неудачные, как видишь, — отвечаю, слегка улыбаясь. Пью воду из стакана, становится чуть легче.

— А расскажите, как это, — они уже сидят вокруг меня, подперев ладонями подбородки, глаза горят, рты от нетерпения и предвкушения запретных знаний приоткрыты.

— Я думал, — говорю, — что принадлежать к субкультуре «Эмо» уже не модно.

— Вы наш кумир, — уверенно заверяет одна из девочек. — Когда тетя Света рассказала о новом женихе Али, мы пришли в полный восторг! Совершить подобное может только очень сильный человек, — переглядываются в поисках поддержки, кивают друг другу. Кажется, они говорят искренне.

— Напротив, — отвечаю, — сильные люди остаются на земле, они сражаются. А слабые — сдаются, сбегают от проблем. Чтобы покончить с собой много ума не надо.

— Я пыталась несколько раз, — шепчет девочка с волосами, окрашенными в седой цвет. Она одета во все черное, отмечаю кожаный шипованный напульсник на запястье, наверное, представительница субкультуры «Готов». — Но пока не смогла довести дело до конца. — Снимает его, чтобы показать запястье, где есть тоненькая полоска — шрам, как от пореза во время подготовки обеда. Кажется, она хвастается. Все заглядывают мне в глаза в ожидании похвалы.

Ну что ж. Показываю им свои запястья с грубыми белыми шрамами.

— Вау! — восклицают детки.

— А расскажите как это, умирать, — мечтательно спрашивает девочка с седыми волосами.

— Правда, что вся жизнь проносится перед глазами?

— Не правда, — одергивает юноша, — это все вранье. Просто душа покидает тело. Вы же видели свое тело со стороны?

— А свет в конце туннеля?

— Ну, — смеюсь, — думаю, самоубийцы свет в конце туннеля не увидят. По крайней мере, я не видел.

— А что вы видели? — пододвигаются ближе.

— Ничего, просто темно, — отвечаю. Дети разочарованно вздыхают.

— Резать вены слишком больно, — говорит кареглазая девочка. — Я бы лучше отравилась. Это очень красивая, быстрая смерть. Ты выглядишь как живая, как будто бы спишь, просто мертвая.

— Вообще-то, — говорю, — не совсем так. Рассчитать смертельную дозировку лекарств практически невозможно. Думаю, не каждый врач сможет составить себе идеальный яд для

быстрой смерти. В любом случае, организм борется до последнего. Когда отравы попадает внутрь, сразу же начинается сильнейшая рвота. Режущая, нестерпимая боль в желудке и рвота. Какая бы поза не была запланирована для смерти, человек в момент оказывается на четвереньках. Если повезет, он успевает добежать до унитаза, мне не повезло. И вот ты плачешь от невыносимой боли, не в силах справиться со спазмами. Тошнит не переставая. Но отравы уже попадает в кровь и разносится по органам. Голова кружится, клетки мозга гибнут, отчего болит затылок и виски. В ушах стреляет. В глазах то темнеет, то светлеет, появляются разноцветные пятна. Контролировать тело практически невозможно. Снова и снова падаешь на пол. Голова такая тяжелая, что шея не справляется, приходится поддерживать руками. Все это время продолжает тошнить. И единственная мысль — не захлебнуться, не упасть и не задохнуться в собственных рвотных массах. А сил уже нет. Падаешь, поднимаешься, снова падаешь, снова поднимаешься... И тут, вдруг, появляется сумасшедшее, неудержимое желание жить. Думаю, это срабатывают инстинкты. Не получается просто расслабиться и отключиться, ты барахтаешься, скользишь, приводишь себя в чувства, зовешь на помощь. Борешься, цепляешься за этот мир до последнего. А потом, если повезет, или не повезет, тебя находят в омерзительном состоянии и откачивают. Несколько дней жуткие боли в животе, трубки во рту, постоянное промывание желудка, а тебя все тошнит и тошнит...

— Достаточно, Олег. — Аля кладет руки мне на плечи. — Думаю, молодежь уже поняла, что травиться не стоит.

Дети, глаза которых, кажется, сейчас вылезут из орбит, медленно кивают и рассасываются по комнате.

— Перегнул, да? — Сжимаю губы. — Воспоминания нахлынули.

— Надеюсь, это несколько их отрезвит. А то Люда жалуется, что чуть что — я покончу с собой. Ультиматумы сплошные.

Домой добираемся на такси, а утром уезжаем. Константин Петрович собирает нам сумку со свежими помидорами и баночкой тыквенно-персикового варенья. Кажется, знакомство с родителями прошло вполне успешно, по крайней мере, никто ни с кем не поссорился.

— Жаль, что не получилось задержаться у родителей еще на день, — говорит мне Аля, когда мы поднимаемся в лифте на работу. — По-хорошему еще недельку бы отдохнуть в тишине и спокойствии. Обожаю бывать у мамы с папой.

— А ты никогда не думала над тем, чтобы вернуться в свой родной поселок?

— Что? — Аля смеется. — Никогда в жизни. Ты что? Бросить карьеру? Да я лучше умру! — договаривает уже по пути к своему кабинету.

— Нина, доброе утро. Сергей уже в офисе?

— Доброе утро. Насколько мне известно, начальства пока нет.

— Передай ему, как появится, что я жажду с ним встречи. Мне написали москвичи, в пятницу они будут у нас.

— Ура! Поздравляю, Алла Константиновна! — Нина хлопает в ладоши. Наблюдать восхождение на эшафот нет ни сил, ни желания, я молча направляюсь в свой кабинет.

Следующие несколько дней мне кажется, что я снова стал одиноким. Круглые сутки предоставлен самому себе, и даже ночью не имею возможности привлечь ее внимание. Аля работает. Впереди маячит грандиозный проект, фантастический шанс, бешеные деньги.

Успешные врачи, а я собирался стать именно успешным врачом, зарабатывают неплохо, знаю по своим родителям. Но суммы, которые называет мне Аля, не идут ни в какое сравнение даже с годовой заработной платой специалиста в области медицины.

— Если наша компания получит этот заказ, мы взлетим на новый уровень, понимаешь? — взхлеб рассказывает она мне. — Олег, после этого договора в наших жизнях все изменится!

В чем, в чем, а в этом я не сомневаюсь.

«Олег, не мешай, я занята».

«Олег, еще час и поедем домой, подожди немного».

«Олег, ты можешь поставить себя на мое место? Потерпи, скоро все станет по-прежнему».

Ну и я терплю, а что мне остается делать?

К лекарствам я, кажется, адаптировался. По крайней мере, многие побочные эффекты прошли. Или я к ним привык и перестал замечать, не знаю. Во всяком случае, после поездки к родителям Али хуже мне не стало.

К презентации готовимся всем офисом. Уборщики отдраили помещение, вымыли окна. Руководство закупило в переговорную новое оборудование и удобные мягкие кресла, Нине полностью обновили компьютер, докупили канцелярских принадлежностей. Народ вырядился чуть ли не в смокинги и бальные платья. Цирк. После того как утром я решил неудачно пошутить над всем этим ажиотажем, Аля запретила мне одеваться как обычно, пришлось тоже надеть брюки со стрелками и белую рубашку, что сразу испортило настроение.

Хотя, когда я смотрю на мою девочку, настроение поднимается моментально. Поднимается и оттопыривает штаны, насколько только возможно.

Новый костюм невероятно идет Але, в нем она кажется еще более хрупкой и женственной. Облегающие, чуть зауженные к низу брюки стройнят ее не хуже привычных узких юбок, пиджак подчеркивает тонкость талии, дополняет образ кофта в цвет. Я бы подписал любой договор, лишь бы только работать с этой девушкой. Свои мысли решил озвучить вслух, за что Аля очень тепло поблагодарила за поддержку. Она нервничает, несмотря на полную готовность к презентации. Сергей страшно боится упустить новых клиентов, поэтому усиленно давит на Алю, сваливая на нее ответственность за предстоящую встречу, это не может не чувствоваться.

В день икс поведение Сергея хоть и было крайне предсказуемым, все равно заставляет врасплох.

Москвичи, в количестве семи человек, вальяжно расхаживают по приемной, а наш директор, как мальчик на побегушках, носился вокруг них, предлагая то чай, то кофе, то воду, спрашивая, как они долетели, не твердые ли были кресла в салоне самолета, не жесткой ли туалетная бумага в отеле.

Наши гости оказались мужчинами за пятьдесят-шестьдесят. Полные, неприятные на вид, но, судя по глазам, самоуверенные и считающие, что мир принадлежит только им. Вероятно, я преувеличиваю, и к нам приехали совершенно обычные люди, просто мне с самого начала не понравилась эта сделка, поэтому не пришли по нраву и ее участники.

Сергей и несколько его помощников, запыхавшихся в попытке угодить, лишь подтверждают впечатление.

Я уже давно закончил готовить к презентации переговорную, поэтому сейчас сижу в

своем кабинете, через опущенные жалюзи наблюдаю за гостями.

— Они идут к нам! — восклицает залетевший в кабинет Александр, мой прямой руководитель. Бросается к своему компьютеру, молниеносно набирает пароль, приглаживает волосы, открывает свернутую страницу браузера и принимается закрывать вкладки со страницами форумов и прочей информацией, не относящейся к работе.

— Думаешь, они будут проверять, чем ты занимаешься? — спрашиваю, скептически приподнимая брови.

— Ты лучше молчи, — говорит мне. — Олег, ты хороший парень, но чтобы не спросили — ты молчи. А то ляпнешь еще что-нибудь.

Голос Сергея за дверью становится громче, кажется, он специально нас предупреждает о том, что скоро зайдет, вероятно, чтобы мы успели прекратить неприличные, порочащие лицо компании дела, которыми якобы занимаемся. Ну и бред. Итак, дверь в наш небольшой, более чем скромный кабинет открывается. Александр, вечно сутулившийся, худой, но жилистый мужчина около тридцати лет, резко выпрямляется на стуле, я и не подозревал, что он умеет сидеть настолько прямо. Его губы расползаются в широчайшей улыбке коммивояжера, обнаруженного на пороге вашего дома воскресным утром, с целью предложить купить косметику с большой скидкой. Александр косится на меня, показывая знаки, что надо улыбаться. Я пытаюсь, честное слово.

— А это кабинет системных администраторов, бессменных лекарей основных трудяг нашей компании. Железных, разумеется, — подмигивая, представляет нас Сергей. Мне одному кажется, что сравнение выглядит более чем убого? — Александр и Олег.

Помимо гостей в кабинет заходят Аля, Нина с подносом, на котором стоят бутылки с минералкой и лежит шоколад, ну и сам Сергей, разумеется. В и без того небольшом кабинете становится тяжело дышать. Мне кажется, что это лучший момент, для того, чтобы попросить добавить нам несколько квадратных метров и поставить кулер, но я продолжаю молчать. Смотрю на пол в поисках красной ковровой дорожки, не нахожу, слава моим бесам.

Один из мужчин, как я понял, самый главный, делает шаг вперед, смотрит на меня. Он очень крупный, хоть и невысокий, с огромным пивным животом. Глаза — узкие щелки, полные губы расползаются в улыбке, открывая вид на идеально-ровные зубы.

— А, это тот самый Олег? — спрашивает он, упираясь рукой о мой стол. Киваю, так как в любом случае, я единственный работник в компании с этим именем, но обращаются, по-видимому, не ко мне. Отвечает Сергей, который, кажется, нервничает. Закатывает рукава пиджака, тут же раскатывает обратно, мнетя на месте:

— Да, это он.

Некоторое время присутствующие пялятся на меня, а я на них.

— Знаете, при всем моем уважении, но мы бы не хотели сотрудничать с компанией, где столь ответственную должность занимает ненадежный человек, — говорит гость низким голосом, стараясь поддерживать дружелюбные интонации.

— Я с вами полностью согласен... — начинает Сергей, но гость его перебивает:

— Думаю, что это прекрасно, если вы, а, значит, теперь и мы, помогаем людям с проблемами такого плана, но, понимаете... — делает паузу.

— Конечно, сегодня же мы его уволим! — горячо заверяет Сергей.

— Нет, что вы, Сергей Игоревич. Ни в коем случае. Я думаю, что Олегу больше бы подошла должность в отделе клининга. Ему бы самому стало легче. Меньше нервов, напряжений от высокой ответственности.

— Нина, немедленно подготовь приказ о переводе.

— А почему вы все говорите так, как будто меня здесь нет? — подаю я голос. Говорю нейтрально, но тут же натываюсь на яростный взгляд Сергея, сопровождающийся резкими жестами недвусмысленно предлагающими заткнуться.

— Сынок, скажи, тебе нравится работать в этой компании? Тебе удобно здесь? — нарочито дружелюбно обращается ко мне гость. Таким же тоном мой отец разговаривает с младшим из детей Кати, которому три года.

— Хм, — выдавливаю из себя, — меня все устраивает, — вижу знаки Сергея и добавляю: — спасибо, что спросили.

— Вот и славно, — он треплет меня по голове, я уклоняюсь.

— А теперь мне, наконец, покажут кабинет святая святых — отдела разработки? — спрашивает гость, после чего они все уходят. Аля на меня не смотрит. Нина, которая покидает комнату последней, пожимает плечами, словно извиняясь.

Кажется, меня только что переквалифицировали в уборщики.

Жду Алю до последнего. На часах почти два, я отчаянно борюсь со сном на привычном месте в углу приемной. Голоса из переговорной не утихают ни на минуту. Да сколько можно мусолить одну и ту же тему!? За день, помимо основной работы, я успел очистить свой компьютер от личной информации, подготовить документы и памятки для нового сотрудника. И даже кое-где наклеил стикеры. В общем, издевался над собой как мог. А Али всё нет.

Когда полчаса назад я попытался заглянуть в кабинет, чтобы спросить долго ещё будет сие собрание мирового значения, она мне махнула выйти, а потом написала смс: «не мешай, они у нас на крючке».

Больше я не мешал, сидел тихо, ждал.

Но как же долго, бесы!

Хорошо, что не принял успокоительные, а то уснул бы прямо на столе.

Бесконечное ожидание, усталость от столкновения с новым проявлением несправедливости давили. Вот так, за одну минуту я, проработавший здесь больше года, потерял место, потому что не понравился новому клиенту.

Представляю себе лица наших сотрудников, когда их бывший сисадмин начнет наравне с уборщицами гонять со шваброй по кабинетам. Унизительно. Так не пойдет. Придется искать другую работу. Но какую? Кто меня еще может взять с моей справкой? Если только пойти убираться в другую организацию. Родители Али меня точно возненавидят. Как же хочется вернуть то чувство, которое не покидало после выхода из больницы, а именно — безразличие ко всему миру. На душе было легко и спокойно. От меня никто ничего не ждал, это была настоящая свобода, сродни той, что испытывают живущие на улице бродяги. Сейчас из-за Алечки все иначе. Мне обязательно нужно что-то придумать. Ради нее. Ради нас.

Двери открываются, и гости высыпают в приемную. Я, как обычно, подрываюсь с места, но подходить не спешу.

— Алла Константиновна, вы просто чудо. Шикарная презентация, — моей Але целуют ручки. — Мы еще никогда не имели чести работать со столь компетентной и приятной женщиной, — говорит один из мужчин. Раскрасневшийся от удовольствия Сергей стоит чуть позади.

— Вы меня смущаете, — говорит Аля, оглядываясь.

— Только мы совершенно бессовестно вас с Сергеем задержали! Вы уж простите нас, дотошных. Мы просто обязаны доставить вас до дома в целости и сохранности. У нас два лимузина.

— Нет, спасибо, я за рулем, — говорит Аля, мягко забирая руку.

— Вы очень устали, я категорически настаиваю, чтобы вы приняли наше предложение. Мы вам компанию составить, увы, не сможем, сразу поедем в гостиницу, но вторая машина полностью в вашем, Алла Константиновна, распоряжении.

Аля в нерешительности смотрит на меня, потом на Сергея, который качает головой, дескать, не вздумай проговориться, что живешь с ним. Несколько секунд она сомневается, потом вздыхает и говорит:

— Хорошо, спасибо.

— Вот и чудесно.

Они покидают приемную, гася за собой свет. Я остаюсь один и в темноте.

Я на нее не обижаюсь. Отметаю даже мысль о возможности подобного, которая возникает во время анализа случившегося инцидента.

Аля поступила именно так, как требовал от нее здравый смысл. Все в порядке.

Я иду по ночному городу, руки в карманах куртки, смотрю на асфальт перед собой, другими словами, куда иду — не вижу.

Нет, разумеется, я не обижаюсь. И телефон я выключил не потому, что не хочу слышать ее голос, я всегда рад ее звонкам. Просто, мне нужно побыть одному, подумать.

Происходят слишком резкие перемены в жизни. Утром у меня была работа и женщина. Наверное, я был вполне счастлив.

Холодный осенний ветер покалывает уши и лицо. Чувствую, как закладывает нос, что является предвестником простуды. Чихаю.

Возвращение происходит слишком быстро, чересчур удачно все складывается. Находясь в клинике, я планировал потратить на адаптацию как минимум полтора года. А тут бах! — неплохая должность. Бах! — гражданский брак. Я удачливый сукин сын, однако. Так мне сказал один из врачей, когда я пришел в себя после ударных доз транквилизаторов и умудрился вспомнить, а потом рассказать обо всех ужасах содержания в больнице прокурору.

О том, как в «камере смертников» кровати стояли вплотную друг к другу, врачи не имели возможности подойти к пациенту при необходимости. О том, что некоторые пациенты спали на раскладушках в коридоре, потому что в состоянии рецидива они требовали к себе круглосуточное внимание, особый уход, а коридор, в отличие от палат, легко проглядывался на дальнейшее расстояние. О тумачах, о тухлой пище, которой нас кормили, о воровстве личных вещей из передач родственников.

Это были мои собственные круги ада, через которые я был обязан пройти, чтобы измениться. Чтобы захотеть снова жить.

Ноги сами приводят к «трущобам, в которых невозможно жить». Обычная хрущевка, расположенная в спальном районе, каких в нашем городе сотни. В окнах моей бывшей квартиры горит свет. Счастливики.

Но спать где-то нужно, поэтому я направляюсь в сторону ближайшей гостиницы. Я бы взял такси, но наличных у меня нет, а по пути, как назло, ни одного рабочего банкомата.

Перед уходом домой Нина зашла в мой уже теперь бывший кабинет и сказала, чтобы я

пару дней не появлялся на работе. Не маячил на глазах перед клиентами и Сергеем. Они с Алей собираются попробовать уговорить директора передумать.

Хорошо, что обязательный минимум лекарств у меня всегда с собой, поэтому я засыпаю быстро. Сил нет даже на изложения. Да и кто их теперь будет читать? Почему-то раньше в написании своих мыслей я видел какой-то смысл помимо того, чтобы рассказать о них Але.

Она, кстати, мне не звонила. Я включил сотовый перед сном.

Просьпаюсь поздно — у меня же выходной. Брожу по городу, перекусываю фастфудом и орешками, которые купил в супермаркете.

Аля не звонит, а я не звоню ей. У нас обоюдное молчание. Очень медленно, с трудом шевеля остатками извилин, понимаю, что меня, кажется, бросили.

Сижу на лавочке в парке несколько часов, практически не шевелясь, обдумывая последние месяцы своей жизни. Пытаюсь понять, что именно я сделал не так, почему ее чувства резко изменились. Вероятно, новым клиентам удалось сделать то, что не получилось ни у начальства, ни у друзей Али, ни у наших с ней родителей — донести до девушки весь ужас отношений с психом.

Внутри пусто. Придется в любом случае увольняться, потому что видеть ее каждый день и оставаться беспристрастным не в моих силах.

Разве я могу ее оставить? Как же она без меня?

А, может, я ошибаюсь и у нее все хорошо? Сам придумал ей осложнения от стрессов, почивал таблетками, а девушка абсолютно здорова. Может, мне хотелось думать, что ей нужна помощь? Для того, что было не так мерзко от собственной неполноценности.

Если мы останемся вместе, то вся наша жизнь будет походить на события последней недели. Моя аудитория — детки-эмо, которые еще не поняли, что жить чудесно, а умирать страшно. Мои друзья... хм. Никто из моих друзей не стремится со мной общаться, правда, я тоже не стремлюсь, но это же понятно почему. Практически у всех семьи, дети. Я непредсказуем, могу быть опасен. Я не хочу ставить кого бы то ни было в неудобное положение. Аля всегда будет тянуться к здоровым людям, к нормальному общению.

Нужно взять себя в руки, чтобы не поехала крыша. Не допустить рецидива.

Когда я планировал свою реабилитацию, и мысли не допускал об отношениях с женщиной.

Так или иначе, но я еду к ней домой на автобусе. Мне необходимы лекарства и дневники. Хотя бы последний. Думаю, остальные вещи можно будет забрать позже. Просто мне жизненно необходимо почитать изложения, чтобы лучше проанализировать последние события.

Кажется, мне становится хуже.

Я должен еще раз поразмыслить над ситуацией, чтобы окончательно понять, что у нее все будет хорошо без меня.

Аля выходит меня встречать в прихожую, молчит. Выглядит грустной. Кажется, ей неприятно мое присутствие. Борюсь с желанием убежать немедленно, прохожу в спальню.

Тут так чудесно пахнет. Свежестью, цитрусовыми и ей. Мне кажется, ее нежный, и в то же время сводящий с ума, мгновенно возбуждающий запах повсюду.

Хочется прихватить с собой что-нибудь из ее вещей, чтобы нюхать перед сном, но она за мной наблюдает, и я этого не делаю.

Она молчит, и я молчу. Не хочу быть ей в тягость.

— Поздравляю с успешной презентацией, — не выдерживаю. Просто хочу услышать ее голос. Она отворачивается и выходит из комнаты. Кажется, я ее чем-то обидел.

Беру пакет из тумбочки, складываю туда необходимый минимум одежды, аптечку и свой последний ежедневник, — самые важные на данный момент предметы. Наверное, она хочет, чтобы я скорее освободил ее квартиру, но у меня нет моральных сил заниматься этим прямо сейчас. Может, она сама выбросит остальные вещи?

На минуту замираю, рассматривая нашу... ее кровать, после чего иду к входной двери. Наверное, нужно что-то сказать, поблагодарить ее за это время, за ее внимание. Сказать, что я люблю ее. Возможно, следует попытаться поговорить.

Но она молчит, и я молчу

Я уже подхожу к цели, как она меня обгоняет, встает перед входной дверью, широко расставляя руки и ноги, кричит:

— Не пущу! Слышишь? Я тебя никуда не пущу! — кричит громко, до хрипоты, слезы брызгают из глаз. — Олег, не уходи, не бросай меня, я умоляю, я все сделаю. Прости меня, только не бросай!

— Аля, я...

— Не пущу! — кричит, и я не узнаю ее звенящий голос, переходящий на визг. Рыдает. Бесы. Я делаю шаг к ней, хочу ее успокоить, но она кричит: — Нет! Не пущу тебя! — Она думает, что я хочу уйти, но как же мне подойти к ней, если она стоит на пути к двери?! Медленно опускаю пакет на пол.

— Я никуда не уйду, Аля. Не собирался даже, — держу руки перед собой, как обычно, пытаюсь ее успокоить. Сердце колотится, мысли в хаотичном порядке проносятся в голове, пытаюсь придумать, как сейчас поступить, чтобы не навредить ей. Понимаю, что она не владеет собой.

— Не лги мне! — кричит и топает ногами, ее трясет, бесы, у нее истерика. Я полностью теряюсь, так как ни разу не видел ее в таком состоянии. — Ты хочешь бросить меня, оставить одну! — Кровь прыскает из носа. — Я тебя на пущу!

— Алечка, я никуда не уйду от тебя, родная, девочка моя, ты что, иди ко мне, — уговариваю ее, пытаюсь скрыть свой страх за нее. Я развожу руки, приглашая обнять себя, но она мне не верит.

— Ты лжешь! — Указывает на пакет с лекарствами. — Ты собрал вещи и хотел меня бросить!

С этими словами она бросается на колени и обнимает мои ноги, я тут же приседаю, пытаюсь ее поднять, прижать к груди, но она отбивается, дрыгается, трясется, кричит и рыдает, всхлипывая и заикаясь.

— Не уходи, не бросай меня, Олег, я умоляю тебя, — очень жалобно, дрогнувшим голосом.

— Глупышка моя, я собирался выбросить мусор, — говорю нежно, хотя меня самого потряхивает от понимания ситуации. Она в шаге от психоза. — Ты что навдумывала, маленькая?

— Мусор? — Не верит. — Это же твои лекарства.

— Да? — делаю вид, что удивляюсь. — Вот я придурок! Перепутал! Вот видишь, какой я забывчивый. Как я без тебя? — Обнимаю. Наконец, удается прижать ее к себе. — Я без тебя и дня не проживу, да что там, и часа.

— Я тебя сильно обидела, я тобой пренебрегла. Олег, я себя ненавижу, я такая дрянь. Ты

тоже должен ненавидеть меня.

— Ты что такое говоришь, дурочка моя, — крепче прижимаю ее к себе, поднимаюсь и несу в комнату, присаживаюсь с ней на диван, надеюсь, что если мы окажемся подальше от входной двери, ей станет легче.

— Я тебя недостойна. — Рыдает.

— Это же была наша игра. Девочка моя, единственная, самая родная. — Укачиваю ее. — Ты же самый важный человек в моей жизни, я сразу понял, что это такая игра.

— Игра? — переспрашивает, всхлипывая, видит свою кровь на моей рубашке, пугается. Я вижу, как округляются ее глаза, она смотрит на свои испачканные руки.

— Конечно игра, — силком поднимаю подбородок, заставляя смотреть на мое лицо, пытаюсь отвлечь. — Я себя отвратительно вел, заставлял тебя ревновать, уделял тебе мало внимания, вот ты и решила наказать меня, дать понять, что достойна большего. Я все понял и клянусь, что буду внимательнее. Обещаю стараться лучше, прости меня, Алечка.

— Что ты такое говоришь? Ты хотел уйти.

— Да нет же! Даже если бы ты меня выгнала, я бы жил под твоей дверью, — говорю абсолютно серьезным голосом, она хихикает сквозь слезы. — Честное слово, так бы и было. Я от тебя никуда не денусь, хоть ногами выпихивай. — Глажу ее, говорю шепотом и так нежно, как только могу, стараясь скрыть собственное волнение.

— Ты, правда, меня не бросишь? — Продолжает плакать. Вытираю рукой ее слезы и кровь с лица, которая все еще идет, хоть и тише. Она вся перепачкана, не понимает что делает, продолжает нервничать. Чувствует влагу, хочет потрогать нос, но я резко убираю ее руки, прижимаю к себе, целую в макушку:

— Это слезки, малышка. Кровь не твоя, не волнуйся. Я никогда тебя не оставлю. У меня и мысли такой не было.

— Олег, я просто подумала, что... — она развела руками, громко всхлипывая.

— Я с тобой, родная, с тобой моя принцесса, моя маленькая, моя хорошая, — практически напеваю, укачивая ее. — Без тебя меня не будет, ты же знаешь. Больше, — снова вытираю слезы и кровь с ее лица, — больше чтобы такого я от тебя не слышал, а то обижусь.

Она кивает несколько раз с энтузиазмом.

— Олег, я так устала. Смертельно устала. У меня нет сил, я выдохлась, сдулась. Сергей давит, запретил говорить, что я живу с тобой, и я послушалась. Будь проклят этот договор! А потом ты не пришел ночевать, и на работе тебя не было, а я боялась звонить. Так боялась, что ты сбросишь, что будешь недоступен. А больше всего, что не придешь! Мне плохо без тебя.

— Я знаю, маленькая, — шепчу, качаясь вместе с ней вперед-назад.

— На работе требуют от меня результат каждый день. Сергей требует. А я все делаю и делаю, делаю и делаю. Олег, — она снова начинает плакать, — я же тебя предала, из-за работы.

— Еще чего, вот придумала. Ничего ты меня не предала. Забыла? Это была игра. Нашка игра.

Кивает.

— Олег, если ты меня оставишь, я не выживу.

— Знаю, — еле слышно говорю я. Ее сердце колотится, как у новорожденного, она ледяная, трясется. Но, кажется, помаленьку успокаивается, нам получается удержаться, мне

удается удержать ее до того, как она переступит грань.

— Олег, можно, я не пойду завтра на работу?

— Конечно, я все устрою.

— Олег, — плачет, — я хочу родить ребеночка.

— Тогда у тебя будет ребеночек, — убаюкиваю.

— Я хочу от тебя.

— Значит, будет от меня.

— А он не будет болеть?

— Мы научим его жить, не нервничая, он никогда не будет болеть.

— А можно прямо сейчас?

— Нужно, — целую ее в лоб, — только дай мне пару минут отдышаться. — Прижимаю ее к себе, прикрываю глаза, облегченно выдыхая. Неужели мы победили на этот раз? О, Господи, она почти попала в ад, через который пришлось пройти мне. Сколько жизней испорчено из-за ненужных стрессов, неприятностей, о которых через неделю и не вспомнишь. Мы слишком близко принимаем к сердцу вещи, которыми по-хорошему следует пренебречь, проблемы, решения которых у нас перед носом. Нужно лишь протянуть руки. Нет, я ее не отдам, чего бы мне это не стоило. У Али все будет хорошо.

Мы идем в душ, и я помогаю ей умыться, а потом мы любим друг друга без всякой защиты под струями теплой воды. Когда она начала меня ласкать, от предвкушения перспективы почувствовать ее так, закружилась голова. Она все еще не в себе, наверное, мне следовало уложить ее спать, а уже завтра обговорить спонтанную идею, но я слишком боюсь ей перечить, пока она в таком состоянии. Я согласен сделать все, лишь бы она успокоилась, почувствовала себя в безопасности.

— Боже! — выдыхаем мы друг другу в губы, когда я оказываюсь внутри, и скорее, чем моя совесть успевает что-либо прошептать, я начинаю двигаться, улетаю.

— Я буду с тобой, — говорю, понимая, что вот-вот достигну пика, все сильнее ускоряясь.

— Олег, я люблю тебя, — шепчет она. Я кончаю, слушая самые прекрасные слова в мире. Кажется, что она медленно поет мне их в ухо, после чего те эхом еще несколько минут отдаются от стенок как будто бы пустой головы.

III часть

Вот так вот... тихо и не заметно может убежать ТВОЯ крыша (с)

Отрывок 14.2. Балансирующий на грани

Навороченный коммуникатор лежит на кухонном столе черным экраном вниз.

Отхлебнув холодной воды из стакана, я посмотрел на холодильник, раздумывая, съесть ли бутерброд, прежде чем позвонить Нине, или же сначала решить дела, а потом позавтракать. Перевожу взгляд на темно-синий корпус телефона, брезгливо толкаю его пальцем. Теперь я понимаю, что ощущают победители, герои, спасшие жизни людей. Понятия не имею, откуда это чувство, но в тот момент, как я отключил ее сотовый — а это в любой другой ситуации являлось бы сверх наглостью с моей стороны — я понял, что изменил ее жизнь. А еще, что самое главное, я успел это сделать до того, как ей начали звонить с работы.

Аля сладко спит за стенкой, надеюсь, ей снится что-то хорошее. Я плотно задернул шторы в спальне, включил кондиционер, чтобы не было душно, укрыл ее хорошенько, — надеюсь, она проспит еще часа три-четыре.

Я же обещал обо всем позаботиться.

Беру свой телефон, набираю номер Нины.

— Как не выйдет на работу? Какой еще отпуск?! — Нина возмущается так, будто Сергей вчера переписал на нее «ЭД точка ру» и теперь успех компании ее касается в большей степени, чем рядового наемного работника. — Дай мне ее немедленно!

— Нина, мы с Алей берем неделю отпуска. К сожалению, у нас нет возможности заехать в офис, поэтому нужно, чтобы ты прислала на почту образцы заявлений, мы их подпишем и отправим с курьером.

Через полчаса Нина мне перезванивает:

— Сергей говорит, что ты можешь катиться ко всем чертям, а Аллу Константиновну он ждет через полчаса в своем кабинете. Олег, лучше не злите Сергея, он в очень плохом настроении и не понимает подобных шуток.

— Хорошо, как хотите. Тогда Аля берет больничный.

Ну, я же обещал обо всем позаботиться.

Следующей, кому я позвонил, стала моя мама. К тому времени, когда сонная Аля выплыла из спальни, шаркая мягкими тапочками по полу, у нее уже был готов больничный лист на две недели. Аля молча забралась ко мне на колени, обняла за шею и снова опустила ресницы. Я принимаюсь ее укачивать, как вчера вечером, прижимая к себе.

— А сколько сейчас времени? — спрашивает она тихим голосом.

— Понятия не имею. Аль, а когда ты в последний раз была на море?

Уже следующим вечером мы летим с огромной скоростью в комфортабельном «Боинге» напрямик в Египет. Девушка из туристической компании с полуслова поняла, что от нее требуется, и подобрала для нас с Алей уютный отель, находящийся вдали от шумных баров и дискотек. Разумеется, уровень обслуживания был выбран пять звезд и все включено, чтобы не беспокоиться о пустяках. Мы хотели уехать туда, где можно ни о чем не думать, забыть обо всех проблемах, ответственности и о людях, которые на нас надеются, которым мы что-то должны.

Помимо нас в отеле «Санрайз» отдыхают пожилые семейные пары в основном из

Германии и Австрии, а так же молодые семьи с маленькими детьми. Песочный пляж располагается на территории отеля буквально в трех минутах ходьбы, но мы в основном нежیمся в шезлонгах у бассейна. Много спим, едим в основном фрукты и овощи, насыщая организмы полезными веществами, бартером забирая у горячего южного солнца драгоценный витамин D, взамен предлагая лишь накопившуюся в каменном городе усталость и негатив. О том, как отреагируют коллеги на наш бронзовый загар после пребывания в больнице, — а мама уж позаботилась о таком диагнозе для Али, что ни у кого сомнений не осталось, девушка нуждается в срочной госпитализации, — мы решили пока не думать.

— Признайся честно, — говорит мне Аля, — тебя подослали наши конкуренты, чтобы ты испортил мне карьеру, — смеется. — Понятия не имею, как у тебя это получается, но я впервые за свою жизнь думаю только о себе. И поступаю так, как хочется именно мне.

— Аля, так живут счастливые люди. Поверь, есть вещи важнее, чем стремление оправдать ожиданий родителей, начальства, друзей и утереть нос врагам.

Мне нравится давать Але советы, в такие моменты я как будто ненадолго возвращаюсь в прошлое, во времена врачебных практик, когда к моим рекомендациям прислушивались пациенты. Уже много лет я не позволял себе ничего подобного, хотя возможности были.

Сумасшедшие часто помогают друг другу в психбольницах. У нас говорилось так — «сошел с ума сам — не дай сойти другому». Те психи, которые еще что-то соображали, делились своими наблюдениями, давали консультации, причем с таким умным видом, что новенькие слепо верили, внимали с открытыми ртами. Грубо говоря, исполняли повороты на левой пятке, чтобы избавиться от какого-нибудь побочного эффекта, например, сухости во рту. Кстати, многие клялись, что это действительно помогает. Каюсь, я тоже попробовал, но мне, увы, не помогло, вероятно, плохо вертелся. С другой стороны, невозможно не признать, что от неусидчивости подобные движения действительно помогали, — вместо того, чтобы рассекать по коридору, исполняешь пируэты на одном месте. Хотя других пациентов, таких как я, например, непрерывное мельтешение перед глазами сильно раздражало, и они, то есть я, периодически жаловались медперсоналу, отчего, впрочем, не было никакого толка. Я никогда никому не давал советов. Я же уже не был врачом, какое имел право? Сigaretами делился, это было, но давать советы — ни за что.

С рождением ребенка мы решили пока повременить. Разумеется, если он получится, то мы будем только рады, но специально к этому идти не стали. Мне нужно еще немного времени, чтобы совсем отказаться от лекарств, а моя бессонница пока не позволяет этого сделать, а Але и вовсе не мешало бы походить по врачам, сдать элементарные анализы. Ну, хотя бы проверить уровень гемоглобина и понаблюдать за давлением.

Вечерами мы, обнявшись, гуляем по пляжу, иногда молча, иногда обсуждая книги или увиденные накануне фильмы, египетскую культуру. Ужинаем в ресторанах, слушая живую музыку. Я даже позволяю себе несколько глотков вкусного красного вина. Аля всегда наряжается для меня, хотя это и необязательно. Ее открытые бикини и без того сводят с ума, особенно, когда она просит развязывать на пляже веревочки купальника, чтобы на загорелом, теперь светящимся здоровьем теле не оставалось светлых полосок. Стоит ли говорить, что сексом мы занимаемся каждый день? Однажды, даже ночью на пляже, причем, в ста метрах от нас этим же занималась другая пара, но мы приняли молчаливое обоюдное решение, не смотреть в стороны друг друга. Может, они и смотрели на нас, конечно, но я помню перед собой только розовые щеки Али, ее наморщенный лоб, когда она улетала,

цепляясь за мои лопатки, а потом приоткрытый ротик, который было просто невозможно не поцеловать.

Происходящее кажется слишком хорошим, чтобы быть на самом деле. Поэтому я рассказываю до сего момента далеко не всю правду.

Либо дело в непривычном климате, новой пище или напитках, — не понял пока, но снотворное перестало действовать, пришлось увеличить дозировку в три раза, отчего появились шумы в голове, так что теперь ощущение близости морского прибоя всегда со мной, даже когда я далеко от этого самого прибоя. Но с этим можно жить, кроме того, никаких сомнений, — это явление временное. Я и не с таким жил, бывало и хуже. Радует, что с помощью знаний и опыта, у меня получается полностью контролировать апатию, которая планировала бы вылиться в депрессию, если ее пустить на самотек. Понимание того, что я самый удачливый человек во всем Египте, помогает не замкнуться в себе. В моменты просветления я пишу о своем счастье изложения, а потом их перечитываю по несколько раз в день, чтобы не забывать, как мне повезло. Внутри меня живут врач и пациент, которые в данный момент пришли к соглашению, и работают одной командой. Я неплохо держусь.

Отрывок 15. Балансирующая на грани

Недавно Олег рассказывал историю про одного пациента, которого лечил, будучи студентом-медиком. Молодой мужчина был совершенно здоров, ничем не отличался от других людей, но в какой-то момент в его голове перемкнуло, и он, никого не предупредив, покинул рабочее место и поехал в аэропорт, взял билет на ближайший самолет до Гонконга и отбыл из страны. По прибытию в Китай у него спросили визу и цель приезда, естественно, никакой визы у мужчины не оказалось, а цель выливалась из сумбурных фраз в общий смысл «вы не понимаете, в какой опасности находится наша планета». В страну его так и не пустили, вернули обратно в Россию, причем прямым ходом в отделение психбольницы для буйных. Как я поняла, мужчина в аэропорту без боя не сдался. Олег не сказал, кто был этот человек, но туманно намекнул, что тот занимается научной деятельностью и является не последним человеком в стране.

Наш мозг, объяснял Олег, изумительный, не поддающийся изучению орган. Вот так вот может перемкнуть практически каждого человека, при определенной психологической нагрузке, разумеется. Кому-то хватит обычной подножки, например, предательства близкого человека, кто-то не найдет в себе сил вырваться из капкана, заключающегося, например, в ненавистной работе, отсутствии возможности заниматься дорогим сердцу хобби, переезде в город, который так и не станет домом, ударной дозе алкоголя или наркотиков. Причем, самое обидное, что чаще всего люди сами расставляют капканы, в которые попадают. Винить некого. Но подавляющему большинству, особенно выносливым, требуется неожиданный удар кулаком в лоб. Нокаут. У Олега как раз таки был нокаут несколько лет назад — смерть любимой женщины, в которой его же и обвинили. Судьба не стала мелочиться с этим мужчиной, била наверняка.

А потом Олег рассказал про туалеты без дверей в психбольнице, про скудные пресные обеды, тумачи медперсонала, грязные душевые, вонючие матрасы, про сон при включенном свете и прочие издевательства, с которыми он успел столкнуться, будучи и врачом, и пациентом. В общем, мы сделали вывод, что мне туда не нужно. И решили бороться со стрессами. Олег предложил поставить работу на второй план, понизить ее приоритет, выдвигая вперед свою кандидатуру, с чем я, не раздумывая, согласилась. На словах это было

сделать довольно просто, потому что недавно я поняла, насколько важен для меня этот мужчина, но, тем не менее, с ужасом ждала возвращения домой.

— А вы давно здесь отдыхаете? — За ужином мы случайно познакомились с молодой семейной парой из Сибири. Примерно мои ровесники, но, обгорев в первый же день на солнце, они стали походить на забавных подростков, особенно молодой человек, так как одет был в смешные оранжевые шорты с яркими апельсинами и арбузами.

Больше книг на сайте - Knigolub.net

— Уже целую неделю. Время очень быстро пролетело, — отвечаю я, небрежно поглаживая ладонь Олега. — Завтра возвращаемся домой.

— Очень жаль, мы надеялись, что успеем с вами подружиться. Вы такая красивая пара. Если не секрет, где вы работаете?

— Я руковожу одним из направлений разработки компании «ЭД точка ру», может, слышали о нас?

— Конечно, слышали. — Оказывается, что наши новые друзья тоже программисты, мало того, участвующие в воплощении нескольких крупных проектов, на презентациях которых я имела честь присутствовать.

— А ты кем работаешь? — девушка обращается к Олегу.

— Я убираюсь в офисе ее компании, — отвечает, как и обычно нисколько не смущаясь. Обожаю своего шизофреника.

— У нас служебный роман, — добавляю я, улыбаясь. Несколько мгновений на нас смотрят часто моргая. Наши новые знакомые переглядываются, не понимая, почему мы так странно шутим.

— Он очень хороший уборщик, — киваю я, смеясь, — каких еще поискать.

— Ну-ну, — отвечает Олег, отпивая свой кофе из чашечки. Делает вид, что ему неловко от нелепой похвалы.

— Где ж таких менеджеров по клинингу берут? — усмехается девушка. — У нас только ворчливые тетki поступают за эту должность. Я даже думала там кастинг особый, кто умеет ругаться и возмущаться без причины. А Олег выглядит... как персонаж из порнофильма. Там тоже сантехники и чистильщики бассейнов внешне недурны.

— Ты мне льстишь, — улыбается Олег.

Вечером он куда-то ушел, предупредив, что хочет побыть в одиночестве. В начале первого сбросил мой звонок, отчего я начала еще сильнее беспокоиться. Приняла решение отправиться на поиски, но тут дверь номера распахнулась. Олег замер в дверях, не спеша заходить в комнату. Я лежу в темноте на большой кровати. До его прихода много ворочалась, поэтому слегка запуталась в белоснежных мягких простынях, соответствующих заявленному уровню отеля. Глаза за пару часов отвыкли от света, из-за чего в первые мгновения приходится зажмуриться, но вскоре я привыкаю. Яркий свет из коридора обнимает высокую фигуру. Олег курит, вальяжно прислонившись к косяку двери. Сначала я чувствую запах дыма, а потом замечаю движение руки. Открываю рот, собираясь возмутиться, потому что вот-вот должна сработать пожарная тревога — в отеле нельзя дымить, но потом мой взгляд цепляется за палку, на которую Олег опирается. Не веря своим глазам, я прищуриваюсь — в его руке действительно самая настоящая швабра, которой моют полы в этом отеле.

— Зачем тебе швабра? — спрашиваю, выпучив глаза. — Где ты ее взял?

— Мне сказали, что у вас, мэм, — пытается пародировать местный акцент, — что у вас

в номере жутких беспорядок. — Он тушит сигарету о косяк, бросает прямо в коридоре на пол, заходит в комнату и захлопывает за собой дверь.

— Ты хочешь поиграть в ролевую игру? — смеюсь я, присаживаясь на кровати. Когда Олег подходит ближе, я замечаю белое полотенце, заткнутое за пояс наподобие фартука.

— Заткнись, — он стягивает белоснежную майку и расстегивает пуговицу и ширинку брюк, отбрасывает в сторону принесенный атрибут уборщика, после чего запрыгивает на кровать и придавливает меня своим телом к матрасу.

— Значит, говоришь, таких уборщиков, как я, еще поискать? — урчит мне на ухо, а следом влажно облизывает его.

— Подозреваю, ты единственный в своем роде, и я действительно очень рада, что ты мой, — шепчу, обнимая его бедра ногами и прижимая к себе. Помимо привычного аромата кожи от Олега пахнет кремом от загара и табаком. Сводящее с ума сочетание. Хоть Олег и не отличается выдающейся мускулатурой, скорее худощав для своего роста, он действительно мог бы сойти за актера из высокобюджетного порнофильма. Особенно, когда полностью вошел в роль и прикрикнул на меня:

— Заткнитесь, мадмуазель. Лучше переверачивайтесь на живот и дайте мне полюбоваться на вашу попку. Да, молодец... О, бесы, да!

— Я уже не могу не требовать полной взаимности, Аль, — говорит он после нашей любви. Сначала он был сзади, властно шлепая меня по бедрам и никак не реагируя на просьбы снизить темп, впрочем, после первой минуты я просила лишь о повышении скорости его движений. Но кончил он, будучи сверху. Олег любит накрывать меня своим телом. Мне тоже нравится, когда он прижимает меня к матрасу, никогда раньше не думала, что в миссионерской позиции можно испытать ярчайшую гамму наслаждений. Бывают минуты, когда нет ничего важнее, чем просто смотреть на расслабленное лицо находящегося внутри тебя мужчины, обнимать его, прижимая к себе, в любую секунду имея возможность коснуться его губ своими, выдохнуть ему в рот свое удовольствие и сладко застонать, ощущая при этом дрожь его загорелого тела от того, что он знает, как ярко я кончаю от его движений. Иногда он на миг замирает, еле сдерживаясь, чтобы не улететь, и в эту секунду для него нет ничего прекраснее, чем томительное ожидание оргазма, а для меня — предвкушения его экстаза, которое именно я подарю ему. Наш секс — демонстрация принадлежности друг другу, потому что когда он внутри меня — я принадлежу ему, а он мне. И это невероятное, согревающее чувство сопровождает нас теперь каждую минуту после, но зарождается именно в такие моменты, когда он сверху.

Он лежит на спине, а я — на его груди. В воздухе витает аромат секса, смешанный с моим дезодорантом и его кремом против загара.

— Ты сомневаешься во мне?

— Просто это уже не игра. Аля, я влюбился в тебя.

— Я тоже тебя люблю. Много раз говорила тебе об этом.

— Это другое. Не спорь, Аль, просто поверь, что тебе со мной будет тяжело.

— Без тебя я совсем не справлюсь.

— Тогда верь всему, что я тебе говорю. Иначе никто из нас не справится.

— Я буду.

Отрывок 16. Балансирующий на грани

Родной город встречает нас убийственным ливнем, некомфортными плюс десять по Цельсию, а квартира — затопленным потолком в ванной. В результате чего мы полночи

решаем вопрос с соседями, кто кому оплачивает ремонт, разумеется, последнее слово все равно за мной, Аля предпочла не вмешиваться. Так же в мои обязанности входит следующим утром дожидаться рабочих и объяснить им, что от них требуется, а так же договориться о сроках и стоимости услуг. Таким образом, на работу я опаздываю примерно на два часа.

Что я чувствую, когда иду в офис? Смертельно хочется спать, подошвы обуви не касаются, а растекаются по асфальту, мне приходится напрягаться при каждом движении, отрывая прилипший ботинок от улицы лишь для того, чтобы прижать его к ней через полметра. Ощущение, что мое сновидение состоит исключительно из кофеина. После того, как я принимаю таблетку — желание спать испаряется, а вот утром, когда нужно тащить свой зад по каким-то делам — меня валит с ног от усталости. Хотя я прекрасно понимаю, стоит коснуться затылком подушки, как сон напрочь пропадет, будто он и не сидел в засаде весь день, заманивая сознание в свои сладостные пути столь желанного отдыха. К сожалению, нельзя никому пожаловаться. Если вдруг мой «врач» заподозрит, что мне становится хуже, меня положат в больницу и начнут усердно лечить. Моему мозгу просто нужно еще немного времени, чтобы начать функционировать, как следует.

Поднимаясь в лифте, я думаю о том, как отреагируют коллеги на мое появление. На самом деле план действий пока еще не успел родиться в моей голове. Признаюсь, я понятия не имею о чем разговаривать с шефом, перед которым окажусь через пару минут. Самый главный вопрос до сих пор остается открытым: увольняться или нет? Но, бесы, мне хочется найти темный угол и подремать, хотя бы стоя, хотя бы минут десять. Опираюсь рукой о стенку лифта. Я не боюсь своего начальника, насмешек или порицаний со стороны коллег. Это не потому, что я такой смелый или отважный, просто мне известно о вещах, которых действительно стоит бояться.

Да, да и еще раз да. В наше время электросудорожная терапия является научно-обоснованным методом лечения, разумеется, строго добровольным и невероятно действенным. А что остается пациентам, которым не помогают медикаменты, а иссушающая душу депрессия не оставляет даже во сне? Отчаявшиеся, находящиеся на границе между жизнью и смертью или на подоконнике десятого этажа, если хотите, люди цепляются за любую возможность выбраться. У меня были пациенты, которые заглядывали в глаза, словно я был для них божеством, надеждой выбраться. «Вы уверены, что мне это поможет?» — «Считаю, вам стоит решиться». А дальше отдельная комната, улыбающаяся — если повезет — медсестра, привязывающая к кровати, резиновый кляп, чтобы не откусить собственный язык. Лекарство под кожу, чтобы насильственно расслабить мышцы и не допустить переломов позвонков. «Это не займет много времени», — говорит врач и включает прибор, пропускающий ток через мозг. Это не больно. Я не пробовал, мне рассказывали, что ничего не чувствуешь под действием лекарств. А потерю памяти разве можешь чувствовать? Главное не забыть о своей вере, что ток поможет вспомнить, что такое счастье.

Инсулинокоматозная терапия, спасибо появлению нейролептиков, применяется намного реже, чем раньше, как и некоторые другие процедуры, в нашем веке призванные ошибочными, но часто используемые несколько десятилетий ранее.

Если в Гугле набрать «Пестров Виктор Петрович», то поисковая система выдаст кучу бесполезных статей, все что угодно, кроме действительно важной информации, которая должна была бы отобразиться при нажатии кнопки «поиск», но никогда уже не появится. К важной информации я отношу стихи, прозу и биографию непризнанного великого поэта двадцатого века. Почему великого? Потому что я видел его стихи, в то время они показались

изумительно красивыми, я поражаюсь игре слов, восхищался невероятно точными эпитетами и остроумными неожиданными метафорами, подобранными мастером. Хотя, в те годы я находил рекламные ролики верхом работы кинематографа, а разобраться в сюжетах мексиканских сериалов, которые нам показывали по телевизору каждый день с семи до девяти вечера, и вовсе не приходилось возможным.

Так вот, Виктор Петрович был шизиком, залеченным психиатрами старой школы. Процедуры и непрерывный прием лекарств состарили его ум до мышления столетнего старика, хотя на самом деле, судя по внешности, Виктор Петрович был младше моих родителей. Угрюмый сосед по палате, который все время держался за голову и ходил из стороны в сторону. Иногда с криками: «Вы очистили мою голову от мыслей, будьте вы прокляты!» — он кидался на санитаров. Ну, кидался — это сильно сказано. Что может живущий на одних лекарствах старик против молодых сильных мужчин? Кроме того, в больнице все знали волшебное слово, которое успокаивало Виктора Петровича лучше любых ремней и тумачков. Сульфазин. Во времена молодости Пестрова широко применялось вышеупомянутое средство лечения буйных психов. Если хотите знать мое мнение, и многие врачи, кстати, со мной согласятся, данный препарат использовался скорее в карательных, чем в терапевтических целях. Ирония в том, что Виктор Петрович не знал, что эта процедура давно запрещена. Сульфазин кололи под лопатку, после чего тело больного перемещалось в ад, где расплачивалось, судя по количеству боли, за грехи всего его рода, ну а душа оставалась на земле. Пациент молил о смерти, но убивать страдающих людей негуманно. Делать вид, что ты веришь, что ему станет легче — вот что гуманно.

Вы когда-нибудь видели, как у человека от страха шевелятся волосы на голове? Как глаза выпучиваются так, словно вот-вот вылезут из орбит, а из горла доносится непонятный то ли хрип, то ли писк? А я видел. Вот Виктору Петровичу было реально страшно. А мне-то что? Ну, подумаешь, буду мыть пол в офисе. Кроме того, как я недавно выяснил, моя персона, сжимающая швабру в руках, действует на Алю возбуждающе.

Двери лифта открываются, я оказываюсь в приемной, которая до отказа забита людьми. Быстро оглядев коллег и не найдя ни одного плаката или футболки с надписью: «Олег, мы скучали!» или «Олег, с возвращением!» я прихожу к выводу, что сборище организовано не в мою честь. Тем не менее, при моем появлении народ замолкает, даже вещающий в центре помещения несомненно жизненно-важную информацию Сергей прерывается на полуслове. Все смотрят на меня.

— Добрый день, — здороваюсь. Коллеги молчат, кто-то смущенно опускает глаза. За этот год ко мне привыкли, многих даже забавляло мое поведение. Кажется, этим людям стыдно, что они остались на своих местах, а меня понизили. Стыдно передо мной? Глупости. — Где мне можно взять ведро со шваброй? — спрашиваю я, останавливая взгляд на Нине, которая должна знать все на свете. Ей положено по должности.

Видя, что я ни на кого не обижаюсь, народ расслабляется, кто-то мне машет, кто-то улыбается. Это приятно.

— Какое к чертовой матери ведро со шваброй!? — срывается Сергей. — У нас катастрофа, все компы заражены непонятного происхождения червем, кажется, рожденным в Китае. Быстро дуй к Александру, он вместе с другими кодерами в вашей серверной.

— Э-э-э, точно? — переспрашиваю.

— Ты еще здесь? — рявкает Сергей.

Я, чуть опустив голову, быстро прохожу в свой бывший кабинет за ноутбуком, потом в

серверную, где мне объясняют, что нужно делать.

В отдел клининга меня, кстати, все равно перевели. Тем же вечером я подписал необходимые бумаги, Нина показала новую запись в трудовой. Зарплата упала в шесть раз. Вернее, официальная зарплата. Остальные деньги я теперь получаю в белом конверте. Кому рассказать — умереть со смеху можно. Уборщик, одновременно являющийся психом со справкой, неофициально следит за безопасностью целого направления разработки, отвечающего за программное обеспечение в сети крупнейших супермаркетов города, а скоро и некоторых банках. Бойтесь стартапов, пользователи!

Это небольшое признание, доверие, если хотите, придало сил. Пока Александр в отпуске, я занимаюсь администрированием компьютеров компании в одиночестве, частенько вечерами задерживаясь на работе, приводя в порядок домашние ноутбуки членов семьи Сергея, что неофициально входит в обязанности Александра. Хочу заметить, что, несмотря на теперь непрекращающийся ни на час шум прибора в моей голове, я ни разу за этот месяц не напортачил, хотя и под конец устал как лошадь, да и эхо стало повторять за мной слова чаще, чем я привык.

— Вдох и выдох, — говорю я, заглядывая Але в глаза, — ты торопишься. Делай так, как я говорю. Медленный вдох и медленный выдох.

Телефон на ее столе трезвонит, не переставая, на экране мигает номер Веры Анатольевны.

— Аля, вдох-выдох. Аля!

— Да-да, я пытаюсь.

— Если ты меня не послушаешься, этой ночью будет так же, как и прошлой, но в этот раз я не сжалюсь на твои мольбы. Я не шучу.

— Да-да, я поняла, — повторяет она. Прикрывает глаза, расслабляет плечи, глубоко вдыхает, затем выдыхает.

— Молодец. Теперь отвечай на звонок. И помни, что все условия договора с нашей стороны выполняются в срок.

Аля кивает и прикладывает трубку к уху. Она ведь опять пыталась нервничать несколько дней назад. Пришла домой злая, не хотела со мной разговаривать, фыркала и отворачивалась. Неудачно уронила на пол блюдце, после чего полчаса рыдала над осколками, не поддаваясь ни на какие уговоры. В такие моменты я знакомлю ее, скажем так, с элементами антуража российских психбольниц. Экскурсию провожу, бесы в моей голове. Прошлой ночью я до четырех утра не разрешал погасить яркий свет в спальне, как часто делают в психбольницах. Хорошенько отдохнуть в таких условиях физически невозможно, хотя, кто говорил об отдыхе? Очень часто основная цель наших клиник заключается в том, чтобы свести с ума тех, кто по каким-то причинам не успел до конца сделать это самостоятельно на свободе.

— Вера Анатольевна, я прошу вас подготовить список необходимых вам доработок, с четко проставленными приоритетами. Мы обсудим этот перечень с программистами, только после этого я смогу сориентировать по срокам разработки. Но не раньше.

Я беззвучно хлопаю в ладоши и покидаю ее кабинет, будучи полностью спокоен за свою Алю.

Отрывок 17. Балансирующая на грани

Понятия не имею, на что я надеялась, влюбляясь в больного человека, заставляя его поверить, что вместе мы преодолеем любые препятствия. А затем, когда позволяла ему

проверять и править рецепты, которые выписывали мне врачи, — после возвращения из Египта я прошла осмотр у терапевта и невролога, сдала несколько анализов, определивших у меня невроз и кое-что по мелочи. Когда внутри покой и гармония, невероятно сложно поверить, что в любой момент жизнь может сделать подсечку, приготовив в месте твоего падения бездонную яму, наполненную зыбучим песком. Ты можешь ничего не делать, просто стоять на месте, а тебя подтолкнут к болоту, из которого самостоятельно не выбраться.

И вижу наши отношения с Олегом так: мы оба тонем, держа в руках разные концы одной веревки, попеременно захлебываемся, но не даем сгинуть другому.

Что ж, было много прецедентов, благодаря которым я должна была догадаться, что пришла моя очередь вытаскивать его. Но мне слишком сильно хотелось счастья, я игнорировала знаки.

Переломным моментом оказалось утро накануне моего отъезда в командировку. Мы с Ниной сидели в моем кабинете и чертили график поставок новой версии нашим клиентам. Дверь резко открылась, и на пороге появился Олег с безумными глазами. Первое, о чем я подумала: какой же мятый у него свитер. Щеки мгновенно запылали от стыда, потому что вчера вечером я обещала, что приведу в порядок его накануне выстиранную одежду, а потом напрочь забыла за разговором с подругой. Утром же мы, как и обычно теперь, опаздывали, поэтому я даже не взглянула, что он натянул на себя. Из меня отвратительная жена, как он только терпит это.

— Аля, мне только что позвонили. Представляешь, Хемингуэй умер, — серые глаза с опаской смотрели на меня, словно он ожидал, что я грохнусь в обморок от этой новости.

— Олег, еще в прошлом веке, — приподняла левую бровь невозмутимая Нина. — Раз уж ты об этом заговорил, Пушкина, Лермонтова и Толстова тоже давно нет с нами, — добавила полупшепотом, сопроводив жестом рукой, дескать, держись, мы с тобой. Олег на минуту растерялся, потер лоб, взглянул на дверь, но потом резко обернулся на нас.

— Нет, другой Хемингуэй. Виктор Петрович, поэт, он лежал вместе со мной в больнице. У него, так же как и у Хемингуэя, после электросудорожной пропала способность сочинять.

— А, этот, — не без облегчения выдохнула я. Потом быстро добавила, устыдившись своих чувств: — Мне очень жаль.

— Да. Представляешь, он хотел о чем-то поговорить со мной перед смертью, но не успел. — Пожал плечами. — Это очень странно, он редко с кем-то разговаривал, даже врача своего не помнил в лицо, а мое имя не забыл.

— Тебе позвонили его родственники?

— Нет, моя мама. С ней связалась сиделка Виктора Петровича. Знаешь, я навещал старого поэта сразу, как выписался из частной клиники. Его вместе с большинством пациентов и персоналом перевели в другую больницу после того, как закрыли ту... ну, про которую я тебе рассказывал. У меня там много знакомых, нужно будет, кстати, как-нибудь съездить. Интересно. — И, глубоко задумавшись, он ушел к себе в кабинет.

Вечером мне позвонила мать Олега и настойчиво расспрашивала, как тот себя ведет, хорошо ли он спит, как питается. На вопросе, изменились ли как-нибудь наши отношения в интимном плане, мое терпение лопнуло:

— Инна Викторовна, вы что-то конкретное хотите мне сказать? При всем уважении я не могу больше разговаривать, потому что нахожусь в самолете, который через пару минут

взлетает.

— Алечка, недавно умер приятель Олега, переживаю, как он воспринял эту новость.

Прижимаю руку к груди.

— Вы думаете, что смерть Хеминг... Виктора Петровича может повлиять на Олега так же, как смерть Алины?

— Надеюсь, что нет. Кроме того, хотела с тобой посоветоваться. Виктор Петрович оставил Олегу записку перед смертью, я вот думаю, может, ее выбросить.

— А что в записке? Вы ее читали?

— Бред какой-то, набор слов.

— Я думаю, что мы не имеем права решать за Олега, что ему нужно знать, а что нет.

Следующий день в столице я провела как на иголках. Отвлекала Олега от работы каждые полтора часа, выясняя, как у него настроение, и о чем он думает. Олег выносил мою навязчивость стойко, каждый раз подробно и терпеливо рассказывает, чем занимается, а перед сном около часа желал мне спокойной ночи, перечисляя части моего тела, куда бы хотел сейчас поцеловать. Оказывается, мы настолько привыкли спать вместе, что разлука даже на одну ночь превратила эту самую ночь в нескончаемый поиск его расслабленных рук, сопровождающийся моими перемещениями по всей огромной кровати номера. К счастью, уже следующим вечером мы спали снова вместе.

Работа по-прежнему забирала уйму времени. В выходные мы развлекались тем, что высмеивали глупейшие фильмы по телевизору, ленисьшний раз выходить из дома. Время летело невероятно быстро, что нам обоим было на руку. Каждый новый день без рецидива прибавлял Олегу уверенности в себе, я постепенно проходила курс лечения, мужественно терпела, когда Олег вечерами делал болезненные уколы, которые, к моему огромному сожалению, он одобрил, а вот безвкусные таблетки, прием которых не составил бы труда — вычеркнул. Нина не понимала, как я после случившегося с его женой могла доверять Олегу делать уколы, да и вообще принимаю именно те лекарства, которые он покупает. Знакомые осуждали мое слепое доверие его советам, лишь я в глубине души чувствовала, что это тот самый канат, который в данный момент вытягивает его из болота.

Очередная зима миновала, оставляя позади период спячки не только природы, но и большинства людей, существование которых без солнца равносильно коме. В город пришла долгожданная весна, наводя на мысли об отпуске, да и вообще о чем-то новом и приятном. Мы с Олегом сменили гардероб, на мою премию от сделки с москвичами купили небольшую квартиру на окраине, которую собирались сдавать в аренду, решили приобрести котенка. Я летала в облаках, строя планы на будущее, изредка посвящая в них ни с чем не спорящего Олега.

А потом наши жизни покатались в ад. Канат натянулся до предела, рискуя порваться в любой момент, потопив обоих.

— Все будет хорошо. Аля, возьми себя в руки.

— А что для вас значит «хорошо»?

Он сидит на лавочке в нескончаемом коридоре, спрятав глаза за ладонями, его светлые волосы зажаты между пальцев и торчат в разные стороны, как щетка веника. Он не шевелится, но я чувствую, как сильно ему стыдно. А я не могу подобрать слов, способных донести до него, что на наши отношения его ошибки не повлияют, чтобы он не натворил.

— Аля, ты здесь? Он тебя послушает, надави на него. Аля?!

— Я тут.

— Я пыталась поговорить с ним, но он отключил телефон.

— Потому что в сложившейся ситуации он не доверяет ни вам, ни Николаю Николаевичу.

— Зато он доверяет тебе.

— И вы хотите, чтобы я его предала.

— Я не хочу, чтобы ты нашла его в наполненной кровью ванне, как пришлось мне! — срывается мать Олега. — Мой мальчик очень, — ее голос дрожит, — умный, он лежал в теплой воде, которая не мешала крови сворачиваться. Ты себе представляешь, что значит найти своего ребенка умирающим по собственной воле?

Стало вдруг холодно, словно кто-то открыл окно, и в мою кожу тысячами ледяных иголочек вонзился зимний воздух, стараясь хоть немного остудить раскаленный мозг, прояснить спутанные мысли и успокоить бешеное сердцебиение. Поежившись, я оглядываюсь — коридор по-прежнему пустой и бесконечный, тихий и отстраненный от проблем людей, приходящих в эти стены, окрашенные бледной краской. Типичный, шаблонный коридор с десятком белых дверей, прячущих от взоров пациентов докторов. Антураж этого места говорит сам за себя, предупреждая, что здесь стирается всякая индивидуальность просящего помощи человека. Больные приходят в психбольницу за тем, чтобы врач выправил их мозги так, чтобы пациенты стали походить на «нормальных» людей в его представлении. Олег говорил, что любые мозги можно исправить.

Лишенные отличительных черт коридоры, заурядные люди с ксерокопией чьего-то разума вместо подаренного природой, и одной целью на всех, — сделать так, чтобы уже никогда сюда не возвращаться. Олега отбросило на точку отсчета, с которой он стартовал менее двух лет назад, выбравшись из похожих стен.

Я впервые сопровождаю его в больницу, он не хотел, чтобы я привыкала к этому месту.

— Аля, поговори с врачом, если не хочешь поверить моим словам. Извини, у меня пациент, не могу разговаривать. Позвоню тебе вечером.

Инна Викторовна кладет трубку, а я направляюсь к ссутулившемуся Олегу, занимающему место напротив кабинета психиатра, который он покинул менее десяти минут назад. Присаживаюсь на корточки, обнимая его холодное лицо ладонями.

— Мой хороший, — шепчу.

Он кивает, опуская глаза. Напряжение его тела, нервной системы невольно передается мне, как электрический ток по прямой цепи. Я сжимаю его виски, стараясь надавить на воображаемые кнопки, способные отключить мигрень.

— Не хочу в больницу. Я смогу справиться сам.

— Я знаю. Поедем домой?

— Поедем.

Мы идем в обнимку мимо кабинетов с надписями, сливающимися в жирные черные полосы, потому что я плачу. Беззвучно и скупое. Позволяя соленым полоскам портить дневной макияж. А он держится за меня и смотрит вперед или перед собой. Мелькает мысль: главное, чтобы не оглянулся. На улице до такой степени светло, что мы, переступив порог здания, шуримся. Обманчиво яркие лучи все еще по-зимнему холодного солнца отражаются от белого снега, рассеиваясь в воздухе. Глаза пощипывает от потекшей туши.

— Ты плачешь?

— Глаза слезятся из-за снега, — я надеваю темные очки и веду его к машине.

Недавняя ошибка Олега стоила нашей фирме нескольких миллионов. Вина ли я его? Вина ли себя? Или Сергея, который, не послушав московских клиентов, не просто продолжал доверять Олегу, а свесил на него сложнейшие задачи, экономя на новом системном администраторе?

— Мы справимся.

Его руки дрожат. Или мои. Возможно, это просто холодный порывистый ветер. Мы всегда ищем в природе отражение наших эмоций. Намного легче жить, зная, что не одному тебе плохо, что вся планета борется вместе с тобой. За тебя.

— Ты останешься в больнице только тогда, когда захочешь сам. Хорошо? — сжимаю его ладони так сильно, что он дергается и смотрит на меня пустыми, серыми глазами.

— Это не из-за болезни.

— Я знаю. Такое могло случиться с каждым, — я и искренне в это верю.

— Но случилось именно со мной.

— Нам просто не повезло. Так бывает.

— Я контролирую своих бесов.

— В этом нет никаких сомнений. Милый, поехали домой?

Я сажусь за руль и, ожидая, пока припаркуется загоревшаяся проезд машина, задумываюсь. Сегодняшнее утро отличалось от десятков предыдущих лишь тем, что я успела погладить ему рубашку. А еще мы занимались сексом, но это бывает не так редко, чтобы заострять внимание. В ванной комнате заело дверь, поэтому пришлось разломать замок. Уже в лифте я вспомнила про утюг и вернулась проверить, не забыла ли его выключить. А на улице выпало столько белого снега, сколько бывает лишь в середине зимы, но никак не в конце марта. Были ли это знаки судьбы? Зачем я вообще ищу в своей жизни какие бы то ни было знаки? Неужели я стала настолько слаба, что готова свалить на пробегающую дорогу черную кошку возникновение своих неподъемных проблем?

Увольнение проходило тяжело, весь офис словно вымер, врос в мебель: стулья на колесиках, прямоугольные или угловые столы, — погружившись с головой в работу. Если бы коллеги могли, они бы залезли в мониторы и отсиделись там. Подобные ситуации случаются в каждой компании. И всегда находится виноватый.

Тяжелее всего мне далось присутствие при скандале, полных желчного яда криках Сергея, которые я пропускала через себя вместе с потоком оскорблений, никогда ранее в моем присутствии не произносимых ни одним мужчиной, и которыми он поливал опустившего голову Олега. В тот момент уже бывший сисадмин «ЭД точка ру» не защищался, его чувства выдавали лишь пальцы на левой руке. Когда Олег порезал себе вены впервые, он задел сухожилия, и теперь средний, безымянный пальцы и мизинец на левой руке не сгибались полностью, и сильно дрожали, когда Олег нервничал. Я видела такое лишь пару раз во время занятий сексом, когда Олег был на пике возбуждения. Мы смеялись над этой его особенностью.

— Шизофреник! Псих! Убожество!

Я не обязана была слушать эту грязь, было бы лучше подождать за дверью.

— Идиот! И как я мог повестить на такое?!

Но я стояла рядом, ловила каждое слово, стараясь принять часть гнева Сергея на себя, разделить чувство вины Олега настолько, насколько это было возможным.

— Пошел с глаз моих и чтобы я тебя никогда больше не видел!

Виноваты были все. Сам Олег, те, кто поверили в него, и те, кто пытались ему помочь.

Увы, пострадавших было намного больше, чем виноватых.

Вероятно поэтому Сергей, не зная, как выплеснуть раздирающие его грудь эмоции, поднял трубку и вызвал скорую, предупредив, что нужна помощь психиатра.

Возможно, если бы Олега положили в больницу, Сергею стало бы легче пережить инцидент, но я не позволила сделать этого. После разговора с врачом я увезла Олега домой, пообещав, что его никогда не положат в больницу против воли.

— Милый, сходишь за бутылкой вина?

Сегодня впервые за несколько месяцев к нам с Олегом домой пришли гости. Коротко поздоровавшись, он скрылся в спальне, погрузившись в чтение научно-фантастического рассказа, который ему посоветовала Нина, а мы с Катей и Машей остались сплетничать на кухне. К слову сказать, я впервые разговаривала с Катей после того, как Олег ко мне переехал. Она сама напросилась под предлогом того, что соскучилась по брату, ведь он редко выходил из дома в последние недели, еще реже общался с родственниками, предпочитая их обществу мое, либо книги. Не забыв посоветоваться с Олегом, я пришла к выводу, что не против визита своей бывшей лучшей подруги, но, решила пригласить еще и Машу, чтобы было кому разряжать атмосферу. Кстати, бутылка испанского вина была куплена для той же цели, правда, с количеством я не угадала. Не хватило.

Как только Олег, закутавшись в теплый шарф, переступает порог квартиры, в кухне воцаряется полная тишина. Отсутствие «лишних ушей» должно было лишь сильнее развязать языки давно не видевшимся подругам, но мы молчим. Потому что пришло время главных вопросов. Катя залпом выпивает бокал с красным сухим, подавившись и несколько секунд кашляя, растягивая время. Маша с энтузиазмом поглощает креветки, а я делаю вид, будто считаю, что в терпком напитке растворен смысл бытия, и если я еще немного напрягу зрение, докопаюсь до истины. Ну, хоть до какой-нибудь.

— Как у тебя на работе? — наконец, спрашивает Катя. Вопрос мог бы показаться обычной попыткой поддержать разговор, но я сразу понимаю, что Катя имеет в виду именно события пятимесячной давности.

— Сейчас уже все в норме.

— А отношения с начальством?

— Сергей не смог меня уволить, потому что я единственная, кто был в курсе всех деталей договора с москвичами, — усмехаюсь я, вспоминая метания шефа. — Сейчас, кажется, он стал относиться спокойнее. Страховка покрыла убытки, мы практически ничего не потеряли, — моя способность прятать ложь за улыбкой — врожденная. Кроме того, лгать о работе я умею восхитительно, слишком часто данное умение помогало нам остаться на плаву, особенно когда компания только зарождалась.

— Мы очень боялись, что тебе придется уйти следом за Олегом.

— Первое время было непросто находиться в офисе, но нам с Олегом нужны были деньги, я не могла просто развернуться и уйти.

— Отец предлагал помощь. Олегу следовало взять деньги хотя бы на лекарства.

— Катя, я же сказала, что мы справимся сами. — Совершенно ясно, что Катя выступает сейчас в роли разведчика, засланного ее родителями на территорию «противника», чтобы выведать беспокоившую их информацию.

— Аля, нет ничего плохого в том, чтобы принять помощь от близких людей, — произносит она наставительным тоном Николая Николаевича, который всегда говорил так,

словно его слова являются истиной в последней инстанции. Вероятно, Катя долго тренировалась перед зеркалом. Представляя себе ее репетиции, я начинаю злиться, не отдавая себе отчета в том, что перегибаю палку.

— Катя, ты и твои родители можете сколько угодно навязывать мне свою «медицинскую» точку зрения, я не сдам Олега в психбольницу. Последние недели он чувствует себя много лучше, чем раньше. Мы справимся сами.

— Да ты посмотри на себя!

— То есть?

— На кого ты стала похожа. Похудела килограмм на пять не меньше. Постарела. — Видимо, на моем лице отражается некоторая гамма эмоций, заставившая Катю быстро добавить: — Ты никогда не выглядела старше двадцати семи. — И продолжила дружелюбнее: — Аля, мы прекрасно знаем, насколько тяжело жить с больным человеком. Пойми, что ты не одна, мы можем помочь. Скажу больше, мы обязаны помочь, потому что он наш родственник, а ты ему ничего не должна.

— Зато он вам должен, да? — Наполненный на одну треть вином бокал пикирует сначала мне на колени, а потом на плитку, после чего звонко трескается, расщепившись на три части. — Несчастные родители, у сына которых поехала крыша! Проглотив позор, они вынуждены тащить на себе безнадёжного шизофреника, откупаясь от своей совести самыми дорогими таблетками, которые, вероятно, должны заменить ему заботу близких. Так, да? Ты тоже считаешь, что Олег тебе должен что-то? — взрываюсь я.

— Аля... — Катя соскакивает следом со мной со стула и начинает махать руками.

— Хочешь знать, что я на самом деле думаю? Это только вы виноваты в том, что он заболел. Когда из-за своей ошибки Олег потерял единственного по-настоящему близкого человека, вы все отвернулись от него. Переложили ответственность за его жизнь на плечи врачей, заменили любовь и поддержку нейрорептиками.

— Все, я уйду. — Катя направляется к двери, но меня не остановить:

— Послушай меня и запомни раз и навсегда. Олег вам ничего не должен. Он мой, слышишь? Мы справимся сами со всеми рецидивами, которые нам уготованы, накопим на лекарства и решим, что для него лучше, а что нет. И ты, и твои родители можете перестать, наконец, мучиться угрызениями совести, я о нем позабочусь.

— Ты одна не справишься. — Катя резко оборачивается. — Алька, он уже подставил тебя на работе, ваше самолечение приведет к тому, что он забудет выключить утюг или газ, прыгнет с балкона, наглотается таблеток или порежет вены, как это случилось в прошлые разы. Ты понятия не имеешь, с какой проблемой столкнулась. И отказываешься слушать что-либо. Мы заботились об Олеге так, как было нужно. Заметь, каким он был, когда вы познакомились, и каким стал сейчас.

— Он не ляжет в психушку, — отрезаю я.

— Ты один раз уже взяла на себя ответственность, и ваша фирма потеряла бешеные деньги. Хотя мы тебе говорили. И я говорила, и папа. Да все! Виновата только ты.

— Я знаю. Да поймите уже, наконец, что это была случайность. Он все лишь забыл сменить пароли, что могло произойти с кем угодно. Нам просто не повезло. Если бы он не болел, то никто бы и не подумал раздувать из этой ситуации скандал. Знаешь, я сама часто уже в машине пытаюсь вспомнить, выключила ли плиту, и возвращаюсь в квартиру проверить. Так давай и меня положим на пару недель в больницу?

— Аля, он обречен. Раскрой глаза. Он убил человека и никогда себе этого не простит.

Это истина, которая существует независимо от того принимаешь ты ее или нет.

— Катя, абсолютно все врачи ненамеренно убивают. И я могу поставить свою душу в споре на то, что от ошибок твоего отца не раз отбывали на тот свет пациенты на операционном столе, просто об этом никто так и не узнал. Олег ошибся, в результате чего он лишился Алины, потерю которой так и не смог до конца пережить. Но ему обязательно станет лучше. Он сам так говорит, и я буду верить ему, а не вам.

— И ты думаешь, что у тебя получится что-то такое, что не получилось у лучших врачей?

Далее одновременно случаются сразу три вещи. Щелкает замок входной двери, пронзительно звонит сотовый Маши, а мой взгляд падает на осколки разбитого бокала. Осколки моей жизни, которая крошилась при соприкосновении с титановой проблемой бесконечно любимого мной мужчины. Олег появляется в дверях.

— Что здесь происходит?

— Я уронила бокал, — говорю, поджимая нижнюю губу, с трудом сдерживая слезы.

— Аль, только не плачь. — Олег подходит и крепко меня обнимает. В последнее время, когда у меня уже не хватает сил сдерживать слезы, я бью посуду и рыдаю над осколками. Он верит, что причина в разбитых чашках.

Его свитер холодный, как и руки, которыми он меня прижимает к себе. Как всегда большой, прохладный, чокнутый, но самый понятный мне из всех окружающих людей. Крепче вцепившись в воображаемый мной канат, я спрашиваю:

— Ты купил вино?

— Вино? — удивленно переспрашивает он.

И я больше не могу сдерживать рыдания.

Отрывок 18. Балансирующий на грани

Свет от настольной лампы создает причудливые тени на стене. Вернее, благодаря искусственному свету я, погруженный в темноту спальни и лепящий фигурки из бумаги, вырванной из моих старых дневников, созидаю театр, одновременно являясь режиссером и кукловодом. Лучше всего мне удается костер. Для этого я сминаю несколько листов вместе. Некоторое время катаю их между пальцев, чуть вытягивая вдоль и — вуаля — костер, призванный согреть бумажных человечков и животных, готов.

Обрывки воспоминаний о моем глубоком детстве сводятся к тому, как отец обучал нас с Катей основам оригами. Много времени было потрачено на это занятие, особенно, когда выключали свет в квартире, и делать было совершенно нечего. Папа, по традиции игнорируя диван, садился прямо на пол, приглашая нас с Катей устроиться рядом, и мы втроем мастерили розы, кораблики, драконов, собачек и прочих участников задуманных событий, а потом с помощью фонарика инсценировали представления. Какими бы ни были сюжеты наших историй, рано или поздно главные герои попадали в беду, и были тяжело ранены, например, в результате сражения с динозавром. И каждый раз, в самый последний момент, когда надежды на спасение не оставалось, появлялся я, то есть, мой бумажный человечек. Он был врачом, как отец, в смысле мой отец. Отважный доктор, преодолевая мыслимые и немыслимые препятствия на своем пути добирался до места схватки, быстро справлялся с врагами (если враги не хотели, чтобы мой герой с ними быстро справлялся, я начинал громко жаловаться, после чего мама приказывала, чтобы папа с Катей сделали по-моему), и вылечивал остальных героев. У меня всегда была цель — помочь, спасти, именно ради нее

совершались подвиги. Я бредил врачеванием лет с трех, как говорит мама. Мечтая стать похожим на отца, я бинтовал Катиных кукол и прикладывал к их пластмассовым телам стетоскоп, заметьте, настоящий.

— Олег, ужинать будешь? — Магию момента развеивает свет из коридора, когда Аля распахивает дверь спальни.

— Не сейчас. Я занят, — отвечаю не грубо.

— Чем же? — Она плотно прикрывает за собой дверь и подходит.

— Смотри, что у меня получается. Перед тобой поляна, видишь? В центре нее горит костер, — указываю на темную стену, освященную неровным овалом.

— А это ящерица?

— Нет, собака.

— Совершенно не похоже на собаку.

— Вообще-то я более двадцати лет не занимался ничем подобным. Не придирайся.

— Хорошо. — Аля обнимает и прижимается к моей спине. — Ты подумал над моим предложением?

— Каким? — Делаю вид, то не понимаю о чем она, сам же внимательно рассматриваю собаку-ящерицу, пытаюсь понять, что не так, почему у поделки получились такие короткие передние лапки.

— Насчет бизнеса. Ты уже полгода ничем не занимаешься, а у нас свободная квартира простаивает. Помнишь, я показывала тебя приблизительный подсчет прибыли, если мы начнем ее сдавать посуточно? Местоположение удобное — хоть и не центр города, но рядом с остановкой.

— Сначала нужно сделать ремонт, обставить ее, дать объявление. — Прикидываю объем работы.

— Вот именно. Дел море, а я со своими проектами и без того ничего не успеваю. Машин бывший молодой человек как раз занимается сдачей квартир в аренду. Он неплохо зарабатывает.

Киваю Але и сметаю все свои поделки в пакет, который несусь к мусорному ведру. Мое главное увлечение последних пары месяцев кажется глупым и детским, когда речь заходит о деньгах. Если бы Аля только знала, как сложно думать, когда бесы в голове водят хороводы и поют песни, причем, не попадая ни в одну ноту. Вероятно это потому, что у меня у самого нет музыкального слуха, откуда ему появиться у моих демонов?

Они постоянно шепчут что-то, причем все разом и в оба уха. Раньше они просто повторяли за мной слова по несколько раз, создавая аналог эхо, словно я говорил в пустой огромной комнате или пещере. Теперь они стали наглее. Шепчут, шепчут, шепчут, а не разобрать ни предложения, ни мысли.

Срочно позвонить и заказать банк уже давно закрыт, но нужно пойти на балкон и взять свечу.

И лишь на балконе я понимаю, что свечи мы храним в коридоре на верхней полке, а в коридоре меня осеняет, что свечи мне и вовсе не нужны. Бесы, захватившие мою душу, внушают мне свои мысли.

Я смотрю на Алю, читающую книжку на диване. Она очень похудела за последнее время, потому что я стал плохо за ней ухаживать, не могу контролировать, обедает она в офисе или нет. Даже вход в здание «Flowers» мне заказан после того, как я забыл тем

страшным вечером сменить пароли, и какие-то умельцы, которых поймали через пару недель, отформатировали наши сервера, лишая нас написанного за последние пару месяцев кода. К счастью, моя официальная должность в компании не подразумевала какой-либо материальной ответственности, поэтому Сергей не смог подать в суд.

Ее волосы собраны на затылке в небрежный пучок мягкой резинкой, растянутые домашние штаны облегают круглую попку, приглашая погладить или даже легонько шлепнуть. Аля лежит на животе, и носок ее левой ножки, спрятанный под шерстяным цветастым носком, чертит произвольные фигуры в воздухе. Она хмурится и делает пометки на полях. Аля не показывает мне, что именно читает, но я и так знаю, что это очередная книга о шизофрении. В последнее время она стала слишком активно интересоваться моим заболеванием и методами лечения.

Она поднимает голову, широко улыбается мне и посылает воздушный поцелуй розовыми мягкими губами. Уже два года, как я единственный ежедневно пробую эти губы на вкус, вдыхаю аромат нежной кожи, ощущаю влажность ее возбуждения. Аля мне не изменяет, несмотря на мою затянувшуюся депрессию. Она сама так говорит, и я ей верю. Пока что верю.

Улыбаюсь в ответ и опускаю глаза в свою книгу, но тут же снова поднимаю, когда Аля окунается в чтение. В груди екает, а в голове раздается хлопок, словно все мои бесы разом ударили в ладоши.

Взять со стола пульт от телевизора и подоконник заставлен цветами, которые кричат, не переставая, и мешают нам спать.

Разозлившись, я хватаю пульт и решительно подхожу к подоконнику, резко отдергиваю штору и понимаю, что там нет никаких цветов. Вообще в квартире Али не имеется растений. Оборачиваюсь и смотрю на нее. Как они могут мешать нашему с Алей спокойному сну, если их не существует? Вопрос ставит в тупик.

Слуховые галлюцинации, или, говоря проще, голоса в голове, впервые появились после того, как мой несчастный организм напичкали таблетками.

— Олег, почему ты на меня так смотришь? — Аля приподнимается на руках, она уже не улыбается.

Неужели она подмешивает в мою еду лекарства? Делаю шаг назад, упираюсь спиной в стену и вздрагиваю. Она каким-то образом узнала, что я не пью нейролептики, и теперь пичкает меня ими тайно. О Боже.

— Олег, что случилось? Не пугай меня, пожалуйста, — она привстает на колени, ее домашняя майка сползла с плеча, практически полностью оголив аккуратную левую грудь с напряженным сосочком, но меня сейчас волнует другое. — Олег?

Отрывок 19. Балансирующая на грани

Контролем называется процесс обеспечивающий достижение цели.

«У меня все под контролем. А ты обещала мне верить».

Посуда в нашем доме бьется почти каждый день. Каждый чертов гребанный день, когда он со мной не разговаривает, грустит, начинает вдруг говорить сам с собой.

Что есть контроль, когда нет цели? Разве можно что-либо предпринимать, когда ты не знаешь даже примерных координат пункта назначения? Я понятия не имею, в какую сторону мы движемся, и движемся ли.

«Нет ничего страшнее, чем увидеть своего ребенка в луже его собственной крови», —

сказала мне как-то его мама.

Своих детей у меня пока нет, поэтому, допускаю, что я не смогу до конца понять чувства Инны Викторовны, могу лишь сказать, что мне не довелось испытать в жизни нечто ужаснее, чем каждый день замирать напротив входной двери в квартиру, психологически настраиваясь увидеть своего любимого мужчину мертвым или умирающим. Отказывающимся жить. Бросающим меня.

Каждое утро, перед тем как уйти на работу, я целую голову Олега: лоб, виски, затылок, макушку, в зависимости от положения, в котором он спит. Олег не знает об этом маленьком ритуале, но я всей душой надеюсь, что наполненные заботой касания моих губ помогут ему разгладить колючие, доставляющие дискомфорт мысли, прояснить затуманенные лекарствами эмоции.

Я живу с человеком, мечущимся от депрессии к маниакальной заботе обо мне по сто раз на дню. Как я могла раньше не замечать странностей его поведения? В какой момент его курс на выздоровление поменялся? В одну из сотен ситуаций, когда он, не думая о себе, о своем балансирующим над безумием рассудком, словно щитом заслонял меня от внешнего мира?

Разрыдаться в одиночестве — теперь самая большая роскошь, на которую можно рассчитывать. Совесть не позволяет даже снять гребанный номер в гостинице, чтобы пожалеть себя как следует, потому что это эгоистично по отношению к нему. Каждую свободную минуту я стремлюсь провести с Олегом, чтобы он не дай Боже не почувствовал себя никому не нужным. Как было после потери единственного родного ему человека несколько лет назад.

Недавно он спросил, изменяю ли я ему, и мне показалось, что мой ответ ему безразличен, просто хотелось услышать правду, чтобы знать. Олег больше не показывает свои дневники, все меньше интересуется внешним миром, замыкается в себе.

Каждый день я мысленно занимаюсь поиском виновного в возникновении его заболевания, снова и снова прокручиваю в голове известную информацию о событиях, повлекших за собой первый рецидив. Катя сказала, что мне необходимо кого-то обвинить, чтобы избавиться от угрызений собственной совести. Пусть так, но враги были определены с математической точностью.

Очагом зарождения его «бесов» стала Алина, вернее, случившееся с этой несчастной девушкой. Изрядно подлили масла в огонь родители, которые вычеркнули своего ребенка из жизни в момент, когда он облажался. В тот сложный для Олега период никто не задался вопросом, какого ему было хоронить жену? Всех беспокоило лишь то, что он дал ей слишком много лекарства, отчего хрупкое сердце дало сбой, а ослабленный после аварии организм не выдержал.

Подобно тому, как кошки убивают своих слабых и больных детенышей, родители Олега перестали считать его человеком после определения диагноза. Он прекратил быть для них личностью, претендующей на собственную жизнь, способную обходиться без снисхождения.

Объединившись против всего остального мира «нормальных людей», мы строим свой собственный. По крайней мере, я стараюсь мастерить каркас, ежедневно придумывая ему причину вставать с кровати.

— Как продвигается ремонт? — Заполняю холодильник купленными в супермаркете продуктами.

— Нормально. — Пожимает плечами. — Мне не понравилось, как покрасили стены.

завтра будут переделывать.

— Неровно? — Высыпаю из пачки в вазочку перед ним обжаренные кешью.

— Если освещение дневное, создается иллюзия, что стены идеальные, но когда включаешь лампы, появляются светлые пятна. В общем, я не доволен. — Берет горсть орехов и отправляет в рот, а я, быстро переодевшись в удобную одежду, принимаюсь за ужин. Готовлю я достаточно быстро, потому что заранее налепила и заморозила котлет.

— Как на работе? — спрашивает Олег, высыпая из пакета оставшиеся орехи.

Отрывок 20. Балансирующий на грани

— Потерпи, милый, скоро будет горячий ужин. Не порть аппетит. — Отодвигает от меня лакомство. Она хочет, чтобы я как можно больше съел за ужином. Изучаю ее исподлобья. Уже несколько дней я стараюсь не есть то, что она готовит, и, кажется, чувствую улучшение.

— Так что на работе? — повторяю вопрос.

— Ничего интересного. А, чуть не забыла. Представляешь, Вера Анатольевна уволилась.

— Не может быть.

— Сама не могу поверить. Ей предложили место на госпредприятии, и она воспользовалась возможностью смотаться от меня как можно скорее. Все-таки я научилась давать этой ведьме отпор. Благодаря тебе, кстати. — Целует меня в щеку и возвращается к плите. Меня окружают аппетитные запахи свежеприготовленного ужина, заедаю слюну орехами, которых украдкой заграбастал целую горсть, пока Аля не видит.

— Теперь, как я понимаю, ты работаешь напрямую с Дмитрием?

Она поворачивается, грозит мне пальцем:

— Прекрати таскать орехи, я же слышу, как ты хрустишь. — Смеется, когда я прячу руки за спиной. — Да, с Дмитрием, но, надеюсь, ненадолго. Скоро они подыщут кого-нибудь на должность Веры Анатольевны.

— Вы теперь каждый день будете общаться?

— Вероятно, — пожимает плечами. — А ты ревнуешь что ли? — Ставит передо мной тарелку с ужином.

Чувствую горечь во рту, и чем вкуснее пахнет еда на тарелке, тем сильнее ощущается привкус одиночества.

— А у меня есть повод? — Беру вилку и мешаю картофель, искривляющая губы улыбка выходит, должно быть, слишком вымученной.

— Конечно, нет, Олег, не выдумывай. — Садится рядом со мной, наливает себе чай. — Мы с тобой уже обсуждали, что ты у меня единственный.

— Просто жду, когда тебе надоест возиться с шизофреником.

Если еще не надоело. Продолжаю мешать еду, представляя себе подтянутую фигуру блестящего бизнесмена, который сейчас каждый день общается с моей Алей, соблазняя ее перспективами «нормальной» жизни.

— Ты опять несешь чушь. — Отпивает из чашки. — Кушай, а то остынет.

Я машинально подношу вилку с порцией мяса ко рту, и тут меня осеняет.

— А ты почему не ешь? — Прищуриваюсь.

Она пожимает плечами.

— Что-то не хочется. Я завтра доем, что останется.

«Вернее, выброшу отравленную нейрорептиками еду в унитаз, чтобы ты ничего не заподозрил о нашем воссоединении с Дмитрием», — мысленно заканчиваю за нее.

— Олег, что опять случилось? Я что-то не так сказала? — Подносит руку к моей щеке, а ее грубо отталкиваю.

— Олег, перестань, пожалуйста. Я боюсь, когда ты такой.

— Какой?

— Как будто ненавидишь меня.

— Опыт убийства жен у меня имеется, от тебя этот факт никогда не скрывали. — Поднимаюсь и ухожу в ванную комнату, а потом, после часа отдыха в горячей воде, иду в зал и несколько часов смотрю телевизор, пока она читает в спальне. Я засыпаю на диване, скорчившись от холода и беззвучно ругаясь со своими бесами, гадая, сколько мне нужно не есть, чтобы галлюцинации прошли. Бесы болтают, что около двух недель, но я же умный человек, понимаю, что Аля может подмешать отраву в воду. Например, испортить фильтр или как-то засунуть в кран. Я не смогу просчитать все варианты, психиатры сговорились с Дмитрием и надоумили ее. Они очень коварные, давно уже составили миллион планов, как затащить меня обратно в больницу. Но я тоже не дурак, буду бороться до последнего.

Ночью Аля укрывает меня одеялом и ложится рядом, потеснив и заставив ее обнять, так как иначе мы бы не поместились на недостаточно широком диване. Все-таки, хорошо, что Аля на моей стороне, она мне обязательно поможет справиться, — думаю, засыпая.

Отрывок 21. Балансирующая на грани

Первое, что я вижу, проснувшись, — это выпученные глаза Олега на расстоянии десяти сантиметров от моего лица. Дернувшись и ударив его лоб своим, я резко сажусь, потирая ушиб, он занимается тем же.

— И тебе доброго утра, — шипит. — Ты что дерешься?

— Не делай так больше.

— Не смотреть на тебя?

— Ты понял, о чем я, — направляюсь в ванную, где, закрывшись, несколько минут тру лицо, периодически ополаскивая прохладной водой. Медленно оборачиваюсь и смотрю на дверной замок, который закрыла, потому что не хотела, чтобы он шел за мной.

Ко всему можно привыкнуть, подстроиться, принять недостатки мужчины, с которым живешь, когда есть надежда на улучшение, пока в памяти живы воспоминания о том, каким он может быть в период ремиссии, но прятать дрожь, возникающую от его пристальных, наполненных недоверием взглядов невозможно. Иногда он смотрит как на врага, с которым нужно бороться, словно оценивая способности противника, продумывая тактику, отмечая слабые места. И мне становится по-настоящему страшно, против воли всплывают в памяти предупреждения друзей и родственников о том, что Олег может ненамеренно навредить мне, но я упорно отказываюсь верить в возможность подобного. А как иначе мне с ним жить?

Вечером я обнаруживаю его на балконе в футболке и домашних шортах. Он, скорчившись, трясется от холода, посиневшие губы плотно сжаты, в попытке сдержать стук колотившихся друг о друга зубов. Быстро завожу его в комнату, укутываю одеялом и обнимаю.

— Мой хороший, на улице же так холодно, зачем ты сидел в лоджии?

— Мозг нагрелся, я подумал, что смогу его остудить таким образом. Аля, мне так жаль, что я больше никогда не смогу лечить людей. В последнее время часто об этом думаю, вспоминаю годы учебы в мединституте, ординатуру и общение с пациентами. А когда я об этом думаю, мозг начинает плавиться, а если я ничего не сделаю, он окончательно растает, и

тогда я сойду с ума.

— О, Боже мой, что же нам теперь делать, — шепчу я, растирая замерзшие широкие плечи, поле чего приношу воды, и он выпивает снотворное.

Когда Олег засыпает, я звоню его маме и договариваюсь о встрече завтрашним утром. Так больше не может продолжаться, прописанные доктором лекарства ему не помогают, и Олег не в состоянии себя вылечить самостоятельно, мне придется принять меры, я не могу больше верить ему.

Следующим утром Олег ведет себя как ни в чем не бывало. Извинился за вчерашний инцидент, сославшись на новые таблетки, заверил, что больше такого не повторится. Он весел, но от кофе, который я сварила, отказывается, сказав, что теперь предпочитает не завтракать. Целует меня в губы и отправляется в квартиру, контролировать очередной этап ремонта, а я, подбросив его до остановки, направляю автомобиль в сторону дома его родителей. Не скрою, мне намного удобнее встретиться с Инной Викторовной в городе, но именно сегодня она не работает, а, может, специально ради меня взяла отгул. Что поделаться, через полчаса я преодолеваю черту города и прибываю в небольшой поселок, дом в котором стоит как несколько моих квартир.

Николая Николаевича в то утро дома не оказалось, он должен как раз проводить срочную операцию в «Больнице скорой медицинской помощи», поэтому двухэтажный особняк в нашем с Инной Викторовной распоряжении.

— Привет, проходи, — приглашает она в гостиную. Не спрашивая, хочу ли я что-нибудь, приносит из кухни поднос, на котором расположились две фарфоровые чашечки, наполненные черным кофе без сливок и сахара.

— Это очень хороший настоящий кофе, выращенный на Ямайке. В России его не так просто достать. Нам каждые полгода привозит некоторый запас мой двоюродный брат, он большой любитель путешествовать. Ты попробуй, потом скажешь свое мнение. А я пока принесу альбом с фотографиями.

И пока я дегустирую крепкий, горьковатый, но действительно невероятно бодрящий и проясняющий мысли напиток, мама Олега успевает подняться на второй этаж и вернуться с большим альбомом. Усаживается рядом со мной, открывает на первой странице.

— Вот смотри, здесь его только принесли из роддома.

Невозможно не улыбаться, глядя на то, как тепло отец Олега прижимает к себе небольшой сверток. Николай Николаевич, казалось, за тридцать лет совсем не изменился, только волосы в то время были не седые, а просто светлые и коротко остриженные. Такой же собранный, серьезный мужчина, привыкший держать в руках жизни и здоровье пациентов. Рядом на фото изможденная, худая, как трость, но счастливо улыбающаяся Инна Викторовна с ярко-накрашенными губами, и чем-то недовольная, насупившаяся Катька.

Инна Викторовна медленно листает страницы, комментируя. «Вот здесь Олег пошел в первый класс», «а тут он получил свою первую грамоту за выигранную школьную олимпиаду»..., «закончил школу с отличием», «а тут ему только исполнилось двадцать, они с Алиной приехали к нам в гости, чтобы сообщить о помолвке». При этих словах лицо мамы Олега мрачнеет, она тяжело вздыхает и позволяет взять альбом из ее рук. Не могу сказать, что было скучно смотреть на детские фотографии Олега, напротив, довольно забавно искать и находить внимательный прямой взгляд и привычное задумчивое выражение на детском лице, словно Олег даже в пять лет имел собственное мнение относительно окружающих людей, происходящих событий. Смотрел несколько отстраненно, будто обдумывая диагнозы.

А вот легкая, снисходительная улыбка мне незнакома. Если Олег улыбался при мне, всегда делал это широко и искренне.

Фотографии же с Алиной побуждают вцепиться в альбом и задержать дыхание, я жадно рассматриваю эту парочку, пытаюсь найти ответы на свои вопросы. На этой фотографии волосы Олега уже опущены до подбородка, серые глаза смотрят насмешливо, словно он неудачно пытался скрыть свое предвзятое отношение к фотографу. Уголки тонких губ презрительно приподняты, подбородок вздернут. Весь его вид выражает осознание собственного превосходства, причем Олег выглядит настолько естественно, что хочется принять факт его величия как истину, и ни в коем случае не обижаться. Рядом с ним невзрачная невысокая девица в длинном светлом сарафане. Первая мысль — серая мышь. Тонкие русые волосы убраны за не проколотые уши, добрая улыбка освещает овальное, непримечательное лицо, с узко посаженными глазами и вздернутым маленьким носом. И если бы не прямая осанка, то Алина и вовсе потерялась бы на фоне обнимающего ее самоуверенного молодого человека. Я прищуриваюсь. Нет, определенно, она была не так проста, как может показаться на первый взгляд, в ее глазах читается что-то едва уловимое, способное влиять на людей. Словно в подтверждение моих слов Инна Викторовна говорит:

— Они познакомились на первом курсе, несколько лет дружили, после чего она подстроила обстоятельства так, чтобы Олег на ней женился. Очень хитрая девица.

— Каким же образом? — удивляюсь я. — Насколько мне известно, у них не было детей.

— Уж не знаю, каким образом, но это именно она сманила его в сторону психиатрии и уговорила переехать в Украину. Если бы он остался здесь, рядом с домом, то ничего бы не случилось. — Инна Викторовна закусил губу, не отрывая взгляда от фотографии, задумчиво кивнула сама себе. — Я допустила ошибку, когда позволила ей забрать его у нас. Еще Колю уговорила отпустить сына по-хорошему. Нужно было настоять, заставить его остаться в России, тогда бы Олег не заболел.

— Вы не могли предугадать случившееся.

— А следовало бы. Он стал звонить реже, а потом и вовсе перестал. После аварии Олег принял решение ухаживать за ней самостоятельно, отгородился от всего мира. Днем, правда, приходила сиделка или Алинины родители, а вечером и ночью он все делал сам. Заботился о ней, давал лекарства, подбадривал, хотя не было никакой надежды, что она когда-нибудь поправится.

— Она не могла ходить?

— Хуже. Была полностью парализована ниже подбородка. И ни одного шанса на улучшение.

— О Боже.

— Когда случилась авария, Олег позвонил отцу, потребовал, чтобы тот бросил все и немедленно прооперировал Алину, потому что Коля действительно один из лучших хирургов страны, но он не смог прилететь.

— Почему?

— У нас как раз случилась катастрофа, может, помнишь... хотя, вряд ли. Перевернулся школьный автобус, десять ребятишек попали в реанимацию. Николай две недели не вылезал из клиники, собирая их по частям. Практически всех удалось спасти. С тех пор у них с Олегом начался конфликт.

— Олег считает, что отец предал его?

— А как бы поступила ты на его месте? Как бы поступил сам Олег? Бросил бы

умирающих детей, чтобы заняться пациенткой, шансы которой близки к нулю?

— Я не знаю.

— Никто не знает ответа на этот вопрос, но Коля остался дома, Алину оперировал другой, кстати, тоже талантливый хирург, результат его работы тебе известен. Днем Олег работал с психически больными пациентами, вечерами оставался один на один с парализованной женой. В то время мы напрочь потеряли с ним контакт.

— Дети всегда на первом месте, так скажет любой здравомыслящий взрослый человек. В первую очередь, нужно спасать детей.

— Думаю, Олег это понимает. Но правда остается таковой. Коля сделал выбор и потерял сына, разум которого не смог выбраться из ловушки, которую уготовила судьба. Ты бы видела его состояние, когда после вскрытия сообщили, отчего умерла Алина, что в остановке ее сердца виноват именно он. Я думала, он голову себе разобьет о стену, мы понятия не имели, что делать. Прокурор требовал показания, вызывал его на допросы. Встал вопрос о лишении лицензии. Мы не выдержали и отвели его к психиатру. Лечение заняло несколько лет, после чего он, кажется, стал возвращаться к жизни. А теперь безумие снова поглощает его, разрушая все достигнутые за это время успехи.

— Вините в этом меня? — Закрываю лицо ладонями, не в силах смотреть в глаза сидящей рядом женщины. С минуту она молчит, потом гладит меня по голове.

— Ты должна понять, что его болезнь — это не война, и мы не враги вам.

— Кажется, теперь Олег каждого считает своим врагом, даже меня.

— Вот взгляни, — Инна Викторовна поднимается и подходит к столу, достает из своего ежедневника белый неподписанный конверт, протягивает мне.

Внутри крохотная измятая записка. Косые буквы на неровно вырванном из тетради в клеточку клочке бумаги: «Демоны повсюду хотят убивать не слушай закрой уши»

— Что это?

— Записка Пестрова. Ты сказала, что Олегу нужно знать о ней. Хочешь — отдай ему ее сама.

— А может быть такое, — я продолжаю говорить после того, как прочистила горло, — что Олегу стало хуже раньше, до несчастного случая с Алиной? Что он был неспособен правильно рассчитать дозировку именно из-за шизофрении?

— Никто не знает. Поговори с его лечащим врачом. Может, он сможет помочь тебе. Я понятия не имею, что делать. Под замок его сажать бесполезно. В больницу вы его помещать отказываетесь, а я каждый раз чувствую себя монстром, когда настаиваю на госпитализации.

Она говорит тихо, устало потирая лоб, словно сейчас не десять часов утра, а поздний вечер. Впервые я так близко к Инне Викторовне и могу рассмотреть глубокие морщины, оставленные возрастом и печалью. Ее благородная внешность, идеально уложенная прическа, сидящий по фигуре отличный костюм восхищают, создавая образ преподавателя, известного доктора, но именно сейчас я вижу перед собой лишь растерянную, лишенную надежды мать.

— Аля, я его уже похоронила. Ты не пугайся моих слов, но иначе я не смогла бы жить. Я его похоронила тогда, когда снова нашла умирающим в ванной. Я никому не говорила, но... первой мыслью было дать ему спокойно умереть, уйти и прекратить эту борьбу, которая медленно высасывает силы из нас всех. Разумеется, в следующую секунду я набрала номер скорой и принялась его откачивать, но эта первичная идея навсегда поселилась в голове. Словно я простилась с ним в тот раз, в ту секунду.

— Я не знаю что сказать, — растерянно бормочу.

— Если в тебе есть силы — борись за него, — горячо продолжает она. — Я сделаю все, что ты скажешь. Помогу всем, чем смогу, но подсознательно я каждую минуту ожидаю известия, что его больше нет.

Моя машина, преодолев трассу, находит место на парковке у парка, отказываясь ехать куда-либо еще, пока ее хозяйка, то есть я, не придет в себя после разговора. На самом деле у меня спустило колесо, и пока насос его накачивает, я решаю обдумать дальнейший ход действий. Перечитываю на несколько раз записку, словно надеясь, что в ней закодирован способ спасения моего шизофреника. Глупости, откуда этот сумасшедший старик, «Хемингуэй», мог знать, что происходит с Олегом? «Демоны повсюду хотят убивать не слушай закрой уши», — эта фраза выбивает из колеи, вызывала холодок по позвоночнику и желание сесть за руль и уехать, куда глаза глядят. Давить на газ, пока не кончится бензин в баке, пока не наступит новый день, приносящий новое решение, новую надежду. Новую жизнь. Наверное, Инна Викторовна права, не следует Олегу показывать эту записку. Вдруг подает голос сотовый — меня срочно вызывают на работу. Я заканчиваю чинить колесо и сажусь за руль.

Задержавшись в офисе дольше, чем необходимо, с целью обдумать, стоит ли показывать Олегу записку Пестрова, я не заметила, как стрелки часов подбежали к полуночи. Мобильный и рабочий телефоны молчат, на мое смс о том, что появлюсь дома поздно, Олег ответить не соизволил. Родившаяся в голове спонтанная идея — а не сбежать ли мне к маме под предлогом ее плохого самочувствия, которое бы она могла изобразить по моей просьбе, — решительно отвергнута. Во-первых, шутить со здоровьем родителей не стоит, а во-вторых, такой поступок выглядел бы слишком трусливо с моей стороны, я перестала бы себя уважать. Одевшись и положив перечитанную на сто рядов записку в карман куртки, я покидаю офис и направляюсь к машине. Из-за моего непростительного опоздания на работу пришлось припарковать автомобиль через квартал от места расположения офиса, так как рядом с «Flowers» негде было велосипед бросить, не то, что «четырёхколесного друга».

В современном мире передвигаться по городу ночью не страшнее, чем днем. Улицы отлично освещены благодаря не только часто установленным фонарям, но и десяткам рекламных вывесок и баннеров. В паре метров проносятся автомобили, то и дело встречаешь поздних прохожих. Именно так я себя успокаивала, когда, свернув в переулок, почувствовала, что кто-то идет следом. Как обычно поступают в таких случаях, я ускоряю шаг, мимолетно оглянувшись — крупный мужчина, прятая лицо под капюшоном, не отстает. И людей вокруг становится меньше, и небо над головой темнее, а каблучки выше и неудобнее. Глупости, тревожность Олега, кажется, заразна.

Посмеявшись над необоснованными страхами, я подхожу к небольшому парку, раздумывая, сократить дорогу через сквер и добраться до машины за пять минут, или же продолжить идти по улице и потратить на тот же путь не менее десяти? Поразмыслив долю секунды, я продолжаю путь по тротуару, опасливо косясь за спину. И в тот момент, когда, поддавшись панике, я выбрала более безопасный путь, я пугаюсь по-настоящему, словно добавив реальности воображаемой угрозе.

За небольшим и уютным сквером располагается старый пятиэтажный дом, во дворе которого я оставляла машину десятки раз, в каждый из которых смело шла через парк, погруженная в мысли о предстоящих сделках или поставках, не оглядываясь. Сейчас же

колени предательски подкашиваются, а сердце набирает обороты. Не без раздражения припоминаю, что в течение дня возникала идея переставить машину поближе к офису, как только начнет темнеть, но я поленилась. Тот самый дом, рядом с которым стоит машинка, мое спасение, с каждым движением становится ближе, я визуализирую, как сажусь за руль, закрываю замки на всех дверях и еду домой, набираю номер Олега и прошу, чтобы он встретил меня у стоянки. Шаги за спиной слышатся все отчетливее, я вздрагиваю, когда ботинок преследователя с громким всплеском погружается в лужу, чему следует невнятное матерное ругательство, произнесенное хриплым голосом. Случившееся спокойствия не добавляет.

Поворачивать обратно слишком поздно — до оживленной улицы расстояние такое же, как и до машины, столкнуться лицом к лицу с незнакомцем не хочется, доставать телефон страшно, так как этот жест может спровоцировать предполагаемого преступника к более решительным действиям. Совсем рядом шуршат спортивные штаны, брякает застёжки на куртке, доносится кашель. Незнакомец равняется со мной и в тот момент, когда он должен меня обогнать, а ведь в глубине души я не сомневаюсь, что опасность, исходящая от идущего позади мужчины, не более чем плод моего больного воображения, он спрашивает:

— Почему такая красивая девушка гуляет ночью в одиночестве? — насмешливо и низко.

Вздрагнув от неожиданности, я позволяю себе рассмотреть возвышающегося надо мной на полголовы незнакомца, по-прежнему прячущего под темным капюшоном взгляд или намерения по отношению ко мне. Его черная, неухоженная щетина, мятая одежда и душок перегара завершают образ маньяка-психопата. Шаг я не замедляю.

— Меня встречает муж, давайте разойдемся по-хорошему, — крепче прижимаю к себе сумку, вспоминая, что ценного в ней лежит и насколько проблемным будет сейчас с ней расстаться. Права, паспорт, кошелек, несколько кредиток, телефон.

— Да никто тебя не встречает, мэм. А вот я провожу. К себе домой. Пошли, тут недалеко. Заварю чаек, то да сё.

— Идите куда шли, — грубо отвечаю, припоминая, что на лавочках во дворе дома, как раз недалеко от того места, где я бросила машину, частенько собирается молодежь, распивая пиво, ругаясь с бабушками, живущими на нижних этажах. Подбодрившись идеей, что при свидетелях идущий рядом пьяница не посмеет распускать руки, я добавляю: — Отойдите немедленно, а то я вызову полицию, — голос звучит уверенно, на пару секунд незнакомец действительно отстает, но потом снова возникает рядом уже с другой стороны, а я вижу в пятидесяти метрах от себя машину, освещенную скудным светом единственного в запущенном дворе фонаря. Днем этот двор казался милым, хоть и неухоженным. Летом утопал в зелени. Он был старым, неубранным, но никогда не виделся опасным.

— Ну и где твой муж? Заканчивай ломаться, мэм, видно, что ты тут не просто так гуляешь, — он открывает лицо и подмигивает подбитым глазом, дотрагивается до плеча, после чего я дернулась и рванула вперед.

— Куда?! Стой, дура! — Он настигает у машины, дергает за руку, поворачивая к себе. — Врунья. Меня бесят вруньи. Деньги и цапки гони, — выдыхает мне в лицо смесь перегара, лука и жареного мяса. Запаниковав, я прижимаю к груди сумку, планируя в следующую секунду вручить ее ублюдку, а самой, достав из кармана ключи, прошмыгнуть в машину. Судя по затуманенному взгляду мужчины, ему нужны деньги на выпивку или наркотики, у меня практически нет наличных, но часы и серьги можно продать неплохо. Лишь бы не трогал.

— Пожалуйста, я заплачу, только...

— Заплатишь, но сначала поработаешь ртом, мэм.

Увы, моя сумка и украшения его не интересуют, по крайней мере, пока. Он наваливается всем телом, прижимая к машине, я попыталась драться, на что слышу:

— Заткнись, сука, у меня нож, — гаркает он и скалится. Сердце провалилось куда-то вниз, паника парализовала, лишая возможности сопротивляться. Этого не может быть, только не со мной. Снова пытаюсь его отпихнуть и вырваться, но он ошарашивает новой угрозой разукрасить мою физиономию, если не успокоюсь. В матерной форме.

— Расстегивай куртку, дура, если не хочешь, чтобы я тебе ее порвал, — шарит по верхней одежде.

В этот момент, когда мои одеревеневшие от ужаса пальцы касаются пуговиц, а мозг хаотично ищет выход, по стеклу машины стучат. Что самое удивительное — с внутренней стороны. И я, и насильник замираем, переводим взгляды на окно пассажирского сидения, за которым четко проглядывается лицо Олега. В следующую секунду он выходит из машины, а незнакомец, извиняясь, пятится назад, причем так быстро и умело, что в момент, когда Олег подходит, тот уже скрылся в тени дома.

— Боже, как хорошо, что ты здесь! — Облегчение кружит голову, кажется, еще немного и я грохнусь в обморок. Мутит. Бросаюсь к Олегу, не веря в удачу и благополучное стечение обстоятельств, которые привели Олега в мою машину. Судя по заспанному лицу, он задремал, пока дожидался. — Ты не представляешь, как я испугалась! — Вцепляюсь в его кутку, дрожа всем телом, мечтая разделить свой ужас, наслаждаясь облегчением и ощущением безопасности. С тех пор, как мы познакомились, Олег стал мне поддержкой, главной опорой в жизни. Учил быть счастливой, не обращать внимания на мнения других людей, получать удовольствие от секса, еды, простых объятий. А теперь он спас меня от ограбления и, возможно, насилия.

Воспользовавшись его расстегнутой курткой, я протискиваю руки под одежду и прижимаюсь так сильно, что если бы он вздумал застегнуть молнию, мы бы оба поместились под его одеждой. От моего напора Олег охает, но в ответ не обнимает.

— Это кто? — спрашивает довольно грубо. Недовольство в его голосе режет по ушам, в этот момент я мечтаю услышать или что-нибудь ласковое, или его крик на тему: какого черта я шляюсь по ночам в одиночестве? Я заслуживаю и первое, и второе в равной степени.

— Понятия не имею. Прицепился на улице Стасова и шел следом. Я себе и представить не могла, что он начнет приставать. Вокруг, как назло, ни души. А ты как здесь оказался? Любимый, ты будто почувствовал, что нужен мне, — и снова цепляюсь за его плечи, но Олег отстраняется на расстояние вытянутых рук.

— Я спрашиваю, кто это, Аля? — ледяным тоном произносит он. — Это не Дмитрий и не Сергей, я бы узнал.

— Я клянусь, что не зна...

— Не лги мне!

— Олег, ты не видишь что ли? Меня до сих пор трясет, я не имею ни малейшего понятия, кто этот алкоголик, который приглашал к себе в гости. Ты же не думаешь, что я с ним... — брезгливо скривила лицо, все еще ощущая тошнотворный запах.

— Не знаю, что думать. Я приходил к тебе в офис сегодня днем — тебя не было в кабинете.

— Мне не передавали.

— Я прождал тебя на улице, у входа в бизнес-центр до девяти, потом решил прогуляться и нашел машину, спрятанную в этом дворе. Ты, видимо, забыла, что я знаю об этом месте.

— Олег, днем у меня были дела, но на работе я появилась в четыре. Понятия не имею, почему ты не видел, как я захожу в здание. Да спроси хоть у Нины или охранника.

— Вы все в сговоре! — злится он, ударяет ладонями по машине.

— Да нет же! Днем я была у твоей матери, спроси у нее. Или ты считаешь, что она тоже хочет скрыть мою измену тебе?

На его лице впервые отражаются сомнения в собственных убеждениях.

— Зачем ты ездила к маме?

— Чтобы поговорить о тебе. Олег, может, поедем домой? Мне не по себе здесь, — я опасно оглядываюсь. Из окна третьего этажа на нас в упор смотрит полный лысый мужчина, голый по пояс. Надеюсь, что по пояс. Олег тоже замечает свидетеля нашей семейной разборки и кивает, открывая мне дверь, затем усаживается рядом, и я выруливаю, наконец, с ужасного двора, в котором едва не случились страшные вещи. Утром позвоню полиции. В голове не укладывается, что недалеко от оживленного проспекта можно встретить подобных людей. Возможность в любой момент дотронуться до Олега невероятно успокаивает. Я начинаю храбриться, убеждая себя, что инцидент исчерпан, говорить о нем не стоит. Будет мне уроком на будущее.

— Так зачем ты ездила к маме? — в его голосе звучит недоверие. Дорога практически пустая, поэтому я могу позволить себе отвлекаться на серьезный разговор.

— Хотела поговорить о тебе. Милый, я вижу, что тебе становится хуже, и очень хочу помочь. Пожалуйста, не обижайся на меня за эту поездку. И перестань думать, что у меня есть отношения на стороне.

Он молчит некоторое время.

— И что она тебе сказала?

— Да ничего особенного. Показала твои детские и юношеские фотографии.

— Говорили об аварии?

— Немного.

Следующие пятнадцать минут в машине звучат голоса лишь полуночного ди-джея и нескольких исполнительниц нашей и американской эстрады.

Остановив машину, я взглянула на Олега.

— Ну что, идем...

Его прищуренные словно в попытке прожечь душу серые глаза заставляют осесть и замолчать, а в тот момент, когда они встречаются с моими испуганными, я чувствую болезненный укол в сердце. Столько энергии, психологического давления в этом взгляде, что на мгновение я захлебываюсь воздухом, запаниковав. Вероятно, еще не отошла от нападения.

— Зачем ты копаешься в этой истории? — ровным голосом спрашивает он, едва шевеля губами.

— Ты пытаешься меня загипнотизировать? — пытаюсь пошутить я, с горечью отмечая, что успокаивать и жалеть меня никто не собирается. Ему вообще нет дела, что меня менее получаса назад едва не изнасиловали. — Применяешь на мне свои психиатрические штучки? — Улыбка получается ненатуральной. Ладно, с последствиями нападения справлюсь сама, обсужу на работе подробности с Ниной, она неплохой психолог. Профессия обязывает. Сейчас нужно разрядить отношения со спасителем. Снова пытаюсь улыбаться, а

он продолжает строго смотреть, словно прорываясь в мой разум, освобождая мои мысли от защитной шелухи, сдирая ее слой за слоем, стремясь к сердцевине, к самому сокровенному. Это взгляд профессионала, общающегося с тяжело больным пациентом. Взгляд человека, пытающегося отделить фантазии ото лжи, в моем случае — правдивые мотивы действий от тех, которыми можно прикрыться. Чтобы скрыть истину. Записка жжет карман.

— Почему ты не спросишь у меня напрямую? Зачем эти обходные маневры?

— Я подумала, что тебе неприятно говорить об этом.

— О чем? О том, что на моих глазах, в нескольких метрах от меня машина сбила мою бывшую жену? Или о том, что родители в этот момент порадовались, отказываясь помогать нам? А, может, ты хотела узнать детали дня, когда я совершил убийство? Аля, ты боишься меня? Ты считаешь, что меня напрасно не посадили?

— Нет, Олег, что ты. Я уверена, что это был несчастный случай. Милый, ты говоришь жестокие вещи, твой отец бы обязательно помог, но он был занят на операции.

— Дай угадаю, спасал детей, да? Ха-ха-ха, Аля! Я тебя умоляю, — он трясет ладонями перед лицом, закатывая глаза. — Аля, — вдруг становится серьезным, — жалось к детям и котяткам — запрещенный прием. От душещипательной истории с их участием любого на слезу пробивает. Не зря же ты всем и каждому до сих пор рассказываешь, как я откачал девочку у бассейна. Спас невинного ребенка! Герой! Тебе, моей матери, Кате, да всем вам до безумия нравятся подобные байки. Именно из-за того случая ты взяла меня на работу, а потом и пустила в свою кровать, признай.

Я молчу.

— Аля, мой отец не спасал детей. То есть в том автобусе действительно были дети, но они отделались легкими переломами. Мой папа делал операцию водителю и одному из пассажиров. А детские слезы были добавлены, чтобы придать трагичности случившемуся и отвлечь народ от очередного кризиса.

— Но твоя мама сказала...

— Она верит тому, чему хочет верить. А именно, что Николай Николаевич — божество, спустившееся с небес и одарившее ее своим светом.

— Так нельзя говорить про родителей.

— Ты права, я забылся. Аля, — он сжимает мой подбородок двумя пальцами и тянет к себе, — перестань собирать информацию. Мне это неприятно. Если тебе нужно что-то узнать — спроси напрямую, обещаю, что отвечу честно. Но я не смогу верить тебе, если ты будешь проводить личное расследование. Хорошо?

Киваю.

Отрывок 22. Балансирующий на грани

Разумеется, я не поверил ни единому ее слову. Она непременно продолжит выяснять подробности трагедии, повлекшей за собой смерть Алины, но страшит меня другое. Никаких сомнений, в ту ночь Алю кто-то провожал до машины. Мужчина, который, заметив меня, быстро ретировался с места «преступления». У нее роман на стороне? Интрижка? Или просто ни к чему не обязывающий секс?

Бесы, режущие мои мысли подобно шредеру, уничтожающему бумагу, я не могу заниматься с ней сексом, да что там, даже прикасаться к ней не могу, подозревая, что она мне изменяет. Трясет от одной мысли, что Аля может принадлежать кому-то, помимо меня. Я умудряюсь одновременно любить ее и ненавидеть за все хорошее, что она делает для меня, за всю боль, которую причиняет.

Застукать ее не удалось ни разу. А мне не хватает самой малости — ее признания или хотя бы одного, крошечного доказательства, чтобы оставить ее. Но отсутствие уверенности в Алиной неверности не позволяет расстаться с ней. Чувствую себя выпрыгнувшим с самолета горе-экстремалом, хватающимся за предложенный судьбой парашют. А шансы, что он раскроется один к ста. И стоило бы уже давно бросить ненужный балласт и готовиться к столкновению с землей, со смертью, так нет же, я изо всех сил, руками, ногами и зубами хватаюсь за надежду, что Аля действительно принадлежит только мне. Больно отпускать ее каждый день на работу, что стало равным объятиям другого мужчины, но я терплю, продлевая агонию, греясь в ее тепле, хотя считаю его фальшивым.

Мы как две ищейки. Она роет под меня, докапываясь до информации о прошлом, я слежу за ней, одновременно ожидая и больше всего на свете боясь увидеть ее с другим. А бесы шепчут, что дурак, что олень и неудачник. Перекрикивают громкую музыку, которую я начал часто слушать, затмевают вой пилы или рев перфоратора, когда я приделываю плинтуса или вешаю гардины в нашей новой квартире на окраине.

Аренда приносит неплохие доходы. Опасения, что мы глупо выкинули деньги на ремонт, который никогда не окупится, не оправдались. Кроме того, подобный труд не требует ответственности и нервов. Снимающие жилье люди не подозревают, что я шизик. Кажется, я нашел свое призвание. Кто бы мог подумать, что оно окажется именно таким. Но любой бизнес намного лучше, чем оригами, по крайней мере, теперь я могу купить в дом продукты, не прося денег у Али, что однозначно придает уверенности в себе, которую я совсем растерял в ходе последних событий.

Сдав в очередной раз квартиру в аренду и получив кое-какие деньги, я направляюсь к «Flowers», в окрестностях которого отныне обитаю ежедневно. Сажу либо в кафе, либо на лавочке, контролирую Алины передвижения. О, нет, в большинстве случаев свое местонахождение я не скрываю. Частенько Аля берет меня с собой, практически каждый день мы вместе обедаем, она позволяет мне оплачивать счет, якобы из моих денег, а вечером едем домой. Но иногда я преследую ее тайно. Осознаю, что перекрыл девушке кислород, контролирую каждый ее шаг, сопровождаю на встречи, ожидаю в машине у ресторанов, где они вместе с Сергеем или Дмитрием налаживают новые деловые связи. Иногда я заглядываю в окна или сажусь за соседний столик, ну так, чтобы меня никто не заметил. Мне жизненно необходимо выяснить, спит она с кем-то на стороне или нет. Выяснить, чтобы с чистой совестью оставить ее и в одиночку, не торопясь, сойти с ума. Бесы хихикают при этой мысли. Выжидают.

— Олег, что ты там делаешь? — Ложится мне на спину и забирает книгу.

— Эй, отдай, там момент интересный, — пытаюсь выхватить из ее ловких рук шедевр мировой классики. Переворачиваюсь, и Аля оказывается у меня не груди, быстро садится верхом и поднимает руки, не давая мне дотянуться до книги. Смеется. Ее халатик распахивается, демонстрируя белый лифчик, украшающий грудь. Он новый, однозначно, я такой еще не видел. Узор очень мелкий, а, если приглядеться, можно рассмотреть крошечные цветочки и... Воспользовавшись моей заминкой, Аля кидает книгу на стул, находящийся в другом конце комнаты, да простит ее бессмертный автор сего творения. Кокетливо дергает плечиками, полностью скидывая халат и открывая вид на ее грудь, едва спрятанную под кружевом белья, и мизерные трусики. Против воли моя улыбка расширяется, а член твердеет. И, конечно же, она это чувствует, ерзает на нем, что совершенно не помогает моему

самоконтролю.

— Я соскучилась, — шепчет. — Хочу, чтобы ты любил меня.

Приподнимаю ее, позволяя себе сесть, чтобы потом встать и уйти, но понимаю, что не способен оторвать руки от ее бедер, а пальцы уже лезут под трусики, проверяя, так ли нежна ее кожа, как обычно.

Аля осторожно гладит меня по плечам, словно опасаясь спугнуть, призывая к более решительным действиям. Ее прикосновения оставляют на коже разводы тепла и ласки, разжигая во мне страсть, затыкая моих демонов.

— Аля, я сейчас не в лучшей форме, давай позже.

А мои руки уже прячут под собой ее груди, массируя, заставляя ее трепетать. А мысль «застежка находится спереди» выталкивает из головы все прочие.

— Аля, я не хочу, — говорю ей, а она лишь стонет в ответ, упиваясь скудными ласками, которые я так редко теперь дарю ей. А мне так больно, нестерпимо тоскливо от понимания того, что она больше не принадлежит мне, что у меня остались лишь воспоминания. Для кого она купила это белье?

— Олег, о, Боже, пожалуйста, продолжай, — выдыхает мне в ухо и освобождает свою грудь, отправляя мои пальцы ниже, туда, где должны быть трусики, которые я уже, оказывается, успел с нее стянуть и они болтаются на ее левой лодыжке. Минимальные, крохотные, созданные, чтобы в порыве страсти не составило проблемы их порвать, открывая доступ к... Мне хочется их пожевать, и в следующую секунду я зажимаю тонкую ткань между зубов, а она смеется, стягивая с меня штаны. Ее вкус, запах дурманят мой истерзанный подмешиваемыми в еду лекарствами мозг. Понимаю, что не любил ее уже более двух месяцев, изводя подозрениями, слезкой.

— Алечка, — мы смотрим друг на друга, тяжело дыша, а перед глазами искрящиеся огоньки, превращающие серую реальность в сказку, в которой действительно хочется жить. Я вижу ее блестящие от удовольствия глаза, приоткрытые в стоне губы. Возбужденная, желающая меня Аля — вот что является воротами в мою личную сказку, где нет места желанию прыгнуть с крыши.

Я не успел понять, как оказался внутри нее, но выйти нет никакой возможности, ее мягкость и жар лишают права выбора. Мы разве предохраняемся?

— Просто проконтролируй, хорошо? — подмигивает она мне и начинает двигаться, слишком быстро для первого за столько времени воздержания секса. Частота фрикции в первую минуту практически перебрасывает через край наслаждения, но ощущая ее голод, жажду моего тела, у меня получается сдержаться.

Лифчик расстегивается одним движением моих пальцев. Понимая, что у нее уже несколько минут не получается улететь, я переворачиваю ее на спину и беру инициативу в свои руки. Ведь только я могу сделать так, чтобы она летала. Чувствую, что от нежности, любви и сомнений мое колотящееся сердце сейчас разорвется.

— Ты только моя, — не контролируя себя, рычу ей в ухо, вбивая своим телом в матрас. А она отдается мне, стонет, что-то шепчет невнятное. Невероятно податливая, послушная, получающая кайф от моей грубости.

— Моя! — Кусаю ее, заставляя ответить. — Я тебя убью, если узнаю, что изменяешь мне, слышишь? — Задыхаюсь от удовольствия, звуков, запахов, ощущений. — Убью, — говорю ей на ухо. А она не боится, несмотря на то, как страшно звучат угрозы из уст шизофреника, на счету которого уже имеется жизнь одной женщины. Она не отвечает,

только стонет. Я приподнимаюсь на руках, ускоряясь, позволяя ей, наконец, кончить. Наблюдаю за ее лицом, ожидая возвращения из ее сказки, намереваясь получить ответ на свой вопрос.

Какая она прекрасная, родная и моя собственная. Точно ли моя?

— Обожаю, когда ты такой, — приподнимается и целует меня в губы. — Ударь меня.

— Что, прости?

— Несильно. Спроси еще раз, тем же тоном.

Твою мать.

Накручиваю ее волосы на руку и довольно резко дергаю.

— Ответь мне честно, ты трахаешься еще с кем-то? — Меня трясет.

— Никогда, — качает головой. — Принадлежу только тебе. — Крепко обхватывает меня коленями, выгибается и, пользуясь моими движениями, улетает во второй раз. А я догоняю, едва успевая выйти из нее.

— А ты у меня, оказывается, ревнивый собственник, — говорит через минуту. — Будь таким почаще, хорошо? — Поднимается, целует меня в бедро и уходит в ванную.

Похоже, она думает, что мое поведение — это часть ролевой игры. А бесы снова начинают кричать, что болван. На изнанку вывернусь, но узнаю правду, — обещаю им. О Боже. Очередной спазм наслаждения возвращает к более приятным мыслям, я утыкаюсь носом в подушку и расслабляюсь, а через минуту крепко сплю.

Отрывок 23. Балансирующая на грани

План «новое белье — новая информация» сработал как нельзя лучше. Соблазнить Олега проблемы не составило, значит, холодность с его стороны в течение последних недель — не результат приема лекарств. Мой мужчина настолько мужественный, что ни одни таблетки не могут помешать его эрекции. Хм, а может, дело во мне? — улыбаюсь, но быстро возвращаюсь к тяжелым мыслям. Если дело не в таблетках, тогда в чем причина его частых отказов от близости?

Паркую машину у психиатрической больницы, в которой лечится Олег.

Признаюсь, я долго откладывала разговор, на котором настаивала Инна Викторовна, но сегодня настроение настолько хорошее, что его не испортит ни одному доктору, даже тому, кто считает болезнь Олега безнадежной. Вчерашняя близость наших с Олегом тел расставила на свои места чувства и сомнения, определила приоритеты, границы которых за последнее время слегка стерлись. Я его люблю бесконечно и честно, принимая целиком и полностью, без оглядки на прошлое, полное трагических событий и ошибок, туманное настоящее и то мрачное, то проясняющееся будущее. Внутри меня родились силы, благодаря которым я выдержу все, что угодно, и помогу Олегу дотянуть до следующей ремиссии, которая уже не за горами. А как иначе можно назвать вчерашнюю страсть? Только началом светлого периода.

Игорь Иванович ждет в своем кабинете. Прежде чем решиться прийти сюда без Олега, я перечитала кучу отзывов об этом докторе. Обзвонила нескольких знакомых, которые имели независимое мнение о светилах нашей медицины. Очень удивили практически безупречные рекомендации Игорю, умственные способности которого так часто ставит под сомнения Олег. Игорь Иванович закончил мед. ВУЗ в числе хорошистов, по окончании его пригласили работать в эту самую больницу, где он уже несколько лет успешно строит карьеру. Пациенты его не ненавидят (судя по форумам на которых я зарегистрировалась специально, чтобы провести разведывательную операцию или, проще говоря, пробить почву), коллеги уважают,

начальство пророчит хорошее будущее. Сам Игорь женат, имеет двух дочерей. Слишком все идеально на мой взгляд.

В кабинет я захожу четко понимая, что докажу этому негодяю, что случай Олега вовсе не безнадежный, и не стоит моему мужу каждые полгода лежать в больнице, дабы купировать вероятные приступы. Как Игорь мне советовал не так давно.

Присаживаюсь за стол, окинув беглым взглядом обычный кабинет нашей среднестатистической больницы, ничем не примечательный помимо репродукции одной из многих импровизаций Кандинского, проходящей на особый психиатрический тест. После вежливого приветствия и отказа от кофе или чая, мы переходим к делу.

— В последнее время Олегу стало лучше, — с ходу заявляю я. — Он снова работает, общается с людьми, в том числе легко находит контакт с незнакомыми. Помогает по дому, — припоминаю, что пару дней назад он развесил выстиранное белье на сушилке, хотя несколько месяцев не занимался стиркой, несмотря на все мои просьбы. — Я чувствую, что опять не безразлична ему. В общем, лечение в домашних условиях идет Олегу на пользу.

— Очень хорошо, — кивает врач. Будучи ровесником Олега, сидящий напротив мужчина кажется старше меня на пару лет. Слегка располневший, круглолицый, он производит впечатление врача из юмористического сериала, с утрированными особенностями внешности, часто высмеиваемыми в анекдотах. Болтающиеся на носу очки уменьшают размер и без того крохотных бледно-голубых глаз, а волосы и кожа лоснятся. Пуговицы на халате он застегнул невпопад, видимо, пропустил парочку и поленился переделывать.

Игорь машинально покусывает нижнюю полную губу, но смотрит очень внимательно. Словно, прокручивая в голове сотни вариантов развития дальнейших событий. Неуклюже чешет затылок, что не может не вызвать у меня снисходительной улыбки. Нет, определенно этот врач не может производить впечатление профессионала, ясно, почему Олег над ним потешается.

— Алла Константиновна, я же не просто так уделяю столько внимания случаю Олега. Я хорошо отношусь к его родителям. Инна Викторовна, кстати, дважды принимала роды у моей жены. С Алинкой в свое время мы дружили. Вот вы мне тоже нравитесь. Поэтому я задам вопрос напрямую. От меня вы что хотите?

— В смысле? — опешила я.

— Пришли ко мне в кабинет и рассказываете, насколько успешно у вас получается лечить Олега. Ждете от меня одобрения? Не получите. Моего мнения насчет того, куда вас обоих заведут «дедушкины» методы лечения шизофрении? Так вы его слушать не станете. Так зачем пришли-то?

Доктор оказался не так глуп, как выглядит со стороны. Я растерялась и на мгновение замешкалась, но быстро взяла себя в руки. Цель моего визита — иметь возможность при следующем телефонном разговоре со свекровью сказать ей, что я была у врача и ничего нового он мне не сказал.

— Мы не занимаемся «дедовскими» методами лечения. Олег принимает лекарства, которые вы ему прописываете. Я говорю о том, что ему не обязательно ложиться в больницу.

— Если вы хотите, чтобы я ответил на вопрос, считаю ли Олега опасным для общества, я отвечу — нет, не считаю. — Не может не удивить странная манера собеседника разговаривать. Игорь рассуждает вслух, задает вопросы и тут же сам отвечает на них. — Именно по этой причине я позволяю Олегу самому решать, как ему лечиться. Не использую

принудительные меры. Вы считаете, что он меня слушает? Пьет то, что я ему выписываю?

— Конечно.

— Конечно, нет, — отвечает доктор, опираясь локтями о стол. — Он презирает меня, впрочем, я не обижаюсь, потому что Олег ничуть не лучше относится к большинству врачей в нашем городе. Хотите, мы поговорим с вами как друзья? Не как врач с родственницей пациента?

Поразмыслив несколько секунд, я прихожу к выводу, что это как раз то, что мне нужно.

— Да, конечно. Я слушаю.

Игорь кивает, закрывает лежащий перед ним журнал и снимает очки, которые тщательно протирает салфеткой, прежде чем убрать в чехол. Смотрит на меня.

— Олег — самодур, — спокойно сообщает. — Он слушает только себя, игнорируя мнения других, как надоедливое жужжание насекомых. Понятия не имею, что он там принимает. И принимает ли. Иногда, должен признать, он выглядит довольно нормально. Но в большинстве случаев... Я же вижу, что он не в себе.

— Я знаю Олега очень хорошо, живу с ним, поэтому могу утверждать, что за редким исключением он ведет себя как обычный человек.

— Вы знали Олега до болезни? Вот. А я знал. Поверьте, теперешний Олег отличается от того парня, которым был раньше.

— Вы дружили?

На этот простой вопрос ответом стал совершенно непрофессиональный взрыв хохота.

— Дружить с Балем? Алечка, — вдруг называет меня по имени, — ты сейчас шутишь? У Баля никогда не было друзей. У него же, говоря простым языком, «синдром Бога», мания величия. Я сейчас толкую тебе не о шизофрении, а о манере поведения. С такими, как я, Баль в жизни за руку не здоровался. Он же был самым умным студентом на факультете. От учебников не отрывался и знал, как мне тогда казалось, больше читающих нам лекции профессоров. Профессия врача была его манией, он не ставил себе иной цели, помимо карьеры.

— Он хотел помогать людям.

— Не спорю. Он и помогал, пока мог. Но дружить — никогда. Если оставить деловой тон, и говорить дружески, еще раз повторяю, что все Бали мне нечужие, то могу сказать следующее: с Алинкой он начал встречаться только потому, что она его полюбила с первого взгляда. И таскалась хвостиком. Нашему гению было удобно иметь при себе девицу, готовую ради него на все, что угодно. Ну, вы понимаете. Возраст, гормоны.

— Что за бред вы несете?

— Всего лишь пытаюсь снять розовые очки, чтобы лет через десять не было мучительно больно за бесцельно прожитые годы. Если не хочешь, я больше не скажу ни слова. Просто я же вижу, что ты пришла ко мне не как к врачу, за помощью, а как к человеку, хорошо знающему Олега.

— Ладно. Продолжайте.

— Ему просто было удобно с ней спать. В плане, что не нужно тратить время на ухаживания за другими девицами. То самое драгоценное время, которое можно посвятить книгам и семинарам.

— Олег говорил, что любил ее.

— Не знаю, может, он кого-то когда-то и любил. Тебя, возможно. Но Алину — никогда. С ней было удобно. А когда он узнал, что ее родители могут организовать перевод в Киев с

последующим трудоустройством — быстро потащил девку в загс, и тем самым сбежал от отца.

— Зачем ему сбегать от Николая Николаевича?

— Для Олега было готово место на кафедре хирургии в тот момент, когда он в первый класс пошел. Ему бы не дали здесь спокойно учиться на психиатра.

— Получается, — обдумываю услышанное, — вы считаете, что Олег был болен еще до аварии? Разве у него мог случиться психологический срыв, породивший шизофрению, если он не любил Алину?

— На этот вопрос я не смогу дать ответ. До того, как он стал моим пациентом, я его видел в последний раз на сессии, закрыв которую они с женой перевелись в Киев. Нам тогда было лет по двадцать.

— Понятно.

— Не расстраивайся, — он снял халат, взял ручку и принялся ловко вертеть между пальцев. — Вижу, что ты ради него на многое готова. Поверь, я тоже хочу помочь. Если ты не доверяешь мне, то найди другого врача, хотя уверен, он пропишет те же лекарства. Только не бросай лечение на самотек.

— Но как?

— Следи, чтобы он принимал нейролептики. Сама выдавай ему таблетки, клади ему их в рот, а потом проверяй, чтобы под языком ничего не оставалось.

— О, нет.

— А как ты хотела? В больницу определять ты его не хочешь. Следи сама.

И снова поток новой информации, которая не укладывается в голове, в которой можно затеряться, пытаюсь отыскать истину. Я веду с собой мысленный диалог, пока еду домой. Врач мне понравился. Возможно, он не очень приятен внешне, но создает впечатление умного и знающего человека, которому хочешь — не хочешь, а начинаешь доверять. Натасканная комментариями Олега я ожидала совсем иного поведения. Думала, Игорь начнет дергаться, нервничать после намеков на его некомпетентность. Допускала, что он выставит меня за дверь, в этом случае я бы гордая направилась домой, с четким ощущением, что защитила своего мужчину.

А что вышло на самом деле? Я чувствовала себя маленькой девочкой, которой взрослый дядя вынужден объяснять элементарные вещи.

Какой же Олег Баль на самом деле? С каждым днем я узнаю его с новой стороны, иногда радуюсь, иногда пугаюсь. Никогда не замечала в нем высокомерия, о котором упоминал Игорь, но в памяти всплыли фотографии из альбома Инны Викторовны, где Олегу двадцать лет. Да, определенно, мой Олег очень отличается от того, которого знал Игорь, будучи студентом.

И мнение об Алине регулярно меняется на диаметрально противоположное. То она видится мне расчетливой дрянью, имеющей влияние на молодого парня, то блеклой тенью, не способной на собственное мнение. Я перечисляю крайности, конечно. Но где искать золотую середину, отражающую реальный характер погибшей много лет назад девушки?

Перед глазами вновь и вновь всплывают фотографии с помолвки. На них Алина выглядела более чем скромно. А ведь это была поездка к родителям жениха, следовало нарядиться, сделать прическу, хотя бы накрасить ресницы и губы.

Решив утром поговорить с Катей, я захожу в квартиру, встретившую тишиной. Странно, обычно вечерами Олег слушает музыку. Сегодня днем он звонил, обещал приготовить ужин,

сказал, что ждет к семи. Игривый тон позволил рассчитывать на продолжение вчерашнего. Смотрю на часы — семь ноль пять.

— Олег? — зову я. — Милый?

Боже, что могло случиться? Не разуваясь, я как есть бросаюсь в комнату, оказавшуюся пустой. На очереди балкон и... о, нет, пожалуйста, только не ванная. Сделав шаг в сторону ванной, я чувствую, как кто-то сзади хватается за плечи и заваливает на диван. Пытаюсь вырваться, но сила соперника намного превосходит мою. Грабитель? Почему-то подумалось о том самом пьянице, от которого спас Олег накануне. Выследил меня с целью завершить начатое? Бред. Но кто же тогда придавливает меня к матрасу? Кричу во всю мощь, зову на помощь, и он зажимает мне рот ладонью.

Попытки брыкаться прекращаются в тот момент, когда я узнаю в маньяке Олега, перевернувшего меня на спину и, вероятно, недоумевающему по поводу истерики. Да кто еще-то может быть в моей квартире? Замки не сломаны, этаж не первый. Понятно, что это он. Зачем я начала вырваться? Повела себя как дура. Опять ролевая игра? Я не против, но...

— Где ты была? — Его глаза налились кровью и хищно прищурены, меняя лицо любимого мной человека до неузнаваемости. Дыхание сбивается, я мычу что-то невнятное, так как рот все еще зажат. Пытаюсь успокоиться, понимая, что нахожусь в руках своего мужчины, для паники нет повода. Олег сжимает губы, показывая, что не собирается играть со мной.

— Где. Ты. Была? — медленно рычит сквозь зубы. Его напряженное лицо, шея, на которой вздулись вены, предупреждают, что он в бешенстве. Никогда не видела его таким, не думала, что он может быть таким. Я снова что-то мычу.

— Подумай хорошо, прежде чем начать врать. Я все знаю, — и убирает ладонь. Жадно хватаю воздуха, оказывается, несколько секунд я не дышала. Закашлялась.

— Олег, что за гребаная игра? Это не смешно, пусти.

— Ты ездила к Игорю. Зачем?

— Как ты узнал?

Он больно трясет за плечи.

— Зачем?!

— Прости! Хотела кое-что узнать о твоём лечении. Знаю, я обещала, что теперь буду задавать вопросы только тебе, но я должна была поехать.

— Не ври! Признайся, ты с ним спишь. — Он сжимает мои руки сильнее, и я взвизгиваю. — Просто признайся мне. И я тебя отпущу. — Ослабляет хватку. — Я просто должен знать правду. Не могу жить, сомневаясь. Давно ты с ним трахаешься? С тех пор, как познакомилась со мной?

— Что ты несешь? — Вероятно, искреннее изумление в моих глазах поубавило в нем уверенности, он дергает головой, то ли кивая, то ли, наоборот, отрицая свои слова. — У тебя окончательно съехала крыша? Я его видела во второй раз в жизни, причем в первый раз была с тобой, когда Сергей вызвал скорую. Забыл?

— Я весь вечер пытался вспомнить ваши взгляды, жесты, пока представлял тебя ему.

— Олег, очнись! Я тебя люблю. Я тебе ни с кем не изменяю. А с Игорем тем более, у него жена, дети. Он асексуален.

— Аля, зачем ты мне врешь? У меня уже нет моральных сил делать вид, что верю тебе. Пожалуйста, умоляю, скажи правду. Прекрати вот это, — он кивает на руки, которыми не дает мне шевелиться. — Просто скажи, что ты мне изменяешь, и все закончится.

— Да пошел ты на хрен, придурок, — выплевываю слова ему в лицо, против воли, забрызгав слюной. — Я хочу детей от тебя, которых ты мне обещал. Пытаюсь вытащить твою задницу из гребанной кучи дерьма, в которой мы оба оказались из-за твоей болезни. Я тебя не обвиняю, с болезнью мы справимся, но вот с твоей тупой ревностью понятия не имею, что делать.

— Ты меня боишься? — спрашивает, целуя мои сомкнутые губы. Я отворачиваю лицо, но он делает это снова.

— Остановись. Меня возбуждает насилие, только когда оно в меру. Сейчас ты ведешь себя как ублюдок.

— Я знаю. И мне самому от этого противно. Но я хочу добиться правды.

— Какой? Настоящей? Или той, которую ты сам придумал?

Он резко отходит от меня, заложив руки за голову.

— Я не знаю, что думать. Аля, я никогда не ошибаюсь, и сейчас моя интуиция подсказывает, что мне нужно уйти от тебя. Но я не вижу повода. Чувствую, что ты не только моя, но не могу это доказать. А уйти от тебя просто так я не способен.

— Почему?

— Потому что не представляю, как без тебя жить.

Он садится на корточки, обхватывает колени руками. Я придвинулась на край дивана, потирая ноющие плечи, которые скоро покроют следы его пальцев в виде синяков. Молчим.

— Олег, кажется, у нас проблема.

Он кивает.

— Ты просил честности от меня. Я требую того же. Ты согласен?

Снова кивает.

— Олег, ты принимаешь нейрорептиды?

Он молчит, все сильнее раскачивается вперед-назад. Смотрит в одну точку. Светлые, взъерошенные волосы падают на глаза влажными, слипшимися от пота сосульками.

— Олег?

— Нет, не принимаю.

— Давно?

— С тех пор, как вышел из больницы.

— О Боже, — я пораженно прикрываю глаза. — Если ты не доверяешь Игорю, можешь найти другого врача. Помнишь, ты говорил, что знаешь хорошего? Поехали к нему? Я уволюсь, слышишь? Честное слово. Пошлю Сергея ко всем чертям. Поживем несколько лет в пригороде. Но так нельзя, Олег, ты чуть было не задушил меня только что. Я действительно испугалась тебя.

— Аля, — он улыбается, а лицо меняет гримаса, будто сейчас заплачет, но слез нет, — ты же обещала мне доверять. Я знаю, что делаю. Ни один врач не сможет меня лечить лучше, чем я сам.

Что ж, два ноль в пользу Игоря. Руки дрожат, я прижимаю их к груди, чтобы одновременно скрыть панику и сделать менее слышимым стук сердца. Поднимаюсь с дивана и подхожу к нему. Олег тоже выпрямляется в полный рост.

— Ты, правда, все еще хочешь детей от меня?

— Да, очень. Я хочу семью, ради этого готова на многое. И семью я хочу только с тобой, слышишь? Запомни это, пожалуйста, раз и навсегда. Для меня существуешь только ты.

— Прости меня, — обнимает, а я прижимаю его к себе, поглаживая по голове и плечам,

как маленького мальчика, жалея, обещая, что мама всегда будет рядом. Несколько минут в комнате тихо. Потом мы продолжаем разговор.

— Олег, я не сомневаюсь, что ты очень умный. Помнишь, ты сам мне покупал лекарства и делал уколы. Мне помогло, кровь уже полгода не идет, мигрени ушли. Я тебе верю, и, если мне станет хуже, то снова обращусь за помощью именно к тебе. — Он кивает. — Но, милый, невозможно лечить самого себя. Ты должен это понимать. Ты не можешь быть объективным.

— У меня получится. Я никому не могу доверять твое или свое здоровье. Сам все сделаю. Просто продолжай мне верить.

— Но Олег! — Мои аргументы разбиваются о непробиваемую стену. Игорь прав от начала и до конца. Олег — самодур, упертый, не желающий никого слушать баран. Уверенность, с которой он утверждает, что не сомневается в своих способностях лечить себя самостоятельно, и с которой при этом смотрит на меня, пугает сильнее любых уличных маньяков. Ну, в данный момент мне так кажется. Ощущаю себя в шаге от черной дыры, точки невозврата, о которой недавно смотрела программу. Олег не собирается лечиться, он планирует и далее загонять себя, и меня заодно, в могилу. Нужно что-то делать. Вероятно, лучшим решением будет подождать некоторое время и вернуться к этому разговору позже, начать издалека и по-хорошему. Но, ведомая эмоциями и желанием помочь, я решаюсь. Набираю в грудь воздуха, резко выдыхаю:

— Олег, милый, — стараюсь говорить мягко, — ты для меня самый лучший, но... Ты же единожды уже ошибался. С Алиной. — Внутри все обрывается. Я говорю жестокие непростительные вещи. Он вытаращил глаза и делает шаг назад. Хочется забрать бездумно оброненные слова обратно, повернуть время вспять, все что угодно сделать, но только не продолжать того, что начала. Но я уже сказала основное, отступить поздно.

— Ты неправильно лечил Алину, поэтому она умерла. Олег, прости, что напоминаю об этом, но ты ошибся один раз, и я очень боюсь, что ошибешься снова, и я потеряю тебя. А я не смогу жить, оставшись одна. Помнишь, ты говорил, что никогда меня не оставишь? Ты клялся мне.

— Аля, — он тяжело вздыхает, опускает глаза, потом поднимает их. Взгляд открытый и честный, словно он никогда в жизни не мыслил настолько ясно, как сейчас, — Аля, я никогда не ошибаюсь, когда дело касается медицины.

— Ты слышишь, что я тебе говорю, милый? Алину не вернешь, но нужно учиться на своих ошибках.

— Это ты меня не слышишь. Я никогда не ошибаюсь, Аля, — голос звучит твердо.

— Я не понимаю, что ты хочешь сейчас сказать.

— Понимаешь. Ты умная девочка. Обещаю, что объясню подробнее, только... Только не смотри на меня так, словно я призрак. Аля, в данную минуту важно лишь то, что я один из лучших специалистов в своей области, несмотря на то, что не имею лицензии. Я прекрасно вижу ситуацию, осознаю свои проблемы. И твои. Я долго думал, что больше никогда не смогу лечить людей, но ты поверила в меня, после чего я смог поверить в себя. Сначала мое лечение походило на эксперимент, который я ставил над собой, потому что терять было нечего. Потом, когда появилась ты, я по-настоящему захотел вернуться к полноценной жизни, прочувствовать сопутствующую ей гамму эмоций. Заботиться о тебе, заниматься с тобой любовью, строить планы на будущее. Аля, это оказалось восхитительно, но затем мне стало страшно, что я не справлюсь. Одно цеплялось за другое: страх, что твое здоровье

окончательно испортится, увольнение, угроза снова попасть в клинику — все это спровоцировало ухудшение. Но рядом всегда была ты, и я снова практически выбрался. Обещаю, что я всегда буду выбираться, возвращаться к тебе.

Он пытается меня обнять, но я делаю шаг назад, и выставляю вперед ладони, предупреждая, чтобы не подходил. Олег наговорил кучу слов, в данный момент представляющих собой бессмысленный набор звуков. Нелепых и необязательных. Выдуманная мной иллюзия счастливой жизни со стоящим передо мной мужчиной рушится, не имея больше фундамента.

— Когда ты собирался сказать, что смерть Алины не была несчастным случаем? — Меня окатывает жаром, а потом холодом, словно тело, так же как и разум, не может смириться с жестокой ложью, в которой я живу больше двух лет.

— Ты не спрашивала.

— Ты знал, что я считаю тебя невиновным, готова разорвать отношения с каждым, кто думает иначе.

— Аля, я никогда не причиню тебе вред. У меня были причины так поступить. Давай сядем и спокойно обо всем поговорим.

— Тогда записка Пестрова имеет смысл. Боже, это было предупреждение! Предупреждение всем нам! — С каждой секундой я понимаю всё больше. — Олег, ты убийца. Сумасшедший убийца. — Трясущимися руками лезу в сумку и достаю из потаенного кармана клочок бумаги, протягиваю Олегу. Он читает, сминает и засовывает в задний карман джинсов.

— Пестров был жертвой экстремального лечения, считающегося в наше время особо жестоким, его фантазии не имеют никакого отношения к действительности. Он писатель. Сказочник, не способный отличить реальность от безумия, в котором живет.

— Он просил тебя больше не убивать!

— Смерть Алины была необходимостью. Освобождением. И я безумно жалею об этом, если тебе станет легче.

— Для кого освобождением? Для тебя от парализованной жены?

— Для нее от неподвижного тела. Аля, она просила меня. Она сама этого хотела.

— Мать твою, Олег, ты не Господь Бог, ты не можешь принимать такие решения! У Алины были родители, друзья. Тебе нужно было развестись с ней, оставить девушку, но не делать того что ты натворил. Как ты посмел взять на себя такую ответственность?

— Посмел. Потому что я мог сделать это. Врачи так делают, берут на себя ответственность, принимают важные решения. А я был очень хорошим врачом.

— А если ты когда-нибудь решишь, что мне тоже пора на тот свет? — Я пячусь к двери. — Если у нас будут дети, и тебе покажется, например, из-за проваленного экзамена, что жизнь этого человека отныне не имеет смысл?!

— Аля, ты несешь чушь. Пожалуйста, давай обсудим случившееся спокойно. Кроме Пестрова я никому не рассказывал о том, что совершил и какие у меня были соображения, но я хочу поделиться ими с тобой. Ты же любишь меня. Аля...

Я у входной двери, ожидая в любую секунду, что он накинется, как сделал это, когда я только зашла в квартиру. Но Олег не собирается нападать, держится на расстоянии пары метров, тянет ко мне руку, предлагая остаться, позволить ему выговориться. Или, точнее, запудрить мне мозги, оправдывая убийство.

— Аля, я же твой единственный, ты говорила мне только что. Пожалуйста, не бросай

меня.

— Не подходи! Олег, не заставляй меня сочувствовать тебе. Ты навредил незащитному, нуждающемуся в помощи человеку. Мне нужно побыть одной, не видеть тебя некоторое время. Как ты мог врать мне? — Я смотрю на него, все еще такого родного и любимого, и меня лихорадит от понимания, что больше никогда не смогу быть с ним. Ведь теперь ни о каком доверии не может быть и речи. А что мне тогда остается?

— Но Аля, разве бы ты была со мной, если бы знала правду?

— Никогда. Я тебя боюсь.

Отрывок 24. Балансирующий на грани

Она бросается вниз по лестнице, словно я чудовище, способное причинить ей вред. Навредить моей Але. Ладонь жжет от удара о стену, следом я утыкаюсь в шершавую поверхность лбом, и медленно съезжаю на корточки, царапая кожу, не соображая, что делаю.

Ее слова били больно, но по силе не могли сравниться с отталкивающим взглядом в ужасе расширенных глаз и резкими жестами, интуитивными блоками в виде растопыренных пальцев, направленных на меня ладоней, предупреждающими, что она не вытерпит моих прикосновений, что она не хочет, чтобы я когда-либо оказался рядом с ней.

Бесы, что же я натворил?

Она не готова к правде, я не успел ее подготовить, не смог объяснить так, как следует. Гребаный придурок, зачем я рассказал ей об Алине? Кому нужна эта правда?

Лучше лечь в больницу, повторно потерять себя, свой разум, чувства и эмоции, но получить возможность быть с ней. Понимая, что не достоин любви, я чувствую, что согласен на сострадание и жалость, лишь бы ни ненависть.

Что я делаю? Осознаю, что стою на коленях у открытой входной двери и глухо стучу лбом о стену. Нужно догнать и сказать, что я солгал, что бесы внушили мне эти мысли. Да я сегодня же вечером лягу в психбольницу, поцелую в зад Игоря, или что там еще нужно сделать, чтобы он почувствовал себя главным. Да все, что его извращенной душе угодно. А сейчас догнать, и объяснить.

Вскочив, я кидаюсь следом, перепрыгивая через три ступеньки, не разбирая этажей и не обращая внимания на встречающихся и шарахающихся от меня соседей. Алю нужно догнать немедленно, пока она не наделала глупостей, пока не поверила в то, что я наговорил.

Она на первом этаже кому-то звонит. Завидев меня, бросается к выходу. Я следом.

— Аля, подожди, я все объясню. Аля, мне нужна минута!

Она не собирается давать мне и доли секунды. Бежит по улице, махая рукой, стараясь поймать машину. Взъерошенная, рыдающая, какая-то худая и маленькая. Меньше чем обычно. Тонкие ноги-палочки в ботинках на каблуках дрожат, словно вот-вот сломаются. Когда она успела так похудеть? Куда я смотрел?

Да чего я довел ее, заставив разбираться в своей сломленной судьбе, барахтаться в болоте, в котором увяз по горло. Я только что сам сказал, что гребаный специалист в своей проклятой профессии, я же понимаю, что бесы крепко держат меня за ноги. Они никогда не отпустят. Либо я утону один, либо с ней. Нужно ее отпустить, но вместо этого я продолжаю преследовать.

В этот момент, когда я почти достиг ее, Аля, понимая, что не сможет убежать, и она слишком хорошо воспитана, чтобы начать посреди оживленной улицы кричать и звать на помощь, кидается через дорогу. Две полосы в одну сторону, две в другую. Понимаю, что уже

не хочу гнаться за ней, замираю, показывая, что погоня прекращена, я собираюсь уйти. Но она не смотрит на меня, не понимает моих намерений.

— Аля, стой! — кричу что есть мочи. — Стой, идиотка! — А голос, будто не мой. Сильный и глубокий, словно я вкладываю в него всю душу, словно согласен умереть, когда закончу ее звать. Да так и есть на самом деле. Лишь бы с ней ничего не случилось.

И она слушается. Замирает и оборачивается на меня. На ее лице — удивление, она не ожидала, что послушается моего крика, прозвучавшего на шумной улице приказом. Шок длится долю секунды, и перед ней, буквально в пяти сантиметрах с громким сигналом проносится мусоровоз, едва не зацепив мою Алю, почти сбивая ее. Прохожие без особого интереса осуждающе поглядывают на нас. Аля отскакивает назад, пугаясь проезжающей так близко от нее машины, а мусоровоз всё сигналит и сигналит, тормозя. Сигнал громкий, протяжный и мерзкий, рвущий перепонки. Затмевающий прочие звуки улицы. В том числе мой крик и еле слышный скрип-гудок ржавой шестерки на полосу которой выскакивает Аля.

События длятся пару мгновений, но для меня они растянулись на вечность. Словно мои бесы, окончательно обнаглев, замедлили время, чтобы я от начала и до конца «насладился» моментом, потому что в прошлый раз видел лишь результат аварии.

Говорят, что на долю людей не выпадает несчастий больше, чем они могли бы выдержать. Либо мой ангел хранитель от меня отказался, либо слишком хорошо обо мне думает. Не знаю, верю ли в Бога, но в эту секунду почему-то подумалось именно о нем. Так всегда делают врачи и пациенты, если ситуация безнадежная. Начинают молить о чуде.

Но чуда не случается. А мне давно уже следует верить только в пожирающих мой мозг демонов.

Мгновение — Аля слушается меня, замирает, и мусоровоз проносится мимо. Она почти спасена. Мгновение — Аля испуганно оборачивается, смотрит в мою сторону. На ее лице отражается потребность в моей защите. Это инстинкты, которые еще не успели пропасть после того ужаса, что я вывалил на нее только что. Ее руки тянутся ко мне, к ее мужчине, который обязан помочь. Если бы мог, я бы заслонил собой, я бы спас. Несусь со всех ног, но не успеваю. Мой крик: «Обернись!» — она не слышит, я яростно жестикулирую в нужном направлении и бегу к ней. Мгновение — на лице таксиста кавказской национальности отражается паника, парню не более двадцати лет. Вижу, что его глаза готовы вылезти из орбит. Шестерка замирает, но поздно, моя Аля лежит перед ней на асфальте.

Пальцы печатают номер экстренной службы спасения, голос звучит ровно, потому что я делаю то, что необходимо.

— Авария. Машина сбила пешехода — молодую девушку. Срочно нужна карета скорой помощи.

— Говорите адрес.

Озираюсь по сторонам. Мать вашу, я живу тут третий год, почему в голове лишь адрес родителей? Через пару секунд взгляд цепляется за табличку с номером дома, и я сообщаю его оператору, после чего сбрасываю звонок и кричу:

— Я врач, отойдите все!

Кровь бьет в висках, мешая соображать. Руки трясутся так сильно, что я не могу дотронуться одной до другой. Понимаю, что если поддамся чувствам, лягу замертво рядом с Алей, поэтому включаю выработанную за годы учебы холодность и отстраненность, помогающую трезво оценивать ситуацию. Мечтаю наглотаться нейрорептиков, чтобы заглушить раздражающий изнутри ужас, чтобы от мысли, что ее сердце не бьется, не вырвать

свое собственное.

А бесы смеются в голове, хохочут и хрюкают.

— Заткнитесь все! — кричу, ударяя по ушам. Окружившие нас прохожие замолкают, думая, что я обращаюсь к ним. А я их даже не вижу. Смотрю на белую, как наволочка в психбольнице, Алю, на кровь, пропитавшую ее одежду. На ее неестественную позу.

Но помогает, в голове становится пусто, и я тут же заполняю свободное пространство мыслями о первой медицинской. Проверяю пульс — сердце бьется. Осторожно ощупываю тело, понимая, что повреждена левая рука, а кровь идет от ссадины на голове, но череп не должен быть пробит. Рву рубашку и зажимаю рану.

— Аля, ты меня слышишь? Девочка моя, я здесь, — говорю ей, замечая, что ее ресницы дрожат. Она силится открыть глаза, едва шевелит губами.

— Олег, — зовет меня, смотря перед собой невидящими глазами. Она не знает, что я рядом, но продолжает звать в бреду. Где скорая?

— Олег, — шепчет мне. — Так холодно.

Но она могла и не говорить этого, я уже понял, что у нее поврежден позвоночник.

Надеюсь, что сошел с ума и нахожусь где-нибудь в доме с белыми стенами, привязанный к кровати, и происходящее мне только кажется. Не может быть, чтобы ситуация повторилась. Это невозможно.

Улицу сотрясает рев серены, к нам подъезжают сразу две скорые, из которых высыпают врачи. Быстро сообщаю им, что случилось, какие у Али повреждения, и отхожу в сторону, не мешая.

— Я ее не видел, слыш, женщина сама выскочила на середину дороги! — откуда-то издалека доносится на ломанном русском. Кажется, парень сейчас сам грохнется в обморок от ужаса. И полиция уже здесь. Оглядываюсь. А Алю на носилках заносят в машину, бегом сообщив мне, в какую именно клинику везут.

У полиции целая куча свидетелей, думаю, они справятся без меня. Оставив свои и Алины данные, я беру такси и еду в больницу, все еще надеясь, что вот-вот проснусь едва живым, голодным и замерзшим на тонком матрасе в одной из палат больницы. Я бы с радостью осознал себя даже в вонючей «камере смертников», из которой живыми не выбирают. Обещаю себе, что буду глотать все, что предложат врачи, только бы понять, что происходящее лишь плод моего больного воображения.

Понятия не имею, сколько времени заняла дорога, помню только, что просил выключить радио, уж больно веселые песенки там крутились.

Обещаю себе, что Аля поправится, если я ни разу не присяду, пока врачи борются за ее жизнь, стабилизируя состояние. Глупо? Возможно. Можете попробовать, представив себя в моей шкуре, мыслить разумнее. Мерю коридор шагами, часто сбиваясь, начиная считать заново. Заламываю себе пальцы, щипаю кожу, прогоняя нехорошие мысли. А предатель-рассудок снова и снова рисует в голове картины похорон, картины моей жизни без нее. В полном, безграничном одиночестве. Ну, если не считать чертовых бесов, которые, кстати, упорно молчат, позволяя мне пропустить через себя весь спектр чувств от страха и ужаса, до бездонной грусти, приправленной отчаянием.

Врач говорит, что ее состояние стабилизировали, но позвоночник действительно поврежден, будут в самое ближайшее время собирать консилиум и решать, стоит ли проводить операцию, взвешивать риски.

Свежий воздух несколько проясняет мысли, добавляет решимости. Уже глубокая ночь,

но, несмотря на это у входа в больницу скорой помощи толпятся взволнованные люди, доказывая, что сегодняшний день обернулся трагедией не только для моей жизни. Присаживаюсь на корточки рядом с больничным крыльцом так, чтобы на меня никто не обращал внимания, и, докурив четвертую подряд сигарету, набираю номер отца.

— Олег? — Ну, разумеется, он удивляется. Я впервые за последние лет десять звоню ему первым. А, нет, я пытался с ним связаться, когда Алина попала в аварию.

— Олег? Ты меня слышишь? — спрашивает, насторожившись.

— Да, отец, — выдыхаю я.

От его голоса внутри всё сжимается. Авторитет отца, которым он давил на меня всю жизнь, так и не позволил нам стать друзьями. Я солгал тогда Але. Моя мать никогда не считала его божеством. Дома отец старался быть простым человеком, хоть и неизменно оставался лидером в семье, впрочем, как и положено мужчине.

Именно я возомнил его недостижимым, великим и чуть ли не бессмертным человеком, обладающим сокровенными знаниями мироздания, способным вершить людские судьбы. Имеющим на это право. За годы практики он спас жизни сотен людей, он стал легендой. Невероятным, достойным поклонения. Я считал, что смогу добиться того же в психиатрии. Собирался быть с ним на равных. Ненавидел его за ту планку, что он задрал для меня, сам того не желая. А он презирал меня за то, что я предал его мечты, выбрав собственную дорогу. Я знаю, что он всегда считал меня виноватым в смерти Алины. Он не понимал, как врач может ошибиться, рассчитывая дозировку наркотиков, когда каждый день от твердости руки отца зависит будущее человека. Папа не мог позволить себе ни малейшего лишнего движения и всегда справлялся. В моем же распоряжении тогда был целый вечер, чтобы, не спеша, сделать нужный укол. Но его презрение — меньшее из моих проблем на данный момент.

— Олег, сынок, говори же уже! — Шокирует волнение, с которым были сказаны эти слова. Я не ожидал почувствовать заботу с его стороны.

— Папа, — голос звучит тихо и хрипло, — папа, все повторилось.

— Что повторилось? Олег, не молчи, умоляю тебя.

— Авария. Аля попала под машину. У нее сломана шея. Все повторилось, в точности, как тогда, — я двумя руками удерживаю трубку у уха, чтобы не выронить ее, зубы стучат так громко, словно я сажу в проруби.

— О Боже, где ты?

Называю номер больницы.

— Олег, я буду через сорок минут, слышишь? Олежка, ты, главное, держись. Я осмотрю Алю, и только если ситуация будет безнадежна, только тогда мы начнем паниковать вместе, хорошо?

Киваю, не понимая, что он не может видеть меня.

— Олег, просто держись. Если у тебя начнется рецидив, ты ей не поможешь. Ты это понимаешь?

Как полный кретин продолжаю кивать, а он будто видит меня. Говорит:

— Вот и молодец. Сынок, я тебя люблю. Скоро я буду, дождись меня.

Он прибывает даже раньше, чем обещал. Находит меня сидящего в больничном коридоре на одинокой лавке в нескольких метрах от реанимации. Я сразу поднимаюсь и делаю несколько шагов в его направлении, заглядывая в глаза, ища в них надежность и уверенность, как делал это в детстве. В детстве я считал, что мой папа может все. Гребаные

бесы, с тех пор ничего не изменилось.

И ищу во взгляде отца что-то вроде: «теперь я здесь, возьму твои проблемы на себя», — и, самое удивительное, нахожу.

— Ты как? — спрашивает он уверенно и спокойно. Видимо, за время, пока отец сюда добирался, он сумел совладать с эмоциями. Хирургу предстояла работа, он был собран и внимателен.

— Мы поссорились, и она побежала через дорогу. Как в тот раз, — объясняю я, поджимая губы. — История повторилась в точности, как шесть лет назад, — опускаю глаза, не зная, что еще добавить. Обращаюсь в слух, ожидая от отца ответной реакции. Но вместо слов или тяжелого вздоха, он крепко меня обнимает.

— Я осмотрю Алю, а ты жди здесь. Потом мы обсудим, как будем лечить ее дальше. Олег, посмотри на меня.

Повинуюсь.

— Я тобой горжусь.

Отводя глаза в сторону, я почти улыбаюсь, понимая, что выбранный отцом момент сообщить, что я ему не безразличен, совершенно неудачен.

— Ты сильный, ты с этим справишься. Мы вместе справимся.

Он уходит разговаривать с врачами. Благодаря его влиянию, никто из персонала даже не думает сказать слово против. А я остаюсь ждать, веря в своего отца, как никогда раньше.

Последующие часы телефон разрывается. Мать попросила, чтобы я приехал ночевать домой. Сказала, что любит больше всех на свете. Обещала сообщить Алиным родителям, вероятно, опасаясь, что у меня поедет крыша, если я свяжусь с ними сам. Спорить желания не было. Еще несколько звонков от Нины, Сергея и Кати я сбросил. Пока нечего сказать им. Возможно, эти люди звонили, чтобы поддержать, но мне хочется побыть наедине с собой. Вместо пустых разговоров я снова и снова прокручиваю в голове реакцию Али на мое необдуманное признание. Она казалась совершенно разбитой, потерянной, словно физически раненой. Денег у меня нет, разумеется, она терпела меня и моих бесов не из-за сомнительного наследства, которое мне когда-нибудь лет через двадцать достанется в виде загородного особняка и пары немецких автомобилей, тем более, напололам с Катей.

У меня нет ничего, чтобы она не смогла бы получить без меня. Только я сам. Бесы, она полюбила меня такого, каким я стал после психбольницы. К кому я ее ревновал? Передергивает от воспоминаний об отвращении, которое я к ней испытывал, когда ночами она прижималась к моей спине и робко целовала лопатки. Кретин. Как и всегда, я думал, только о себе. Алина говорила, что единственная любовь в моей жизни — это я сам. Перед аварией мы часто ругались, ей казалось, что я пренебрегал ею. Впрочем, так и было.

Сейчас я понимаю, что Алина была права, утверждая, что я не находил среди окружающих равного и презирал людей. «Законченный эгоист», — говорила она мне, когда я в очередной раз игнорировал ее просьбы завести ребенка. А когда я, наконец, признался, что вообще не хочу детей, что воспитание отнимает слишком много сил и времени, которое мне и без того есть на что потратить, она рывкнула, что «я сдохну в одиночестве, обнимая свой диплом». Вероятно, так и будет, не считая диплома, разумеется.

В коридоре появляется отец, но в этот раз я не делаю и шага навстречу ему. Сердце колотится, как обезумевшее, хочется убежать, чтобы продлить агонию под названием надежда. Я действительно делаю пару шагов назад, но отец окликает.

— Олег, — он подходит совсем близко. Серьезное лицо не выражает ничего, что могло

бы прояснить результат осмотра. Я обращаюсь в слух. — У нас есть хорошие шансы. Намного больше, чем в случае Алины. Тридцать процентов, что Аля сможет ходить. Не просто ходить, а бегать.

— Тридцать? — переспрашиваю я.

— Я проведу операцию послезавтра, уже обо всем договорился. Обещаю, что сделаю все, что в моих силах. И даже больше. Мы вытащим ее, — задумывается и добавляет, положив ладонь на мое плечо: — и тебя вытащим.

Отец увозит меня домой, потому что вот-вот должна приехать Алина мать, которая, по его словам, не в себе. Родители посчитали, что мне не стоит пока с ней видеться. Всю дорогу он рассказывает о более сложных операциях, чем та, что предстоит моей Але. Говорит, что на его памяти случалось всякое, но в данной ситуации для паники нет повода, по крайней мере, пока. Хочется в это верить.

Отрывок 25. Балансирующая на грани

Сон тяжелый, бесцветный и пустой, не желающий выпускать из своих пут. В голову словно накачали жидкого свинца, превратив в неподъемную гирию, провалившуюся в подушку. Мне требуется несколько минут, чтобы понять, что происходит, вспомнить обстоятельства, которые привели к этому. Одно большое обстоятельство, названной тридцать лет назад Олегом. Мысли путаются, обгоняют друг друга и обрываются, заставляя испытывать досаду. Чтобы хоть как-то упорядочить их, я решаю проанализировать, что произошло со мной за последние десять лет, и как на случившееся повлиял Олег.

До встречи с ним я сбилась с ног, стараясь произвести впечатление идеальной девушки, гробилась на учебе, затем на работе, добиваясь уважения. Спала с мужчинами, фамилии и должность которых моя мама могла бы с гордостью назвать, разговаривая по телефону с подругами. Успевала везде и всюду по чуть-чуть, в результате имея лишь видимость успеха и внутреннее убеждение, что поступаю правильно.

Олег же с самой нашей первой встречи принялся собирать из разрозненных частей моей жизни нечто, напоминающее счастье. Каждый человек уникален, и я уникальна по-своему. Когда я сошлась с Олегом, никто из моих подруг и родственников не поддержал нас. В то время я обижалась. А сейчас могу сказать, что тоже не понимаю Катю, муж которой ежегодно крупно гуляет налево, периодически притаскивая в дом позорную болячку. Не понимаю Машу, которая, подобно сороке, падка на блестящие вещицы, позволяя дарителю делать с собой все, что ему заблагорассудится. Чуждо поведение Нины, много лет не подпускающей к себе никого из-за боязни вновь разочароваться.

С каждым новым вздохом думать получается лучше.

Все мы разные, всем нам нужен свой уникальный мужчина. Моим оказался чокнутый, который научил жить так, чтобы улыбаться, радуясь каждому дню. Таять в его руках. Никогда меня не пугала его болезнь, никогда я не считала, что мы не справимся с его демонами, хоть и знала, что окажись на моем месте Нина или Маша — все пошло бы прахом.

Стоило выслушать Олега, позволить ему объясниться. Своим признанием он пошатнул устои нашей необычной на первый взгляд семьи. Он сказал, что освободил Алину. Что она сама хотела этого. В данный момент я чувствую то же самое.

Для того чтобы понять — мы с Олегом созданы друг для друга — мне пришлось оказаться в шкуре его бывшей жены.

Возможно, именно сейчас я умираю. Слышала, что в последние минуты жизни даже у

тяжело больных людей, много недель находящихся в бреду, прояснялся рассудок. Чтобы они могли попроситься. Иначе как объяснить поразительную ясность ума и четкость мысли, которой у меня никогда не было в лучшем моем состоянии?

— Олег, — зову я одними губами, не надеясь, что он ответит. — Помоги мне.

Отрывок 26. Балансирующий на грани

Не верю своим глазам. Как только я приблизился к ее постели, она позвала меня. Отец посоветовал не видаться с Алей до операции, и я с ним согласился. Ведь она не хотела, чтобы я приближался к ней. Поэтому и попала под машину. Убегала от психа, то есть от меня.

Но я все равно приехал, просто чтобы посмотреть на ее бледное, но вместе с тем красивое лицо, убедиться, что она дышит. Потому что не смог поверить врачам и родителям. Я боялся, что они, сговорившись, будут мне лгать, опасаясь ухудшений. Вижу, что напрасно сомневался. Аля дышит, моргает, даже пыталась что-то сказать. Я наклоняюсь, приблизив свое лицо к ее виску, и осторожно целую, шепча:

— Это я, моя маленькая. Все будет хорошо. Прости меня.

Она засыпает, и я покидаю палату. Сердце болит, оно как будто превратилось в каменную глыбу, тянет, ноет, тяжело его носить, и не вырвать из груди. Утыкаюсь лбом в прохладную стену. Страшно. Держись, шизофреник, тебе надо пережить это время, дождаться завтрашнего дня. Хватаюсь за голову, отказывающуюся соображать. Мозг закипает, проводя сотни аналогий. Ситуация до тошноты знакома, до боли известна, словно я вновь прохожу через случившуюся много лет назад катастрофу. Будто наступаю на собственные следы, не имея возможности или сил сделать шаг в сторону. Выбрать другую дорогу.

— Это ты виноват в том, что случилось с моей дочерью! — за спиной раздается голос Алиной мамы. Этого еще не хватало.

— Чертов ублюдок, убирайся отсюда немедленно, пока я не вызвала полицию! — В заплаканных глазах Светланы Афанасьевны горит несвойственная ей решимость. — Мало того, что поломал жизнь моей дочери, так вздумал окончательно прикончить ее, как и предыдущую свою жену, толкнув под машину? — шипит.

— Мне и без вас тошно, поверьте.

— Замолкни! Не желаю тебя слышать! Клянусь своим здоровьем, я засажу тебя за решетку, докажу, что именно ты спровоцировал аварию. Имей в виду, ее состояние на твоей совести! Если Аля... — всхлипывает. — Ты один будешь виноват в ее смерти!

«Ты один виноват в ее смерти!» Брошенные с ненавистью и отчаянием слова действуют как катализатор, последний кусочек головоломки встает на место. Круг замкнулся, крыша съехала. Вот оно. Светлана Афанасьевна рыдает, обвиняя меня потому что... Потому что Али больше нет.

Не видя и не слыша ничего вокруг, я делаю шаг назад, понимая, что совершил. Становится ясно и до тошноты понятно, что минуту назад я убил свою Алю. Смотрю на свои руки. Убил ее. Меня трясет, слезы брызгают из глаз.

Тот самый вечер, последний вечер жизни Алины, возникает в памяти настолько четко, словно это случилось вчера. Я вернулся с работы, устал как собака после смены. Отпустил сиделку, вымыл руки и, заставив себя принять дружелюбный вид, прогнал отчаяние, которое всегда сжимало в тиски при мыслях о своей навсегда парализованной жене. С улыбкой зашел к ней в комнату. Тут никогда ничего не менялось. Идеальный порядок, ведь некому

разбрасывать вещи, лишь изредка возникал слой пыли, с которым ловко справлялась сиделка. Запах лекарств с нотками пота и прочих человеческих запахов ударил в нос. Тот самый запах больницы, который преследовал меня и на работе, и дома. Всегда.

«Привет, милая», — поздоровался я, целуя ее в лоб. Алина смотрела тяжелым, наполненным страданий взглядом. «Освободи меня. Сделай это», — прошептали ее губы.

«Сделай это», — единственное, что я слышал от жены за последние месяцы. Значительная часть ее мозга погибла вместе со способностью двигаться. Алина плохо соображала, постоянно чувствовала боль, поэтому жила на наркотиках. Мучительно медленно, день за днем она умирала, и не было ни единой надежды обратить процесс вспять. Как обычно я отрицательно покачал головой и предложил вместе посмотреть фильм, который взял в прокате. Показал ей диск.

«Сделай это».

«Ты же знаешь, как это сделать. Ты все знаешь. Ты лучший».

«Всегда был лучшим».

«Я ненавижу эту жизнь. Я устала. Я сделала выбор».

«Ты же говорил с моей мамой! Она понимает. Она не станет винить. Никто не станет. Сделай это сейчас».

Ушел в другую комнату под предлогом сварить кофе, но на самом деле, чтобы не слышать. А она кричит мне в след. Кричит сорванным голосом: «Сделай это, гребаный ублюдок! Хоть раз в жизни, покажи, что я тебе не безразлична. Я всегда думала только о тебе, я любила тебя, не задумываясь, отдала бы жизнь за тебя. Не будь ты конченным эгоистом, подумай хоть раз обо мне!»

Она продолжала кричать, а у меня дрожали руки. Я расплескал кофе, а потом и вовсе выронил чашку. Соседи долбили сбоку и сверху. Каждый вечер одно и то же. Каждый вечер она орет, молит о смерти, а эти колотят по стенам, требуя, чтобы я заткнул чем-то ей рот. Чтобы она не мешала их уютным жизням. Схватился за голову, которая раскалывалась. Чувствовал, что готов слизывать кофе с пола, лишь бы ощутить хоть какой-то вкус, отвлечь себя. Открыл пустой холодильник, затем шкаф, в котором кроме старых макарон ничего нет.

Алина все еще кричала, а соседи брэнчали по батарее, кажется, они использовали железную кружку. Трезвонил домашний телефон, я сбросил звонок и положил трубку рядом с телефоном так, чтобы было всегда «занято». Нужно вообще обрезать провода, с другой стороны — тогда соседи начнут звонить во входную дверь. Олег, будь мужиком. Сжимаю кулаки и захожу в ее комнату.

«Надо поставить тебе обезболивающее и успокоительное», — произнес ласково.

«Я тебя ненавижу».

«Я делаю, что могу».

«Нет, — она не сводила с меня глаз, — ты можешь больше. Я никогда не замолчу, всегда буду молить тебя. Я не дам тебе спать. Пожалей меня».

И я знал, что так и будет. Замолчать ее могут заставить только сильные наркотики и снотворное. Если Алина была в сознании, она как попугай повторяла одно и то же, высасывая из меня душу.

В ее глазах любовь и доверие. Она просила и плакала. А я... а что я? Я никогда ее не любил, но всегда к ней хорошо относился. Лучше, чем к большинству людей.

Сделав ей пятый укол при норме в два, и услышав тихое «спасибо, я люблю тебя», я пошел в свой кабинет, достал диплом и зажигалку. Смотрел, как пламя медленно поглощает

то, чем я гордился больше всего, понимая, что в соседней комнате умирает человек, а я не просто не помогаю, я — причина смерти. Больше я не врач. Никогда не буду врачом. Меня вывернуло от отвращения к себе, от понимания, что я предал мечту, предал себя. Еле успел добежать до унитаза. Но помочь Алине уже нельзя. Она стонет от боли, ведь отказывают ее внутренние органы, а диплом догорает вместе с целью моей жизни. Синее пламя как будто выжигает меня изнутри, оставляя золу и пепел. Недурное удобрение. Вот кто я, — удобрение. Дерьмо, а не врач. Не врач. И когда я это понимаю, в голове щелкает, становится больно. Так больно, что я падаю на колени, скрючившись и хватаясь за виски. А потом слышится смех. Не мой. Но в моей голове. И этот самый голос, давясь хохотом, повторяет «не врач, не врач, не врач...». Я растоптал свою сущность, сломал стержень. И сошел с ума.

Закинувшись успокоительными, я вызвал скорую и полицию. Потом позвонил маме.

Этот вечер пронесся в памяти за одно мгновение. В следующую секунду, глядя в заплаканные глаза тещи, я понимаю, что занимаюсь самообманом. Все было иначе.

Помню, как подходил к кровати, брал в руку бледную ладонь, как улыбался Але перед ее смертью. Не Алине, а Але.

Ужас, охвативший меня, перекрывает кислород, и я хватаюсь за горло, оседая на пол.

Это Аля просила о помощи, ее руку я сжимал, ей делал укол. Я убил свою Алю.

Убил свою Алю.

— Нееет! — кричу, задыхаясь. — Нет, я не мог, это не правда, неееет! — кулаки бьют по полу. А бесы в голове смеются. Их голоса не переорать, они снова советуют довести дело до конца. Ты ее убил. А теперь убей себя. Потому что без нее ты все равно сдохнешь. И я понимаю, что они правы. Полностью правы. Моей Али больше нет.

Руки испачканы кровью, я вижу бритву перед глазами, вижу, как режу свои вены, как руки истекают кровью.

Бью кулаками о пол.

Но влагу не ощущаю. Потому что это всего лишь воспоминания. Или планы на будущее. Галлюцинации. В моем распоряжении нет ни одного острого предмета. А мне нужно довести дело до конца. Прямо сейчас. Кричу об этом.

Стучу головой и каменный пол и кричу. А вот и влага, липкая кровь крупными каплями струится по лицу, и от каждого удара головы об плитку ее становится все больше. Кровь повсюду. Темная, густая жидкость, избавившись от которой, я, наконец, добьюсь желаемого.

А я кричу, понимая, что сделал. Я только что убил свою жизнь, свою Алю.

Перед глазами вспышки и пятна. Откуда-то издалека доносится испуганный: «У него рецидив», а затем «кто-нибудь, хватайте его!», «дайте успокоительное!», «помогите, у парня острый психоз, срочно!».

Но это все где-то вдалеке, а я в своем собственном аду. Горю, но не умираю, понимая, что Алю не вернуть. Что отец мог ей помочь, но я, не дождавшись, принял решение за всех. А потом я слабею, не способный более сопротивляться санитарам и лекарствам. Проваливаюсь в темноту, мечтая, больше никогда не проснуться.

Не хочется уходить из палаты. А затем, спустя полчаса, невыносимым кажется возвращение с прогулки. День за днем перед глазами бледные стены, в голове идентичные мысли и единственная цель, как маяк в густой, непроницаемой темноте, за которым следуешь, только в моем случае не для того, чтобы спастись, добравшись до берега, а чтобы разбиться об него вдребезги. Скорее бы.

За металлическим забором психиатрической клиники, в которой меня пытаются заставить захотеть жить в течение последних недель, не теплее, чем на ее территории. И бледное, затянутое серыми облаками солнце светит одинаково, и грязный подтаявший снег под ногами скрипит ничуть не лучше. В палате, ставшей моей клеткой, тепло, особенно если сесть у батареи. Кормят. Собственно, нет никакой разницы между жизнью в пределах клиники и на свободе. Впрочем, моего мнения пока никто не спрашивает, о выписке не может быть и речи. Врачи надеются победить болезнь. Болезнь? При этих мыслях мы с бесами хохочем в полный голос.

Отец оказался более значимой шишкой, чем я мог предположить. Место мое, как верно заметила Алина мама, в тюрьме или на электрическом стуле, но никак не на койке в углу небольшой палаты на три человека, где я неподвижно сижу, поджав ноги, дни напролет. Я много раз просил врача устроить встречу с прокурором, безуспешно требовал выделить мне карандаш и бумагу, чтобы написать признание, но Игорь лишь кивает и продолжал задавать вопросы, не относящиеся к делу.

Почему они ведут себя так, словно Али никогда не было? Улыбаются. Меня окружают исключительно лицемерные сволочи, уверяющие, что мне только привиделось, что я плохой мальчик, на самом же деле — очень хороший, и только бесы знают, что случилось на самом деле. Они хотят помочь. Они единственные, кому здесь можно верить.

Время тянется медленно. Игорь заходит почти каждый день, заглядывает в глаза, спрашивает, хорошо ли я питаюсь. Отвечаю ему: «как кормишь, так и питаюсь». Ясно же, что смерть от голода — не мой выбор. Я предпочитаю более легкие и действенные способы. В карты и нарды играть не хочется. В окно смотреть страшно, вижу себя на подоконнике, ощущаю желание спрыгнуть, потом полет, потом боль. Смерти боюсь. И жизни боюсь. Путаюсь я.

Стараюсь избегать встреч с родителями. С одной стороны стыдно, что я их снова подвел, с другой — что еще жив. Катя преуспела в шантаже, говорит, что если я не буду общаться с матерью, перестанет передавать сигареты. А без них здесь на стенку лезть хочется. Так хоть какое-то занятие — пока дойдешь до тамбура, посидишь-подымишь, пока обратно приковыляешь — не менее получаса убито. Потом, когда накуришься, как следует, тошнить начинает — опять же ощущения. Рад уже хоть каким-нибудь. Но пару дней назад медсестра заметила, что мне дурно по вечерам, теперь отбирает передачи из дома — выдает сигареты поштучно, не более десяти в день. Сука.

Постоянно ощущаю жажду и слабость. Ноги тяжело гнутся, передвигаюсь как оловянный солдатик, слегка качаясь. Прежде чем слезть с кровати и дойти до умывальника представляю себе весь путь минут десять, только потом начинаю шевелиться. Из всего перечисленного важно лишь то, что меня подобное существование устраивает, не вижу себя улыбающимся или мечтающим, понимаю, что не достоин лучшего.

Думать с каждым днем становится сложнее. Это из-за лекарств, которые колют по утрам. Но мы с бесами все равно пытаемся, делать-то все равно нечего.

Али больше нет. С этого начинается каждое рассуждение. Вспоминаю, как поступил с ней. Образы в голове крутятся, часто сменяя друг друга, как числа в отрывном календаре на стене в столовой. Вижу то одно женское лицо перед собой, то другое. Бесы шепчут, что Алины никогда не было, дескать, я ее придумал, чтобы оправдать первое попадание в психиатрическую клинику. А было ли оно вообще? Не могу понять, что реально, а что вымысел. Иногда кажется, что и голоса в голове лишь плод воображения, иногда — что это

единственное, к чему стоит прислушаться.

Трудно. Иногда, когда пытаюсь дремать, мне чудится, что Аля находится рядом, видимо, мое подсознание жаждет ее близости.

— Прости меня, — говорю ей.

Она никогда не отвечает, лишь проводит пальчиками по лицу и волосам, как делала раньше.

— Поцелуй меня, я очень скучаю, — прошу.

А она улыбается и отрицательно качает головой, гладит мои щеки. Я снова начал бриться ради этих прикосновений, хотя и не чувствую их. Каждый раз, закрывая глаза, надеюсь, что она снова придет, вместе с тем понимаю, что ее больше нет.

— Как ты спал, сынок? — спрашивает мать, поглаживая по руке. Мы сидим на диванчике, расположенном около лестницы первого этажа. Знаю, что отец разговаривает с врачами в другом крыле больницы. Когда он появляется, я, неспособный вынести разочарования в усталых глазах, сразу ретируюсь в палату, поэтому он предпочитает в последнее время ждать мать снаружи.

— Хорошо, — говорю ей, не поднимая глаз. Хочется курить и пить одновременно. Взгляд падает на черную объемную сумку на ее коленях, и мама, чувствуя мою потребность, достает оттуда бутылку с водой, протягивает мне. Надеюсь, что это яд, жадно отпиваю.

— Олежка, ты обещал, что подготовишься к сегодняшней встрече. Помнишь, мы хотели поговорить об Але?

«Скажи, что это ты ее убил».

— Я ее убил, — послушно повторяю.

— Нет, Олег, ты не делал этого.

«Она врет».

— Ты врешь.

— Я не лгу, сынок.

— Тогда где она?

— Она придет, как только ты будешь готов ее увидеть. Как только тебе станет легче.

«Скажи, что ты ненавидишь ее за то, что она тебе лжет». И мне хочется произнести именно эти слова, но я поступаю иначе.

— У нас же был план, — говорю, поздно понимая, что вслух. Виновато хмурюсь.

— Какой план?

— Я хочу домой, мам, — внезапно обнимаю ее, чтобы отвести подозрения. — Мне кажется, я готов вернуться домой.

— Я не позволю тебе пока жить в одиночестве.

— Знаю, я буду жить у вас с папой, если вы не против. Будете делать мне уколы.

— Больше никаких пропущенных таблеток.

— Договорились.

— Хорошо, я поговорю с отцом.

— Спасибо, — произношу уже шепотом, улыбаясь.

Прошло достаточно времени, чтобы я успел осознать и прочувствовать последствия своего поступка. Я давно уже не кричу, не рву на себе волосы и не пытаюсь пробить головой стены. Как бы глубока не была печаль, как бы я не страдал, прокручивая в голове снова и снова детали случившегося, вспоминая бледное Алино лицо, — все это никогда не вернет мне ее, а лишь провоцирует новую боль и тоску, которые я любовно возвращаю, как

единственный мостик к самому дорогому для меня человеку. В конце концов, я понял, что нужно делать. Если бы я покончил с собой раньше, Аля была бы сейчас жива. В больнице у меня нет возможности последовать за ней, зато на свободе их будет море.

Просто нужно доказать родителям, что я в порядке. Сделать вид, что верю их лжи о том, что Аля все еще жива и здорова, что она спрашивает обо мне. И когда они заберут меня отсюда, я в первый же вечер и сделаю все правильно. Так, чтобы никто не успел помешать.

Потраченное впустую время лишь усиливает ненависть ко всем людям, мешающим исполнению составленного бесами плана. Отпускать своего самого занимательного пациента, то есть меня, домой Игорь отказывался категорически. Уж не знаю, что он наговорил моим родителям, но я заперт в больнице уже второй месяц, ежедневно подвергаясь словесным атакам врачей, цель которых, как они утверждают, упорядочить мои мысли, прояснить случившееся с Алей. Игорь уверен, что я должен сам вспомнить, что произошло тем утром. Понятия не имею, что ему от меня нужно. Воспоминания, которыми я сейчас живу, врача не устраивают. Приходится придумывать новые. Придумывать сложно, из-за лекарств и голосов в голове. Мои попытки выглядят жалко, Игорь увеличивает дозировку, отчего мозг совершенно отказывается работать. Мир плывет перед глазами, я плыву вместе с ним. Речь окружающих сливается с болтовней бесов и становится с каждым днем менее понятной. Последняя здравая, моя собственная идея на этой неделе: «выбирая своим врачом Игоря, я думал, что не будет проблемы обмануть этого тупицу, пресмыкающегося передо мной даже теперь, когда я его пациент, но, кажется, я снова ошибся. Сколько же ошибок я совершил... Вернуть бы время».

Отрывок 27.1. Балансирующая на грани

В тот момент, когда зазвонил мамин мобильный, мы с ней смотрели до отвращения банальный сериал, в котором главная героиня на волне глупейшего приступа гордости в течение двадцати лет скрывала от возлюбленного, что ее ребенок от него. А потом, когда возлюбленный узнал правду, они, обнявшись, рыдали над своими сломленными судьбами и растраченными попусту жизнями. К слову сказать, все эти годы он был уверен, что ребенок рожден от его брата. А какой бы мужик считал иначе, если бы женщина прямым текстом заявила, глядя в глаза, что не он создатель родившегося сокровища? Мне бы их проблемы. Я как раз собираюсь озвучить, что думаю об умственных способностях героини, как из соседней комнаты начинает разгоняться популярная мелодия, заменяющая звонок телефона.

— Добрый день, Николай Николаевич, — улыбается мама, поднося телефон к уху. Родители обожают хирурга, спасшего мне жизнь, увы, того же нельзя сказать про его сына. Имя «Олег» считается запретным в доме родителей, где я прохожу реабилитацию и восстанавливалась. — Конечно, могу говорить. Да, у нас все хорошо. Утром Аля сама ходила в магазин, — подмигивает мне. — Да, все правильно, — улыбается еще шире. — Как у вас дела? — Вдруг резко становится серьезной: — Мы же договорились с вами, — отвечает с укором в голосе. Потом смотрит на меня. — Я сейчас. — Выходит из комнаты.

Мама никогда не скрывает, о чем говорит с Николаем Николаевичем, часто мы втроем общаемся по громкой связи, обсуждая детали лечения, успехи и временные неудачи. Что-то пошло не так? Да нет, я чувствую себя прекрасно, с каждым днем все лучше. Выздоровление происходит именно так, как предсказывал Баль старший. Прогресс очевиден. Значит, моя операция тут ни при чем. И кроме плохих новостей о здоровье дочери, лишь одна тема

может испортить маме настроение при разговоре с Николаем Николаевичем. Они обсуждают Олега. Почему Николай не позвонил мне? Какую информацию мать пытается скрыть? Нехорошие предчувствия ускоряют биение сердца. Убавив звук телевизора, я, хватаясь за мебель и стены, на цыпочках подбираюсь к двери и замираю, прислушиваясь.

— Мне очень жаль вашего сына и еще больше вас, но поймите, подобные новости не пойдут на пользу Але, — медленно произносит мама, понизив голос. — Понимаю, вы в отчаянии, но я думаю, что в ближайшее время Але не следует знать про... случившееся. Пожалуйста, не настаивайте.

Очередной удар в груди отзывается болью. Последнее, что я слышала об Олеге, заключалась о том, что его выписали из больницы, и он отдыхает в доме родителей, приходя в себя после интенсивного лечения, которое должно было «выбить» из его больной головы мысли о суициде. Но, судя по маминим репликам, что-то пошло не так.

— Нет, это вы меня простите, — между тем продолжает говорить она. — До свидания.

— Что случилось? — распахиваю дверь и вижу, как мама прижимает телефон к груди. Выглядит испуганно, будто узнала что-то страшное.

— Ничего, — она нервно разводит руками и быстро уходит на кухню. Я, схватив трость, не отстаю. Несколько минут, молча, наблюдаю, как она вдруг кидается оттирать металлической губкой до блеска вычищенную кастрюлю.

— Мама, что случилось с Олегом? Почему Николай Николаевич не позвонил мне?

— Что с ним может еще случиться? — встрепелась она. — Лечит голову.

— Мама, если я позвоню сама, то Николай и Инна скажут, что с ним все хорошо, как делают это последние месяцы, да? Отшутятся. Что вы от меня скрываете?

— Мы же договорились, что пока не поправишься, не будешь спрашивать о нем.

— Не было такого. Это ты поставила условие. И, как я вижу, подговорила наших общих знакомых, которые в последнее время все как один ничего о нем не знают, — устав стоять, присаживаюсь за кухонный стол.

— Он сумасшедший. Больше о нем нечего знать, — резко возражает мама.

— Это мы еще посмотрим.

Опираясь о стены и трость, я, борясь с усталостью, довольно резво ковыляю к себе в комнату, которую перенесли на первый этаж, чтобы мне было удобнее. Вызываю такси на ближайшее время и принимаюсь собираться. Еще до аварии мы сильно сблизились с Инной Викторовной, что, если вдуматься, вовсе не удивительно, ведь у нас одна общая цель — помочь важнейшему мужчине в наших жизнях, приходящемуся ей сыном, а мне — любимым человеком. После аварии созваниваемся не реже двух раз в неделю, обсуждая мое лечение и возвращение в город. Я не подвергала слова свекрови сомнениям, принимала за правду всю полученную от нее информацию о физическом и психическом здоровье Олега. Сегодня утром довольно бодрым голосом Инна Викторовна заверила, что состояние ее сына не меняется. Я подозревала, что ему плохо и одиноко, но так же понимала, что помимо поддержки родных Олег нуждается в квалифицированной помощи профессионалов, отвергая которую чуть не разрушил себя, меня. Нашу семью. Я ждала, когда смогу приехать и обнять его, хотя бы позвонить и пожаловаться, как мне больно и трудно лечиться. А еще рассказать, что прикосновения его ледяных рук мне снятся по ночам, вместе с его запахом, напоминающим высушенную на солнце траву, одновременно душистую и свежую. Аромат его кожи давно ассоциируется с домом, надежностью и безопасностью.

— Аля, ему сейчас не до тебя! — заходит ко мне мама.

— Разберемся.

— Доченька, ну зачем ты это делаешь? Пойми, никто не ждет от тебя милосердия. Все наши родственники и друзья рады, что вы расстались.

— Мы не расстались. Я не искала встреч только потому, что родители Олега сказали, он пока меня не узнает. Он тяжело перенес угрозу моей жизни, но я никогда не говорила, что отказываюсь от него. А после того, что узнала недавно... тем более. Его никогда никто не поймет так, как я.

— Аля, что скажут люди?!

— Мне плевать на людей. И на тетю Любу, и на дядю Сережу. Плевать, что Ирка в прошлом месяце удачно вышла замуж, и Ленка собирается в следующем. Ты ведь не просто так постоянно рассказываешь о чередке непрерывных свадеб? Пойми, я его никогда не оставлю, мама.

За окном сигналит машина, будем надеяться, такси. Наличных у меня, правда, нет, надеюсь, родители Олега расплатятся. В крайнем случае, сделаем крюк до банкомата. Глубоко вдохнув и выдохнув, я, наконец, чувствую разрывающие сердце, переполняющие чувства и эмоции, смешавшиеся воедино, превратившись в жгучее нетерпение, от которого дрожат руки. Время нашей встречи пришло. И неважно готовы мы к ней или нет. Олег всегда говорил, что я должна жить так, как хочу, и с ним поступать в соответствии со своими желаниями. Так я и собираюсь сделать.

— Тебе мало, что он тебя едва не сделал инвалидом? — кричит вслед мама.

— Не обижайся на меня, но так будет правильно.

— Аля, он сумасшедший. Он загонит тебя в могилу.

— Я люблю его, мама, — улыбаюсь и выхожу из дома, прикрывая за собой входную дверь. Водитель оказался предупредительным молодым мужчиной, как только я ступаю на улицу, он выскакивает из машины и помогает дойти до пассажирского сидения, а потом удобно устроиться. Я все еще передвигалась очень медленно, да и не привыкла к трости.

Преодолев половину расстояния до города, набираю номер свекрови. Трубку берут не сразу, мне даже приходится повторить вызов.

— Привет, Алечка, — голос звучит устало. — Как ты?

— Инна Викторовна, здравствуйте. Спасибо, стараниями Николая Николаевича с каждым днем все лучше. Вы дома сейчас?

— Да, дома.

— Через полтора часа я буду у вас. Заплатите за такси?

— У нас? — заволновалась она. — Как же так... Тебе не следовало пока предпринимать столь дальние поездки.

— Но дело уже сделано. До родителей ехать дальше, чем до вас. Ждите.

Я умышленно не задаю интересующий вопрос по телефону. Но как только оказываюсь в доме Балея, выпаливаю его на одном дыхании:

— Олег жив?

— Жив, — кивает Инна Викторовна. Выглядит она неважно, что можно отнести на счет отсутствия макияжа, если бы сам факт отказа от косметики на лице всегда ухоженной свекрови не настораживал столь сильно. Темные круги под глазами говорят о бессонных ночах, а в самих глазах таится столько безнадежности, что хочется взять ее за плечи и хорошенько встряхнуть. Разумеется, я могу себе позволить только обнять за пару месяцев постаревшую на десяток лет женщину.

— Мы считали, ему действительно стало лучше, забрали домой, Игорь уменьшил дозировку лекарств, — судя по интонациям, Инна Викторовна старается оправдаться. — Казалось, Олег становится самим собой. Стал соглашаться, что не виновен в твоей смерти.

— Подождите. В чем он считает себя виновным? — довольно грубо перебиваю.

Инна Викторовна прошлась по гостиной, проводя рукой по кожаному дивану, словно стирая воображаемую пыль.

— Эта мысль оказалась пиком его безумия. Он до мозга костей пропитан уверенностью, что тебя больше нет, и что именно он причина почему.

— Но ведь я жива! Почему вы раньше не сказали? Я бы могла приехать еще месяц назад. Черт с ним, с креслом-каталкой, придумали бы, как перевезти меня, — всплеснула руками. Так вот, почему Олегу не становится лучше. Он убежден, что поступил со мной, как с Алиной, не может пережить, что меня больше нет.

— Игорь не знает, как Олег отреагирует на твое появление. Мы хотели, чтобы он вспомнил то, что случилось на самом деле, чтобы сам дошел до понимания того, что все хорошо. Только после этого планировали устроить вашу встречу.

— Игорь считает, что Олегу станет совсем плохо, если он меня увидит? Олег может подумать, что перед ним призрак? Как в фильме ужасов?

— Не знаю, — она, наконец, заканчивает «чистить» диван и присаживается на него, оказавшись тем самым ниже меня. — Аля, ты садись, что стоишь с тростью, тяжело, наверное.

И правда, я давно уже чувствую нытье поясницы. Дохожу до дивана и опускаюсь на подушки рядом с собеседницей.

— Если вы считаете, что нам не стоит пока видеться, зачем тогда Николай Николаевич звонил маме сегодня?

Инна Викторовна тяжело вздыхает, трет покрасневшие глаза.

— Вчера вечером мы едва успели снять его с крыши. Он на протяжении последних пары недель обманывал всех, имитируя выздоровление. Я всегда говорила, что Олег очень умный мальчик. Он быстро понял, как ему стоит себя вести, чтобы в нашем понимании соответствовать «здоровому» человеку. Его игра была безупречной, он обманул всех. А сам тем временем стремился найти способ покончить с собой. Аля, Игорь снова помещает его в больницу, говорит, что теперь надолго. Игорь не верит, что Олегу когда-нибудь станет лучше, единственная возможность продлить ему жизнь — непрерывно следить и контролировать каждый шаг. Дома подобный уход обеспечить невозможно. Да и разве жизнь это. Ни нам, ни ему.

— Но ведь вы сами сказали, что никто не знает, как Олег отреагирует на мое появление. Возможно, ему станет лучше. Если ваш план провалился, давайте последуем запасному. Отвезите меня к нему, пока Олега снова не превратили в безвольный овощ, и он еще способен думать.

Убедить Николая Николаевича в целесообразности нашей встречи с Олегом оказывается еще проще, чем Инну Викторовну. Чувствуется, что они невероятно устали за последнее время, сказывался возраст. Втроем мы половину ночи тратим на обсуждение предстоящей встречи, строим догадки, надеясь на лучшее, проще говоря, мечтаем. Хочется действовать. Ни у кого из нас не осталось сил ждать очередного проявления феноменального ума Олега в плане нахождения способа сбежать из больницы и отправиться искать меня на том свете.

Встречу назначили на следующий день. Я категорически отказалась слушать советы Игоря, решив, что лучше буду прислушиваться к себе, своему внутреннему голосу и интуиции. Целью было вытащить мужа из выдуманного им мира, в котором вместо меня властвовало чувство вины, толкающее его к безрассудству.

Тяжелые двери клиники для нас распахиваются ранним утром. Не удивительно, что ни мне, ни родителям Олега этой ночью поспать не удалось. Когда в шесть утра я вышла из выделенной мне для ночлега комнаты, выяснилось, что Инна Викторовна уже печет блинчики. «Мне нужно было чем-то заняться», — смутившись, начала она оправдывать свое занятие.

Как выяснилось, нескольких визитов в психиатрическую больницу вполне хватает для того, чтобы почувствовать здесь себя, образно выражаясь, как дома. Не оставляет мысль, что я прекрасно знаю это место, часто здесь бывала раньше. Радости, разумеется, не ощущаю. Скорее уныние и апатию, нехватку воздуха. Атмосфера угнетает, что-то незримое давит сверху на голову и плечи. Психиатрическая больница похожа на источник безысходности, однажды придя сюда с проблемой, ты навсегда привязываешься к этому месту, и уже под ярлыком «сумасшедший» весь остаток жизни вынужден возвращаться снова и снова. Отсюда не выходят здоровыми, лишь в состоянии ремиссии. По крайней мере, пациенты, подобные Олегу. Нет, я не ненавидела эту клинику, понимая, что очень часто буду бывать в подобных заведениях с Олегом. Иначе не получится. Да и не нужно иначе.

Тем не менее, хочется ссутулиться, склонить голову и сжаться в комок. Шагая по длинному коридору первого этажа, я думаю о том, что, возможно, больница такого плана и должна походить на тюрьму. Не будь здесь решеток, пациенты пробовали бы сбежать через окна. Олег первым бы побежал.

В кабинете Игоря за чашкой кофе приходится переждать, пока Олег позавтракает, и его выведут подышать свежим воздухом. Никто из нас понятия не имеет, как он отреагирует на мое появление. Игорь не смог дать ни единой гарантии, скажу больше, он опасался, что Олег, не соображая, что делает, может наброситься на меня. Несмотря на страх перед своим мужчиной, делящим мысли с захватившими его голову демонами, я отказываюсь от провожатых, посчитав, что если Олег увидит меня в окружении родителей или медперсонала, которым не доверяет, посчитает, что я — это не я, а какая-нибудь переодетая женщина. Тогда все старания окажутся напрасными.

Медбрат, снабдив Олега сигаретами, отходит на некоторое расстояние, чтобы не мешать. Вокруг в радиусе пятидесяти метров ни единого человека. Глубоко вдыхая прохладный воздух, я медленно иду по направлению к своему бедному, лишенному надежды мужу, изредка останавливаясь, чтобы передохнуть. Дорожки на территории больницы оказываются недавно асфальтированными и расчищенными от грязного снега, что крайне облегчает мои передвижения. Родители Олега и Игорь наблюдают из окна на втором этаже, санитары дежурят у выхода из здания, как говорится, на низком старте, готовые в любой момент сорваться с места и спасти меня от Олега в приступе безумия.

Он на меня не смотрит. Погружен в себя, изредка шевелит губами, как будто с кем-то общаясь. Курит, крепко затягиваясь, часто поднося сигарету к губам, выпуская густой дым из легких. «Когда выберемся отсюда, нужно будет заставить его бросить курить», — решаю я, улыбнувшись. Мысли о будущем бодрят. Посчитав их хорошим знаком, я сосредотачиваюсь и подхожу совсем близко.

Боже, я могу коснуться его при желании. Олег же не проявляет ни малейшего интереса к тому, что зону его комфорта нарушил посторонний человек, наоборот, опустил ресницы, показывая, как сильно ему безразлично происходящее вокруг. Некоторое время я, прислушиваясь к ощущениям, рассматриваю его ссутуленные плечи, покрасневшие от холода щеки и длинные пальцы с грязными, поломанными ногтями, крепко держащие сигарету. Обут Олег в летние тряпочные кеды на тонкой подошве, причем не зашнурованные. Поджигает промокшие и, вероятно, замерзшие ноги. Его голову согревает натянутая на лоб черная вязаная шапка, из-под которой торчат безобразно отросшие за эти месяцы светлые волосы. Выглядит он не свежим, даже замызганным. Расстегнутая наполовину куртка и пижамные штаны завершают образ просящего милостыню, опустившегося на самое дно социальной ямы бездомного. Щетина торчит пучками, а на шее выступила аллергия, возможно, от лекарств. Хотя Олег и уверен, что меня больше нет, из нас двоих скорее он походит на поднятый из могилы труп. Тем не менее, развернуться и убежать не хочется. Скорее забрать его отсюда, хорошенько отмыть и накормить.

Очевидно, что он не способен пережить мою смерть. Хочется погладить его, рука дернулась, но я поборола порыв, решив, что в данный момент это лишнее.

Подавившись дымом, Олег кашляет несколько секунд, затем, сплюнув на землю, вновь погружается в себя.

— Привет, — тихо говорю ему, — я хотела попросить у тебя сигарету, — и широко улыбаюсь, не в силах сдержать слезы, вспоминая наше знакомство. Тогда, на балконе Катинной квартиры, Олег показался мне странным, пугающим и непонятным. Но невероятно притягательным и сексуальным. С тех пор прошло около трех лет, навсегда изменивших мое отношение к себе, своей жизни и к нему. Сердце сжимают тиски любви и нежности. Мой хороший, белеющий, раздавленный жизнью и обстоятельствами. Возмнивший себя способным вершить судьбы, но сломавшийся под гнетом последствий принятых решений.

Он вздрагивает, выронив сигарету в снег, поднимает ошарашенный взгляд. Несколько раз моргает, рассматривая меня снизу вверх и широко улыбаясь. В его глазах столько радости и обожания, что мое сердце пропускает удар, а затем разгоняется так, словно я бегу марафон. Руки снова потянулись к нему. Если бы он позвал, я бы упала в его объятия, разрыдавшись. Но он лишь продолжает смотреть и улыбаться.

— Ты же не куришь, — шепчет и двигается, предлагая присесть на нагретое им место. Я тут же принимаю приглашение.

Олег жадно рассматривает мое лицо, не делая ни единой попытки дотронуться. Склонил голову влево, потом вправо. Он любит и восторгается так, словно перед ним неведомая диковинка. Даже дыхание задерживает, — я определяю по долгому отсутствию пара изо рта, — в благоговении сжимает ладони. Кажется, он думает, что перед ним ангел.

— Прости меня, Алечка, — говорит, поджимая губы. Озаренное радостью лицо грустнеет, счастье уходит, уступая место тяжелым мыслям.

— Милый, — я дотрагиваюсь до его щеки, и он трется о мою ладонь, прикрывая глаза от удовольствия.

— Если бы я только мог повернуть время вспять. Может, хотя бы сегодня ты меня поцелуешь? — шепчет.

— Конечно, — я приближаюсь и касаюсь его губ своими. Сначала осторожно, затем увереннее, в следующую секунду он приоткрывает рот, и я целую сначала его верхнюю губу, затем нижнюю, не обращая внимания на тошнотворный привкус никотина. Так надо

сделать, я чувствую.

Мы целуемся несколько минут. Вовсе не так, как делают это истосковавшиеся любовники, скорее, как необходимые друг другу люди. Он ласкает мои губы трепетно и нежно, прикосновения его пальцев к моим шее и голове невесомые, словно Олег боится, что действуй он хотя бы каплю настойчивее, я исчезну. Он будто не верит, что сможет дотронуться до меня по-настоящему, словно я прозрачная. Но я-то знаю, что мы оба живы. Я вцепилась в его плечи, не позволяя отстраниться, затем просунула руку за шиворот, поглаживая его шею и лопатки. Доказывая, что я теплая и самая что ни на есть реальная. Спустя несколько минут он сам начинает понимать это. Отстраняется и смотрит совсем иначе, как за минуту до поцелуя. Прищуривается, анализируя происходящее. Мысленный процесс дается ему с трудом, лоб и переносица покрываются мимическими морщинами.

— Олег, это я, Аля, — пытаюсь помочь ему.

Он отрицательно качает головой.

— Не может быть.

— Ты бы никогда не причинил мне вред. Милый, ты все перепутал. Твой папа сделал операцию, я здорова. И еще... теперь верю в твоё раскаяние относительно Алины. Отчасти даже понимаю. Я много думала, взвешивала, писала свои изложения. Такие же, как в твоих дневниках. Перечитывала, вспоминала каждый наш день, каждое твоё слово. И все поняла. Ты сполна расплатился за ошибку. Хватит с тебя уже.

— Раскаяние относительно Алины? — пораженно переспрашивает он. — Но как? Я же помню, я же видел как ты... а я...

— Олег, но я жива.

Он смотрит вытаращенными, испуганными глазами, а рот безмолвно открывается и закрывается. Снимает шапку и ерошит волосы, больно потянув за кончики. Выражение серых глаз отражает внутреннюю борьбу. Я вижу то безумный блеск, словно там, за радужками пляшут тени невидимых существ — как он сам всегда говорит, «его бесов», то осмысленный и серьёзный взгляд, который так хорошо знаю.

— Но тогда... — мямлит он, хватая меня за руку, — все, что я думал, все мои мысли и воспоминания... они не мои. Аля, ты жива! — восклицает, словно сообщая мне эту новость. Я быстро киваю и улыбаюсь, следя за эмоциями, отражающимися на любимом лице: радость, понимание, шок, недоверие, гнев.

— Милый, ты болен, — мягко говорю я, — тебе нужна помощь.

— Мне нужна ты, — взмолился он. Он утыкается мне в колени, прося ласки, и я кладу обе руки ему на голову, глажу и зачем-то дую, словно минус пятнадцати по Цельсию не хватает, чтобы остыть. Просто так надо, я чувствую.

— Аля, у меня болит голова. Так сильно болит. Все перемешалось. Мне очень больно.

— Потерпи, — шепчу я, продолжая гладить и одновременно кивая санитарам, что пора.

Как только к нам приближается персонал больницы, Олег вскакивает на ноги, начинает возмущаться и сопротивляться. Он боится снова оказаться в одиночестве, ему требуется моё присутствие, как физическое доказательство того, что беда, которая убивала его последние недели, ненастоящая.

Ему на самом деле плохо. Лицо и тело горят, температура поднялась на два градуса. Моральная, психологическая боль каким-то образом переросла в физическую. Словно внутри кипит борьба реальности с безумными идеями, порожденными болезнью. Мы оба балансируем над ямой, обителем его демонов, не желающих, чтобы он снова поверил в

возможность счастья. Но я жива. И все порожденные недугом аргументы разбиваются об этот факт вдребезги. Я рядом все то время, что требуется. Держу его за руку, шепчу бессмысленный слова.

А на следующий день он просыпается, и мы с его родителями читаем в серых глазах острое желание жить.

IV часть

Если вы достаточно безумны, чтобы заниматься делом, которое любите - вы обречены прожить жизнь, полную смысла.

(Герберт Келлехер)

Отрывок 27.2. Балансирующая на грани

Помню время, когда я любила засыпать и просыпаться в одиночестве. Правда ли любила? Или привычка настолько сильно приелась, что стала восприниматься, как осознанный выбор? Уже пятую ночь я провожу одна, да еще и в чужих стенах. Читаю книги, вяжу, или смотрю телевизор до состояния, когда впору спички в глаза вставлять, потом отрубаясь. Утром по привычке варю кофе, кашу, разбираю вещи, переглаживаю их и развешиваю по шкафам. Что-то выбрасываю, что-то кидаю в стирку. Вдруг появилось так много свободного времени. Раньше казалось, что у меня море дел, было б когда ими заниматься. А нет, вот она свобода — пользуйся. А на душе грустно и тоскливо. Но это ничего, я сильная, плакать не стану. Тем более, мама должна скоро приехать.

Мама долго ходит по новой квартире, оценивает планировку. Скептически прищуривается, трогая недавно окрашенные стены и броские фотообои в спальне и зале, любуется видом с балкона. Стеклопакетные окна в пол на двенадцатом этаже элитной высотки в первую минуту выводят из равновесия. Особенно непросто смотреть вниз человеку, который всю жизнь прожил на первом этаже в частном доме. Но ничего, скоро она привыкает и даже пьет со мной чай в просторной лоджии.

— Уютно получилось, — хвалит ремонт. — Хотя твоя старая квартира мне все равно нравилась больше.

— Это потому, что эта еще не обставлена, как следует. На днях рабочие соберут кухню, а через две недели привезут мягкую мебель. Когда разберем все коробки, повесим шторы — станет совсем иначе. Вот увидишь.

— Да, наверное. В любом случае переезд был необходим. Не дело каждый день мотаться на другой конец города, как ты жила последние два года.

— Это точно. Приходилось вставать на час раньше и досыпать в метро, чтобы успевать на работу к восьми. Но кто ж знал, что застройщик так сильно задержит ввод в эксплуатацию.

— Не жалеешь, что уволилась с «Эд точка ру»? Жила бы по-прежнему рядом с работой, там все знакомо, да и зарплата выше. До сих пор не понимаем с отцом, почему ты это сделала. Бывает, проснусь в шесть утра. Не спится. Лежу и думаю, мне-то хорошо, валяйся хоть целый день, а ты в это время уж выходишь из дома, чтобы успеть вовремя.

— Ну, не преувеличивай. Я выхожу в шесть сорок, редко, когда раньше. Сама удивилась, когда Вера Анатольевна позвонила и позвала к себе в госпредприятие. — Не могу сдержать улыбку, вспоминая тот ее неожиданный звонок. Мы обе не знали, о чем говорить, но зачем-то продолжали это делать почти пятнадцать минут.

— Да уж! Мы с отцом как узнали, что ты снова идешь в подчинение к этой ведьме, так едва в обморок не попадали.

Усмехаюсь.

— Как выяснилось, мои страхи были сильно надуманы. Обычная дотошная тетка,

которая, кстати, начала уважать меня только после того, как я научилась давать ей отпор. Старая ведьма так привыкла ко мне, что перетянула к себе на гос. службу. Честно говоря, если бы мне сказали о том, что я добровольно пойду к ней в подчинение, да еще и на меньшую зарплату несколько лет назад, я бы покрутила у виска.

— Не договариваешь ты что-то, дочка.

— Да нет, серьезно. В итоге мы с ней неплохо сработались. Женщинам вообще тяжело выживать в области IT. У мужиков как будто ум от рождения технически заточен, схватывают на лету. Но ничего, многих с ней мы уже поставили на место.

— В смысле?

— Не поверишь, мам, чем я сейчас занимаюсь. Тестирую программные продукты, которые пишут для нас подрядчики, и выношу мозг несчастным по полной программе, как когда-то выносили мне. Перешла на другую сторону баррикады.

Мамины сомнения понятны, я сама долго не хотела даже обсуждать идею вновь работать с чудовищем Верой Анатольевной. Но потом Олег уговорил хотя бы поехать на собеседование. Мы сидели в ее просторном кабинете, пили кофе и пытались вести беседу, настороженно переглядываясь, как вдруг распахнулась дверь, и залетел ее прямой руководитель, как позже выяснилось, бывший одноклассник. Несколькими убийственными фразами он, ничуть не смущаясь присутствия незнакомой женщины, то есть меня, уложил ведьму, фигурально выражаясь, на лопатки, и вышел. А она опустила голову и заплакала. Столько раз, вытирая кровь с лица, я мечтала увидеть слезы этого монстра, но в тот момент испытала лишь жалость. Тяжело конкурировать с мужчинами. Вера Анатольевна поплакала, вытерла слезы, собралась с духом и продолжила разговор:

«И такое бывает, Алла Константиновна. Мне тоже сложно сдерживать эмоции, особенно, когда коллеги — друзья, и в запале вполне себе могут позволить обозвать недалекой. Трудно найти толковую бабу в нашей области. А одной справляться тяжело. Иногда просто хочется увидеть в глазах понимание. Иногда этого достаточно».

Несколько минут я колеблюсь, но затем всё же решаю не говорить пока маме, что менее, чем через полгода, Вера Анатольевна собирается на пенсию, и планирует оставить свое место мне. Решение руководства может еще двадцать раз измениться, ни к чему обнадеживать родителей раньше времени. Тем более я собираюсь вступить в должность еще не скоро. Вот бы получилось.

— Главное, чтобы ты была счастлива.

— Спасибо за поддержку. Каждый день я ухожу с работы в пять часов, представляешь? Выключаю компьютер и иду домой. А в пятницу — в четыре. У меня есть настоящие больничные, отпускные, праздничные и сокращенные предпраздничные дни. Полностью белая зарплата. Это многого стоит.

— Это точно. — Мама решает сменить тему: — Что будете делать с третьей маленькой комнатой? Даже стены еще не покрасили.

Пожимаю плечами.

— Пока не решили. Будет или кабинет, или детская. Как получится.

— Опасное дело ты затеяла, дочка. Мало какой мужик станет любить чужого ребенка.

— Ты мне это уже говорила, мам.

— Олег не исключение.

— В первую очередь он доктор. — Поднимаюсь со стула и иду открывать дверь, так как в домофон только что позвонили. — И мыслит, прежде всего, как доктор, потом уже как

мужчина, поэтому спокойно относится к этому вопросу. Только ты не болтай никому. — Вдруг замираю и оборачиваюсь: — Это серьезный вопрос, мам.

— Я вообще-то для того и приехала, чтобы лично сказать, чтобы вы никому не говорили о том, что ребенок, если будет, не от Олега.

— Правильно. Всех друзей и родственников, при необходимости, следует заверить, что недуг не передается по наследству. Но лучше этой темы вообще не касаться, конечно, — закусываю губу. Хочется провести рукой по животу, хотя пока неизвестно, дала ли результат процедура.

Честно говоря, с Олегом мы окончательно заврались. Надеюсь, удастся не запутаться, и запомнить, кому что пообещали или сказали. Родители согласились смириться с моим браком и принять нерадивого зятя только после обещания, что их внуки родятся здоровыми. Иначе выносить мамины причитания не было никаких сил, она при каждой встрече напоминала о вещах, о которых забыть и так не поучится никогда. Мой муж стоит на учете в псих. диспансере. Забудешь тут.

Но мы смогли приспособиться, научиться выживанию в этом мире. Не лучше и не хуже многих.

Конечно же, мы ходили к генетику! Тысячи исследований на данную тему показали лишь то, что если недуг моего мужа и передается по наследству, то в самом зачаточном состоянии, означая лишь предрасположенность к психическому нарушению. А дальше все зависит от многих других факторов, в том числе психологических, стрессовых, биологических... Если у человека с хорошей наследственностью риск заболеть составляет один процент, то при наличии заболевания у одного из родителей — возрастает до пяти. Не так уж и велика разница.

На пороге — Катя с Машей и Ниной.

— Как же вас много-то! Проходите скорее, промокли.

— Насквозь! — причитает Катя, быстро стягивая куртку и разуваясь. Девочки не отстают. — Дашь, во что переодеться?

— Конечно. В зале мама, подождите там.

Вот так всегда, пять дней назад Олег улетел на форум в Москву, я тут же позвала маму и девочек разбавить мое одиночество. Но получилось у всех прийти только сегодня, причем практически одновременно.

Приветствия, наконец, окончены, девочки переоделись в сухие вещи, сидят кто на стульях, кто на коробках в зале, потягивают вино из чудом найденных в кошмарном бардаке бокалов, закусывают сыром и фруктами. Я старательно чокаюсь и делаю вид, что пью со всеми наравне, сама же украдкой переливаю содержимое своего бокала в мамин. Пока ничего не станет ясно на сто процентов, никто не должен знать, что я, возможно, беременная. Решилась довериться только маме.

— Значит так, вы разбирайте коробки в лоджии, — киваю я Кате с Машей, — мы с Ниной займемся вещами в спальне. Мама, пожаришь нам куриных котлет? Мясо в холодильнике.

За разговорами время летит быстро, работа идет активно. Олег прилетит завтра ближе к вечеру и сильно удивится порядку. Больше всего, конечно хочется уже нормальную кухню. Сейчас варочная поверхность стоит на паре кирпичей, под покровом темноты одолженных на время с соседней стройки. Я, как верная жена и подельница, ждала Олега в засаде. Ну и насмеялись мы в тот вечер.

— Шизофреник со справкой украдкой тырит кирпичи. Кто бы мог подумать, кем я стану, когда вырасту, — подмигнул он мне, когда зашел в нашу новую квартиру, прижимая к себе добычу.

— Если бы тебя поймали, я бы дождалась. Честное пречестное! — самоотверженно воскликнула я, встречая добытчика легким поцелуем в губы.

— Однако ж мне почему-то не радостно от этой перспективы. Разводи костер, женщина, голодный уставший муж пришел с «дела».

Катя напялила мою летнюю соломенную шляпу с огромными полями и шастает по квартире, пританцовывая под «Cheese people», Маша ходит по пятам, без зазрения совести умоляя подарить черное коктейльное платье.

— Ты все равно его уже не носишь, — ноет она. — А мне бы пригодилось. У меня новый кавалер. Вообще, замужним женщинам не пристало ходить с таким вырезом.

— Оно мне дорого как память, — посмеиваюсь я над подругой. Именно в нем я, кстати, была тем вечером, когда мы с Олегом впервые танцевали вместе на корпоративе. — Оно счастливое.

— Ты вообще о нем забыла, могу поспорить. Я его нашла, не без труда — кстати. Значит, теперь оно мое.

— Вот оно что, — смеюсь. — Ну, померь, вдруг хорошо сядет. Я подумаю.

Пока Маша переодевается, мама накрывает на крошечный низкий столик наш скромный домашний обед. Она неожиданно хорошо вписалась в компанию, и сейчас взахлеб обсуждает с Ниной рецепт солонины.

— Без тебя, конечно, в «Эд точка ру» уже не так, — громко говорит Нина. Она всегда перестает следить за тоном, когда немного выпьет. Я давно привыкла, но девочки хихикают и переглядываются. — На твое место, правда, недавно взяли очередного специалиста. На этот раз это ну очень симпатичный мужчина чуть за сорок. Справляется с переменным успехом.

— Женатый? — подмигиваю я.

— Пфф, мне то откуда знать, — быстро отворачивается она, показывая, что не желает продолжать тему. Я слегка улыбаюсь, понимая, что Нина знает все на свете. И неспроста она не отвечает прямо.

— А когда Олег вернется? — спрашивает Катя.

— Завтра вечером.

— Приезжайте к нам на следующей неделе, сделаем мясо на гриле. О, чуть не забыла! Недавно читала его новую статью в «МедПравде». Мы с Мишкой смеялись в голос.

— Да, его завуалированный юмор понимают не все, но кто понимает — оценивает по достоинству.

— Хорошо платят в этом журнале?

— Неплохо. Его «Заметки отрицательного человека» пользуются спросом. Это, конечно, не то о чем он мечтал. Все же раздел юмористический. Но пишет с удовольствием. Ну и продолжает заниматься арендой квартир. Нам хватает, — туманно завершаю речь. Неспроста Катя так мало знает о нашей жизни. Редко удается вот так собраться вместе. Мы часто созваниваемся с ней и Инной Викторовной, а вот видимся, если повезет, раз в месяц. Но сейчас, думаю, будем чаще, так как новая квартира как раз находится на выезде из города в ту сторону, через которую я езжу к родителям и свекрам. Впрочем, посмотрим. Они все еще настороженно относятся к сыну или брату, при каждом звонке ожидая плохих новостей,

не доверяя затянувшейся ремиссии. Часто не замечают, как сильно он старается быть ближе, как сложно ему дается общение с ними. Но мы не переживаем по этому поводу. В любом случае, видимся с родственниками намного чаще, чем раньше, прогресс очевиден.

На той неделе отпраздновали юбилей — полтора года минуло, как Олег не принимает лекарства. Врачи только пару месяцев назад разрешили начинать планировать. Что будет дальше, одному Богу известно. Но если кто-то знает о своей дальнейшей жизни больше меня, пусть сделает шаг вперед. Я рассмеюсь, пожму руку, и пожелаю удачи.

— Аль, а что делать с этими тетрадами и блокнотами? Тут целая тонна!

— Ну-ка дай я посмотрю. — Разбирая склад коробок в лоджии, Катя случайно наткнулась на гору наших с Олегом старых изложений. Как же их много! Кто бы мог подумать.

— Можно увезти родителям, будут разжигать камин, — предлагает Катя.

— Нет, пусть пока останутся.

Мама спит на нашей с Олегом кровати, девочки несколько часов назад разъехались по домам, а я все сижу на кухне, плотно прикрыв дверь, чтобы в спальню не просачивался свет, и взахлеб читаю тексты, которые иногда с улыбкой, иногда со слезами на глазах писали мы с Олегом несколько лет назад.

Пока я заново училась ходить после операции, тратила уйму времени на то, чтобы проанализировать причинно-следственные связи событий последних лет, ища виноватого, стараясь понять, что именно привело меня в тот злополучный день на проезжую часть под колеса машины. Легче всего было бы, конечно, сделать, как советовала мама — свесить ответственность на Олега и навсегда вычеркнуть мужчину из своей жизни. Я бы так, вероятно, и сделала, если бы нашу связь можно было бы уничтожить одним днем, пусть даже и трагическим. Слишком близкими людьми мы друг другу стали, чтобы запросто забыть, перешагнуть и идти дальше. Куда идти? Без него никуда не хотелось.

Заслужил ли Олег прощение? Искупил ли вину? Сложные вопросы, непросто было отыскать ответы. Я заработала мозоли на пальцах, пока писала о прошлом, начиная с того дня, как впервые услышала о своем муже. Экономить время необходимости не было. Мне предстояло разобраться и скорректировать дальнейшее направление жизни, которая в тот момент катилась как снежная глыба с горы, набирая обороты, сметая на своем пути желающих помочь, рискуя врезаться в препятствие, и разлететься на комья. Меня ждало важное решение, принятие которого нечестно свешивать на других. Сколько же бумаги мы с ним исписали. Как она только вытерпела.

Отрывок 28. Балансирующий на грани

Аля не слишком любит сюрпризы. Не сложно догадаться почему. Сюрпризы шизофреника редко приносят радость. Но, по крайней мере, я стараюсь, как могу, ее не разочаровать. В последнее время она часто смеется, даже Вера Анатольевна ей нипочем. Какая же она сильная. Интересно, она такой родилась, или же жизнь была, пока не добилась желаемого? Вопрос непростой. Впрочем, какое это имеет значение. Для того чтобы чувствовать себя счастливым некоторые ответы знать необязательно.

Какое-то время я топчусь у закрытой входной двери, понимая, что ключи от квартиры лежат внутри этой самой квартиры. Они там, а я снаружи. Такой вот растяпа. На часах — пять минут третьего, будить Алю не хочется. Но и ночевать на пороге не слишком хорошая идея. Что ж, стоило подумать об этом раньше.

Большой медицинский форум, на который меня пригласило руководство «МедПравды»,

прошел бодрее, чем я предполагал. Долгое время сомневался, ехать или нет, но Аля настояла. Время, правда, выдалось не самое лучшее, мы только предприняли вторую попытку забеременеть. Но ее мама обещала приехать и составить компанию. Кто ж знал, что к ней нагрянут родственники, вынуждая задержаться на несколько дней в поселке.

Конечно, глупо было надеяться, что я играючи освоюсь на этом сборище людей в белых халатах, запросто вольюсь в коллектив, с легкостью начну перехватывать инициативу разговоров, то и дело сыпя байками и шутками, пока бывшие коллеги не начнут хвататься за животы, катаясь по полу. С другой стороны, я неплохо поел, пообщался со многими старыми знакомыми, почерпнул несколько недурных идей для новых статей в юмористическом разделе популярного мед. журнала, где последний год ежемесячно печатают мои заметки. Странно, но здоровым нравится читать бредовые идеи и рассуждения сумасшедшего. Они находят их остроумными. Не стоит, разумеется, думать, что я особо выбираю выражения, и шажу нашу современную медицину и представителей старой школы. Ни в чем себе не отказывая, поливаю резкими словечками и подкальываю, издеваюсь по полной программе. Ну, мне только дайте повод, я найду до чего докопаться. Легче всего высмеивать то, что делать не умеешь, не так ли?

Только заметил, что забыл снять бейджик. Как был, сорвался с заключительного ужина и рванул в аэропорт. Соскучился по своей Алечке. На бейджике написано, что я внештатный писатель. Кто бы мог подумать. В последней статье опубликовали фото моей трудовой книжки, которой я посвятил целый текст. Санитар, врач-психиатр, системный администратор, уборщик, писатель. Бывает же. Редко у кого, к счастью.

Почему я уехал раньше срока с форума? Представил, что снова придется тащиться в гостиничный номер и засыпать в одиночестве. Одиночество я не люблю. С тех пор, как врачам удалось выправить бесов из моей головы, я стал особенно остро нуждаться в общении и живом диалоге. Привык я к круглосуточной мерзкой болтовне, приходится теперь вот компенсировать. Усмехаюсь. Естественно, я не скучаю. Искренне верю всем сердцем, что они передохли навсегда. Если какой снова заведется, прикончим и его. Терпеть я не стану. Некогда мне сейчас.

Иногда во мне вдруг просыпается оптимист и сыплет подобными, как выше, заявлениями. Что ж, почему бы и нет? Будущее туманно. Я пройду весь путь, который предстоит. Не стоит жалеть меня, каждому придется пройти собственный путь. Пусть нам всем чаще улыбается удача.

Что ж, хватит стоять под дверью и гипнотизировать замок. Стучусь.

Открывают почти сразу. На пороге — моя Аля в пижаме. Волосы собраны вверх, как я люблю, глаза широко открыты, ни намека на сон.

— Олег? — удивляется она, после чего выхватывает из рук одинокую розу, и прижимается ко мне.

— Аль, погоди, я хоть куртку сниму. Мокрая, холодная. — Быстро раздеваюсь.

— Спасибо за цветок, — она подносит его к носу.

— Потянуло на романтику. Соскучился, — улыбаюсь я. — Мама спит? — понижаю голос.

— Да, в спальне. Проходи на кухню. Мы тебя ждали только завтра, но кое-что от посиделки с девочками осталось перекусить.

На кухне я усаживаюсь на стул рядом с низким неудобным столиком, скорее бы уже привезли нормальную мебель. Аля хлопчет у холодильника, я люблю ее стройной

фигуркой.

— Почему так рано? Все нормально? — вдруг спрашивает она, оглянувшись.

— Да отлично. Потом расскажу подробнее, сейчас нет сил. Соскучился по тебе. Да и вот не удержался, — достаю из кармана несколько упаковок с тестами. — Сделаем сейчас, или дождемся понедельника и сдадим кровь? — хитро помигиваю. Она расплывается в улыбке, берет из рук тесты.

— Решили же, что на этот раз не станем торопиться.

— Можем их выбросить. Но меня прямо распирает узнать, Аль.

Она смеется.

— Меня тоже. Сейчас подумаем и выберем, как поступить. По идее, они уже должны показать, получилось или нет.

— Угу. — Хватаю ее и прижимаю к себе. Надоела болтовня. — Как считаешь, — шепчу на ухо, — твоя мама крепко спит? — целую нежную шею, Аля послушна и податлива моим ласкам. Чувствуется, что тоже соскучилась.

— А вдруг получилось? Тогда нельзя.

— Пф, глупости. Здоровой беременности осторожный секс не помеха. А я буду осторожным, поверь, — подмигиваю, хотя сам пока не представляю, как после стольких дней вынужденного воздержания, дорвавшись о ее тела, вести себя осторожно. Разберусь по ходу.

— Подожди минуту, милый, хочу тебе кое-что показать. Я мигом.

Она не без труда высвобождается из объятий и, переступая через расставленные, как попало, на полу пакеты, банки и коробки, добирается до подоконника, и берет оттуда пачку тетрадей.

— Смотри, что я нашла: наши старые дневники, представляешь. Я думала, мы их выбросили.

— Надо же, — с интересом беру из ее рук первый попавшийся, открываю на случайной странице и читаю свои похотливые фантазии о своей тогда еще будущей жене, которые без стыда и совести изливал на бумагу, когда только пришел в «ЭД точка ру» работать.

— Я так и не смогла уснуть сегодня, все читала и читала. Знаешь, о чем подумала? Твой редактор, как там его?

— Вьюжин, — подсказываю.

— Да, точно. Он мог бы взглянуть на эти тексты. Знаешь, если соединить твои и мои изложения, выстроить их в правильной временной последовательности, доработать. Что-то убрать, что-то добавить, может, приукрасить даже... Короче, может получиться целая история! Я уверена, что они могут помочь кому-то, вдохновить поступить правильно, в соответствии с собственными сокровенными мечтами.

— Ты считаешь?

— Весь вечер только и думаю об этом. Например, мои изложения озаглавить четными главами, твои — нечетными.

— Почему это мои — нечетными?

— Ну, давай наоборот. Как разница! — негодует она, освобождаясь от моих рук, которые давно отложили блокноты в сторону, и теперь всю шарят по ее пижамке. — Олег, я серьезно. Ты издеваешься надо мной?

— И в мыслях нет. — С трудом сдерживаю улыбку. Ну, какая еще книга, когда мы не виделись неделю! Нужно решать проблемы в порядке их срочности и важности. И

приоритете сейчас — моя дикая жажда ее тела. — Быстро в ванную, делай тест, мне нужно знать, как любить тебя этим вечером. Я подойду через минуту. Мы включим душ. Уверяю, твоя мама ни о чем не догадается. Пулей, Аль, я не шучу.

— Обещай, что потом серьезно подумаешь над моей идеей.

— Живо! — рычу я ей, успевая ущипнуть за упругую попку прежде, чем Аля убегает в ванную.

Даже не знаю, какой результат хочу получить больше. Удалось или нет? Для меня имеет значение только то, что после пережитого Аля предпочла остаться рядом. Наверное, пусть будет так, как мечтает она. Я давно не живу амбициями и жаждой соперничества с отцом. Мне очень повезло, своей больной головой удалось понять не слишком поздно, что больше всего я мечтаю делать счастливой свою любимую женщину. Пусть большой ценой, но я обрел новую цель в жизни.

Аля не знает, каким я был додиагноза, что к лучшему. Когда мы с ней познакомились, я уже мыслил иначе. Больше не считал окружающих неудачниками, и...как бы правильно выразиться... признавал их право на существование. Хотя раньше меня не раздражали только пациенты, то есть люди, добровольнопризнающие, что зависят от меня, что меня нужно слушаться.

Болезнь научила терпению, указала место, находящееся позади толпы. Тяжело приходилось моему эго, но я делал успехи. Старался облегчить окружающим их участь находиться рядом — одни Эмиль с Эм чего стояли. Семимильными шагами двигался навстречу миру и, должен признаться, был к нему ближе как никогда раньше, в том числе додиагноза. Пережитые ужасы в кинике, отвращение знающих о моем недугелюдей — это кара, которую я должен был принять, чтобы позволить себе вцепиться во второй шанс.

Как ни странно, но диагноз никогда не отталкивал Алю. Ее страшила неизвестность, скоторой приходилось сталкиваться — тайны, недосказанности, запретные темы. Теперь таковыхне осталось. Два года назад мы решили начать заново строить семью, теперь уже ничего не скрывая друг от друга. Она сама предложила попытаться, и я ответил согласием. Из клиники поехал сразу к ней, правда, первые месяцы ночевал на диване. Пока она не пришла со своей подушкой.

Когда ждать новый рецидив? Будет ли он вообще? Ни у кого из известных мне или родителям наших родственников не было проблем с головой. Нет информации ни об одном прецеденте. Не с чем сравнить мой случай, неизвестно, чего ждать.

Возможно, я по-прежнему законченный эгоист. Что ж, пусть так и есть. Не исключаю, что когда-то мне, может быть, придется уйти и оставить ее. Но пока нам вместе лучше, чем порознь, гарантирую, что и с места не сдвинусь.

Задумавшись, я потерял счет времени. Очнулся, когда услышал ее громкий нетерпеливый шепот:

— Олег, дуй сюда!

Больше книг на сайте - Knigolub.net